

Asama
Ypocumu

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	60
Глава 4	97
Глава 5	112
Глава 6	140
Глава 7	170
Глава 8	211
Глава 9	266
Глава 10	283
Глава 11	294
Глава 12	316
Эпилог	329

Агата Кристи

Пропавшая весной

Цветущею весной я скрылась от тебя...

Глава 1

Джоанна Скудамор, прищуриив глаза, окинула взглядом погруженную в полумрак просторную гостиничную столовую. Дама была немного близорука.

Конечно же, это... Нет, не может быть! И все-таки это она, Бланш Хаггард.

Невероятно! В такой глуши – и встретиться со своей подругой школьных времен, которую не видела вот уже... Да, почти пятнадцать лет!

Первым чувством Джоанны была радость узнавания. От природы она была общительным человеком и всегда радовалась, встречая друзей и знакомых.

«Боже мой, бедная, дорогая моя Бланш, как она ужасно переменилась! – подумала Джоанна. – Бланш выглядит намного старше своего возраста. В самом деле, намного. В конце концов, ей не должно быть больше... Да, сорока восьми».

Совершенно естественно, что после этой мысли

Джоанна взглянула на свое собственное отражение в зеркале, висящем рядом с ближним столиком. То, что Джоанна увидела в зеркале, заставило ее улыбнуться.

«В самом деле, – подумала Джоанна, – я неплохо сохранилась».

В зеркале она увидела стройную женщину средних лет с не очень правильным, но зато почти без морщин, лицом, окаймленным каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой, с ласковыми голубыми глазами и милым улыбающимся ротиком. Женщина была одета в прекрасно сшитое дорожное пальто и плотную юбку: рядом на полу стояла объемистая сумка, содержащая все необходимое для путешествия.

Джоанна Скудамор возвращалась из Багдада в Лондон, избрав на этот раз сухопутный маршрут. Пройшей ночью она выехала из Багдада поездом. Этой ночью она отлично выспалась в привокзальной гостинице и на следующее утро намеревалась отправиться дальше.

Неожиданная болезнь младшей дочери заставила ее сорваться с места и в спешке покинуть Англию. Вспомнив об этом, Джоанна подумала, какой все-таки непрактичный человек Уильям, ее зять, и какой же хаос царил у них дома без хозяйского глаза и заботливых рук.

Но теперь все было в порядке. Уж она то позаботилась, она все устроила. Присмотрела за ребенком, пока выздоравливала Барбара, поучила жизни Уильяма, все расставила по местам, направила дела в нужное русло, все уладила, устроила и привела в порядок. Слава Богу, подумала Джоанна, у нее есть голова на плечах.

И Уильям, и Барбара просто не знали, как ее благодарить. Они просили ее остаться, не спешить сломя голову обратно, но она в ответ лишь улыбалась, сочувственно вздыхала и отказывалась. Потому что ей надо было подумать и о Родни, бедном старом Родни, который остался в Крайминстере, как обычно, с головой погруженный в работу, и во всем доме некому о нем позаботиться, если не считать прислугу.

– В конце концов, – сердито пробормотала Джоанна, – что такое прислуга?

– Твоя прислуга, мама, само совершенство, – сказала ей как-то Барбара. – Ты всегда умела выбирать слуг!

Джоанна саркастически усмехнулась, но все равно ей было приятно вспомнить похвалу дочери. Потому что всегда приятно услышать комплимент, когда сделано и сказано самое главное. Иногда Джоанна спрашивала себя, действительно ли ее домочадцы чувствуют благодарность к ней как к хозяйке дома за от-

лично налаженный быт, за ее труды и заботу?

Не то чтобы ее чрезвычайно заботил этот вопрос. Нет, и Тони, и Эверил, и Барбара – все они были послушными и благодарными детьми, так что они с Родни имели все основания гордиться своими детьми и их успехами в жизни.

Тони уехал в Родезию, где занялся выращиванием апельсинов, Эверил, заставив родителей немного поволноваться, в конце концов успокоилась и стала женой обаятельного процветающего биржевого брокера. Муж Барбары занимал хорошую должность в департаменте общественных работ в Ираке.

Все они росли милыми и здоровыми детьми с хорошими манерами. Джоанна подумала, что они с Родни должны быть счастливы. Особенно ее трогала мысль, что они с Родни как родители достойны похвалы. В самом деле, они с большим вниманием относились к своим малышам и с великим усердием занимались их воспитанием, всегда чувствуя неясную тревогу: и когда выбирали няnek и гувернеров, и позже, когда дети уже учились в школе; да и всегда они прежде всего заботились о детях, отдавая им самое лучшее.

Джоанна почувствовала легкое самодовольство и отвела взгляд от своего отражения в зеркале. «Ну что ж, это прекрасно, если кто-то добивается успеха в своем деле, – подумала Джоанна. – А что касается ме-

ня, то я никогда не стремилась сделать карьеру и добиваться служебного роста. Меня вполне устраивало положение жены и матери. Я вышла замуж за человека, которого любила, и он достиг успеха на своей службе, а в этом есть и моя заслуга. Человек достигает очень многого, если на него оказать соответствующее влияние. Милый мой Родни!»

Сердце ее наполнилось теплотой и нежностью при мысли, что она скоро, очень скоро снова увидит Родни. Прежде она никогда не оставляла его одного надолго. Все-таки какие счастливые, спокойные годы они прожили вместе! Впрочем, спокойной их жизнь, пожалуй, не назовешь. Семейная жизнь не бывает спокойной. Праздники, инфекционные болезни, лопнувшие трубы в морозную зиму... На самом деле жизнь – это последовательность маленьких драм. А Родни всегда упорно трудился, не жалея себя. Может быть, упорнее, чем позволяло его здоровье. Особенно тяжело ему пришлось в тот год – шесть лет назад. Джоанна с грустью подумала, что он за последнее время сильно сдал, гораздо больше, чем она сама. Он заметно ссутулился, в черных, как смоль, волосах появилось много седины, взгляд стал усталым и тусклым. В конце концов, такова жизнь. И вот теперь, когда их дети выросли, завели свои семьи, а дела фирмы пошли хорошо и новые партнеры внесли в

дело свежие мысли и новые капиталы, бедняге Родни стало немножечко легче. Теперь они уже могли выделить время и для развлечений. Они стали больше путешествовать, то и дело проводили в Лондоне неделю, или даже две. Наверное, Родни следовало бы заняться гольфом. В самом деле, почему она раньше не подумала об этом и не убедила его заняться гольфом? Такое здоровое времяпрепровождение на свежем воздухе? Особенно если принять во внимание, что он все рабочее время сидит у себя в душном офисе.

Решив непременно по возвращении домой убедить мужа в полезности гольфа, миссис Скудамор еще раз посмотрела в противоположный угол обеденного зала, где сидела та самая женщина, которая когда-то была ее школьной подругой.

Бланш Хаггард. Как она обожала Бланш Хаггард, когда они вместе учились в школе Святой Анны! Не только она – все просто с ума сходили от Бланш. Она была такая смелая, такая удивительная и, что самое главное, очень красивая. Весьма забавно вспоминать об этом теперь, глядя на худую, суетливую, неопрятную, пожилую женщину. А что за платье на ней! И сама она выглядит по крайней мере лет на шестьдесят.

Да, подумала Джоанна, очевидно, Бланш не очень повезло в жизни.

Минутная жалость тронула ее сердце. Вот сидит Бланш, одетая в какие-то обноски. А тогда ей был двадцать один год и весь мир лежал у ее ног! Внешность, положение, доброе имя – все, что у нее было, она потеряла ради того типа! Ветеринар! Да, вот именно, он работал ветеринаром, у него уже была жена, что весьма осложняло их положение. Родители Бланш, не долго думая, забрали дочь из школы, и всей семьей отправились в длительное путешествие, в один из дорогих кругосветных круизов, рассчитывая, что время и новые впечатления успокоят любовный пыл девушки. Но Бланш сбежала от них, сойдя с парохода на берег где-то в Алжире или в Неаполе, и вернулась домой, чтобы соединиться со своим ветеринаром. Естественно, он, бедняжка, совершенно выбитый из колеи ее страстью, потерял голову, а потом лишился клиентуры и крепко запил. Его жена отказала ему в разводе, что весьма усугубило его положение. Тогда они бежали из Краймминстера, и долгие годы Джоанна ничего о них не слышала, пока однажды случайно не встретила Бланш в Лондоне, в универмаге, в отделе обуви. После недолгого осторожного разговора (осторожного со стороны Джоанны, Бланш и в голову никогда не приходило осторожничать в разговорах) выяснилось, что Бланш бросила своего вконец спившегося ветеринара и теперь была замужем за человеком по фами-

лии Холидей, который служил в страховом агентстве.

Но Бланш сказала, что он решил оставить службу, потому что собирался написать книгу об Уоррене Гастингсе и хотел посвятить работе над нею все свое время, а не писать урывками по выходным или по вечерам, с оступевшей за день сидения в конторе головой. Джоанна поинтересовалась, на какие средства он собирается содержать семью. Наверное, спросила она, у него есть капитал в банке, и они смогут прожить, хотя и скромно, на проценты? В ответ на это Бланш, лучась благодушной улыбкой, ответила, что у него нет ни цента за душой! Джоанна заметила, что в его положении было бы неразумно оставлять работу, если он не знает наверняка, будет ли его книга иметь успех. Может быть, эту книгу ему заказали?

— Ох, дорогая моя! — беззаботно засмеялась Бланш. — Вряд ли книга будет иметь успех, потому что, хотя Том и очень увлечен работой, все-таки пишет он из рук вон плохо!

Тогда Джоанна посоветовала подруге занять твердую позицию и настоять на том, чтобы он не бросал работу, на что Бланш с удивлением возразила:

— Но ведь ему хочется писать! Бедняжка Том, он так уверен в своем таланте! Больше всего на свете ему хочется написать книгу.

— Иногда кому-то одному не вредно подумать и за

двоих! – проворчала Джоанна, от души пожалевшая подругу.

Бланш засмеялась и ответила, что у нее не хватает ума подумать даже о себе самой!

Вспоминая давнишние слова своей бывшей школьной подруги, Джоанна подумала, что они, как видно, оказались печальной истиной. Год спустя она видела Бланш в ресторане с эксцентричной, яркой, нещадно жеманничающей женщиной и двумя толстыми, артистического вида, крикливо одетыми мужчинами. С той поры лишь воспоминания говорили ей о существовании Бланш. Но через пять лет Джоанна вдруг получила от нее письмо, в котором подруга просила у нее займы пятьдесят фунтов. Ее муж, ее бедненький Том, писала она, нуждается в срочной операции. Джоанна отправила ей двадцать пять фунтов и письмо с утешениями и просьбой написать подробнее, что произошло с ее Томом. В ответ пришла почтовая открытка с краткими каракулями: «Спасибо, Джоанна. Я знала, что ты не дашь мне пропасть». Джоанна поняла, что открытка означает скорее благодарность, нежели удовлетворение. После этого наступило молчание. И вот теперь, здесь, на Ближнем Востоке, в привокзальной гостинице, воняющей гарью, протухшим бараньим жиром и парафином, среди ужасных керосиновых ламп, на этом азиатском перепутье, – она уви-

дела свою бывшую школьную подругу, невероятно постаревшую, одетую хуже некуда, огрубевшую и потасканную Бланш.

Бланш кончила обедать первая. Встав из-за стола, она уже было направилась к выходу, но вдруг поймала взгляд Джоанны. Она остановилась как вкопанная.

– Святой Боже! – охнула она. – Да это же Джоанна!

Справившись с волнением, она подвинула стул к столику Джоанны к села напротив. Завязался разговор.

– А ты неплохо сохранилась, моя дорогая. На вид тебе не дать и тридцати. Где ты пропадала все эти годы? Уж не в холодильнике ли?

– Конечно нет, – с улыбкой ответила Джоанна. – Все эти годы я прожила в Крайминстере.

– Родилась, училась, вышла замуж и погребена в Крайминстере! – усмехнулась Бланш.

– А что? Разве моя судьба так уж плоха? – улыбнулась Джоанна.

Бланш покачала головой.

– Нет, что ты! Я просто хотела сказать, что это очень хорошая судьба, – согнав усмешку, серьезно произнесла она. – Как поживают твои чада? У тебя ведь есть дети, не правда ли?

– Да, трое. Сын и две дочери. Сын живет в Родезии. Дочери вышли замуж. Одна живет в Лондоне, другая

– в Багдаде. Я как раз возвращаюсь от нее. Теперь ее фамилия Врэй, Барбара Врэй.

Бланш кивнула.

– Я видела ее. Прелестная девушка. Вот только замуж вышла рановато, не правда ли?

– Я так не думаю, – сухо ответила Джоанна. – Мы все очень любим Уильяма, они счастливы.

– Да, теперь, я уверена, с нею все будет в порядке. У девочки, наверное, инстинкт к семейной жизни. Да и ребенок помогает остепениться. Да-а, – задумчиво протянула Бланш. – Дети даже мне помогли остепениться. Я так любила своих крошек – Лена и Мэри. Но когда Джонни Пелхам позвал меня с собой, я уехала и оставила детей, не раздумывая.

Джоанна с осуждением посмотрела на собеседницу.

– Бланш, как ты могла? – тихо произнесла она, – В самом деле, разве так можно?

– Я – гадкая женщина, да? – вздохнула Бланш, – Но я знала, что с Томом им будет хорошо. Он их просто обожал. Потом он женился на славной хозяйственной девушке. Она больше подходила ему, нежели я. Она хорошо готовит, тщательно следит за его бельем и все прочее. Бедняжка Том, он всегда был таким избалованным, – грустно улыбнулась Бланш. – Он каждый год посылает мне поздравительные открытки к Рожде-

ству и Пасхе. Это очень любезно с его стороны, правда?

Джоанна не отвечала. Ее обуревали противоречивые чувства. Неужели, спрашивала она себя, – это и есть Бланш Хаггард? Вот во что превратилась та юная девушка из далекой молодости, хорошо воспитанная, с духовными интересами, одна из лучших учениц школы Святой Анны. Теперь это неряшливая женщина, которая явно не стыдится выкладывать о себе самые грязные и низменные жизненные подробности, да еще такими ужасными словами! А ведь когда-то Бланш Хаггард получила приз за чистоту языка на олимпиаде в «Святой Анне».

Тем временем Бланш вернулась к прежней теме разговора.

– Подумать только, Джоанна: Барбара Врэй – твоя дочь! Боже мой, чего не навидумывают люди! Все почему-то вбили себе в голову, что она была так несчастна в родительском доме и выскочила замуж за первого встречного, лишь для того, чтобы уйти от вас!

– Забавно, – нахмурилась Джоанна, – откуда ты набралась этих глупостей?

– Представить невозможно. Я всегда считала тебя превосходной матерью. Я даже вообразить не могу себе, чтобы ты была когда-нибудь злой и бессердечной.

– Очень любезно с твоей стороны, Бланш, – натянуто улыбнулась Джоанна. – Я думаю, что с чистой совестью имею право сказать, что мы с мужем отдавали детям все самое лучшее и старались, чтобы они были счастливы в нашем доме. Мы делали для их благополучия все, что могли. Мы старались быть друзьями нашим детям. Я, знаешь ли, считаю, что это самое главное в семье.

– Кто спорит, это прекрасно, – вздохнула Бланш, – если такое возможно.

– Я уверена, так должно быть и так и есть во многих семьях. Надо лишь вспомнить собственную юность и поставить себя на место ребенка. – Джоанна подалась вперед, воодушевленная, с серьезным лицом, пристально вглядываясь в свою старую подругу. – По крайней мере мы с Родни всегда старались так поступать.

– Родни? Позволь, позволь, дай-ка вспомнить... Ты ведь вышла замуж за адвоката, не так ли? Да, теперь вспомнила, это он, конечно же! Я обращалась в их фирму, когда Гарри пытался получить развод со своей женой, с этим чудовищем. Так это был твой муж! Родни Скудамор... Он был такой приветливый, такой вежливый, но, к сожалению, ничегошеньки не понимал в своей профессии. Так, значит, ты прожила с ним все эти годы – и никаких интрижек, никаких романов на

стороне?

Джоанна поджала губы.

– Ни один из нас не нуждается в этих, как ты говоришь, «романах на стороне». И Родни, и я – мы оба совершенно довольны друг другом.

– Конечно, конечно, Джоанна. Ты всегда была такой сдержанной и холодной, как рыба. Но должна тебе заметить, что у твоего мужа довольно-таки блудливые глаза!

– Перестань, пожалуйста, Бланш!

Джоанну охватило негодование. «Блудливые глаза»... Это надо же! Так сказать про ее Родни!

Но вдруг, вопреки ее воле, по краю сознания мелькнула короткая мысль, юркая и пестрая, как та маленькая ящерица, которую она видела вчера, и которая успела пробежать по пыльной дороге и скрыться в траве перед самыми колесами наезжающего автомобиля. Эта короткая мысль возникла ниоткуда, мелькнула и канула в никуда, не дав Джоанне как следует вздуматься в себя, лишь оставив, словно едва заметный след на пыльной дороге, два слова: «Девушка Рэн-дольф».

– Прости, Джоанна, – с искренним раскаянием тихо произнесла Бланш. – Ты знаешь, у меня всегда был вульгарный склад ума. Не обращай на меня внимания. Давай лучше зайдём в бар и выпьем по чашке

кофе.

– Ох, нет, – быстро проговорила Джоанна, едва приходя в себя от мгновенного потрясения.

Бланш с удивлением посмотрела на нее.

– А ты помнишь, как я бегала на свидание с сыном булочника?

Джоанна вздрогнула. Она уже забыла давнишний скандал, который произвела своей выходкой юная Бланш. Но в то время ее поступок казался всем отчаянным и даже романтическим. На самом же деле это был обыкновенный, вульгарный, неприятный эпизод, который в школе постарались поскорее замять.

Бланш, чему-то улыбаясь, выбрала столик, уселась в плетеное кресло и попросила мальчишку-официанта принести кофе.

– В те времена я была маленькая противная тварь, верно, да? Ох, в этом моя погибель: я всегда слишком много увлекалась мужчинами. И всегда испорченными и никудышными! Довольно странно, не правда ли? Сначала был Гарри, дрянь порядочная, но очень смазливый. А после него – Том, который ничего для меня не значил, хотя сначала я была от него просто без ума. А вот Джонни Пелхам – это да! С ним было очень хорошо, жаль что недолго. Джеральд был так себе, не очень, хотя должна тебе сказать...

В эту минуту официант принес кофе, прервав

малопривлекательный каталог сердечных увлечений Бланш, выслушивая который Джоанна испытывала непреодолимое отвращение. Очевидно, чувства Джоанны отразились у нее на лице.

– Прости, Джоанна, я тебя шокирую, – усмехнулась Бланш. – Ты, я вижу, как была, так и осталась вся зашнурованная.

– Отчего же, – вежливо улыбнулась Джоанна. – Мне кажется, я всегда была готова смотреть на вещи непредвзятым взглядом. Мне просто... – Она замялась с неловкостью и смущением. – Мне просто очень жаль.

– Кого жаль? Меня?

Бланш, пораженная этой мыслью, посмотрела на собеседницу.

– Очень любезно с твоей стороны, дорогая. Но можешь оставить свои сожаления при себе. Да, я вдоволь позабавилась на своем веку!

Джоанна искоса взглянула на подругу детства. «Да она хоть представляет себе, как жалко выглядит, бедная моя Бланш? – горестно подумала Джоанна. – Эти безнадежно убитые хной волосы, это грязное попугайское платье, это изможденное, осунувшееся лицо... Да она хоть понимает, что она выглядит старухой, крашеной старухой, похожей на пьяного клоуна из дешевого балагана?»

Бланш, очевидно, поняв чувства бывшей подруги, посуровела лицом.

– Да, ты, конечно, права, Джоанна, – хмуро проговорила она. – Конечно! Ты добилась успеха в жизни. А я... А я превратилась в развалину. Я опустила так низко, что... А ты наоборот... Нет, ты осталась тем, кем была – прилежной девочкой из «Святой Анны», добропорядочно вышедшей замуж и ставшей примером добропорядочности для всей школы!

Пытаясь вернуть разговор на почву, где и она, и Бланш могли говорить на равных, Джоанна сказала:

– А это были неплохие времена, когда мы учились в школе, согласишься, Бланш!

– Для кого как, – скривила рот Бланш. – Иногда мне там бывало чертовски скучно. Все там было такое добропорядочное, такое самодовольное, что я только и мечтала, как бы поскорее вырваться на волю и посмотреть на мир собственными глазами. – Тут ее губы изогнулись в саркастической усмешке. – Да, я увидела, каков мир на самом деле. Мне такого довелось насмотреться!

И тут впервые Джоанну заинтересовала причина, по которой Бланш сказала в этой придорожной гостинице.

– Ты возвращаешься в Англию? – спросила Джоанна. – Ты едешь с караваном завтра утром?

В душе у нее заняло, когда она, задав вопрос, ожидала ответа. В самом деле, ей вовсе не улыбалась перспектива иметь Бланш в качестве попутчицы. Случайно встретиться, выпить вместе кофе, поговорить – это еще куда ни шло. Но играть роль нежной подруги этой малосимпатичной старухи, в которую превратилась Бланш, по пути через всю Европу до самой Англии – нет уж, увольте!

Да и сколько можно было вспоминать старые добрые времена?

Бланш усмехнулась, очевидно, догадавшись о ее мыслях.

– Нет, я направляюсь в другую сторону. Я еду в Багдад к мужу.

– У тебя есть муж?

Джоанна искренне удивилась тому, что у такой истасканной женщины, в которую превратилась Бланш, после всех жизненных передряг и мытарств еще оставалась такая роскошь – настоящий живой муж!

– Да. Он инженер, служит на железной дороге. Его зовут Донован.

– Донован? – Джоанна покачала головой. – Не думаю, чтобы мне приходилось встречать человека с такой фамилией.

Бланш улыбнулась.

– Разумеется нет, дорогая. Он совсем не из твоего

круга. Он пьет как сапожник! Но у него душа ребенка. Ты, наверное, удивишься, но я для него – целый мир!

– Наверное, так и должно быть, – осторожно заметила Джоанна.

– Ах ты институтка! – захохотала Бланш. – Ты всегда играешь роль! Думаешь, я не понимаю, что тебе пришло в голову? Да ты еще скажи спасибо, что нам с тобой не по пути! А не то бы за пять дней дороги в моей компании вся твоя христианская добропорядочность и строгое воспитание полетели бы псу под хвост! Не беспокойся, тебе не придется откладывать отъезд. Что ты так смотришь на меня? Думаешь, я не представляю, во что я превратилась? В голове сумбур, а тело... Ладно, не будем о моих потасканных телесах. Скажу лишь тебе, что бывает и хуже.

Но Джоанна в душе сильно сомневалась в бодрых словах своей бывшей подруги. То, что стало с Бланш, казалось ей настоящей трагедией.

– Ты, конечно же, надеешься на благополучное путешествие, не так ли? – продолжала Бланш язвительным тоном. – Позволь тебя в этом разуверить. Посмотри в окно. Видишь? Уже начинает моросить дождь. Утром он будет лить как из ведра. А если караван все-таки отправится, то вы завязнете где-нибудь в грязи посредине пустыни, за десятки миль от живого угла! Можешь мне верить, уж я-то знаю эти места.

– Я все-таки надеюсь на лучшее, – с натянутой улыбкой возразила Джоанна. – Иначе мой билет на поезд попросту пропадет.

– Да-да, голубушка, имей в виду, путешествия в пустыне редко проходят точно по графику. Если вы успеете до ливней перебраться через высохшие русла, то считайте, что вам крупно повезло, потому что остальной путь будет гораздо легче. Обычно водители берут с собой достаточно провизии и питьевой воды, потому что всегда есть риск застрять где-нибудь в грязи, на половине дороги, и тогда уж точно ничего не останется делать, как только ждать погоды да размышлять о жизни.

Джоанна улыбнулась.

– А знаешь, это было бы неплохо! Обычно у меня не бывает свободной минутки, чтобы просто так посидеть и, ничего не делая, подумать о чем-нибудь. Я давно уже мечтаю уехать куда-то в деревню и целую неделю пожить, ничем не занимаясь, лишь размышляя о жизни.

– Можно подумать, у тебя и так, безо всякой деревни, не бывает такой возможности! – фыркнула Бланш.

– Что ты, дорогая! – с убеждением воскликнула Джоанна. – Я действительно очень занятая женщина. Представь себе, я работаю секретарем в Национальной ассоциации садоводов, я состою членом комите-

та, курирующего нашу районную больницу. А еще институт! Кроме того, я активно участвую в политической жизни. Ко всему прочему, на мне лежит все домашнее хозяйство. И потом, мы с Родни часто бываем в гостях или сами принимаем у себя дома друзей и знакомых. Я всегда считала, что для адвоката просто необходимо чаще встречаться с людьми и быть в курсе общественного мнения. Знаешь, Бланш, у меня в самом деле нет ни капли свободного времени, разве что минут пятнадцать перед обедом. Даже почитать книгу, и то некогда.

– По тебе не скажешь, что ты перерабатываешь, – проговорила Бланш, пристально вглядываясь в лицо бывшей подруги.

– Уж лучше, мне кажется, работать на износ, чем дряхлеть в бездействии! – бодро сказала Джоанна. – У меня всегда было отличное здоровье. Как я благодарна природе за это! Но все равно было бы просто чудесно получить в свое распоряжение денек-другой, чтобы ничего не делать, лишь только сидеть и думать.

– И о чем же ты собираешься думать? – саркастически усмехаясь, спросила Бланш.

Джоанна разразилась звонким счастливым смехом.

– Ну что ты! – воскликнула она. – У каждого человека столько всего, о чем надо обязательно подумать! Разве не так?

Бланш ухмыльнулась.

– Если и есть о чем подумать, так это, наверное, о своих грехах!

– Разумеется, и об этом тоже, – вежливо, но без воодушевления улыбнулась Джоанна.

Бланш пристально взглянула на собеседницу.

– Однако, я думаю, это занятие быстро надоедает! – Она нахмурилась и вдруг добавила грубоватым тоном: – Что касается тебя, то от своих немногочисленных грехов, если только они у тебя есть вообще, ты можешь смело переходить к обдумыванию своих благочестивых и добрых поступков. Да будет благословенна твоя жизнь! А я... Гм... Я не знаю. Наверное, все-таки это очень скучно. Интересно... – Бланш помедлила, словно не решаясь высказать слова, что вертелись у нее на языке. – Интересно, если тебе на протяжении многих дней будет не о чем больше думать, как только о себе, то к каким выводам ты придешь относительно своей персоны?

Джоанна с недоумением посмотрела на собеседницу, в глазах у нее появилось легкое замешательство.

– А что еще можно решить о себе, если все знаешь заранее? – простодушно спросила она.

– Мне кажется; можно, – задумчиво проговорила Бланш и вздрогнула. – Но я даже не хочу и пытаться.

– Да, конечно, – тактично кивнула Джоанна, – неко-

торые люди от рождения обладают склонностью к созерцательной жизни. Лично у меня в голове не укладывается, как это можно жить ничего не делая, лишь размышляя. Я согласна, длительные размышления неизбежно приводят к мистике, а мистическую точку зрения весьма трудно оценить объективно. Боюсь, что у меня нет того религиозного воодушевления, которое помогает человеку долго держать внимание на одном и том же предмете. Мне всегда казалось, что для этого надо быть немножечко ненормальным, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Все гораздо проще, моя дорогая, – вздохнула Бланш. – Надо просто взять за правило читать каждый день хотя бы самую короткую молитву, которую еще помнишь.

Джоанна вопросительно посмотрела на собеседницу.

– «Да, простятся нам грехи наши!» – резко добавила Бланш в ответ на вопросительный взгляд Джоанны. – Это с лихвой искупает все.

Джоанна почувствовала легкое замешательство.

– Да, да, конечно, – торопливо кивнула она. – Конечно, искупает!

Бланш посмотрела на бывшую подругу и вдруг захохотала.

– А ты-то здесь при чем, Джоанна? На тебе же со-

всем нет грехов! Ты можешь вообще не молиться! А вот я – я другое дело. Порой мне кажется, что я никогда не перестану заниматься тем, чем заниматься мне никак не следовало бы! Ха-ха-ха!

Джоанна молчала. Она просто не знала что ей сказать в ответ на слова бывшей школьной подруги.

– Ох, ладно. Что поделаешь, такова жизнь, – продолжала Бланш уже спокойным тоном. – Всегда делаешь не так, как следовало бы. Всегда выходишь вон, когда следовало бы остаться, и хватаешь обеими руками то, чего лучше бы не трогать совсем. Бывает, наступит минута, сладкая до невозможности! И ты сама едва можешь поверить, что это правда. И тут же сразу является совсем другое, тебя словно швыряют в самый ад, в самое пекло унижения и страданий! Когда дела вдут хорошо, то ты уверен, что они так будут идти вечно, но они скоро приходят в упадок – и ты в отчаянии. Или, наоборот, ты на самом дне жизни, света белого не видишь! Ты думаешь, что никогда уже не выкарабкаешься! Но вдруг что-то меняется, и все выглядит совсем иначе, и ты снова живешь и дышишь, как ни в чем не бывало. Такова жизнь, верно?

Рассуждения Бланш были столь далеки от жизненных понятий Джоанны, что она даже не знала, что ответить.

Бланш вздохнула и неожиданно поднялась на ноги.

– Ты уже клюешь носом, как я вижу! – простецки сказала она. – Да и я, признаться, тоже не прочь завалиться спать. Завтра нам вставать рано. Ну что ж, прощай, Джоанна. Я очень рада была увидеться с тобой.

Обе женщины постояли минуту или две перед тем, как разойтись по своим номерам. Джоанна протянула руку, и Бланш с чувством пожала ее.

– А что касается твоей Барбары, – вдруг с грубоватой нежностью сказала Бланш, – то можешь о ней не беспокоиться... Она не пропадет, я уверена. Билли Врэй добрый парень, к тому же у них есть ребенок. Я просто хотела сказать, что она немного рановато вышла замуж и уехала из родного дома. Впрочем, такое иногда приходит в голову молоденьким девчонкам.

Джоанна молчала в замешательстве, не зная, чем ответить на эти слова.

– Прости, Бланш, я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду! – вдруг резко сказала она.

Бланш, широко раскрыв глаза, посмотрела на бывшую подругу. На лице у нее отразилось восхищение.

– Да! Узнаю дух нашей доброй старой школы! Первое правило: никогда не позволять себе вольностей. Ты нисколечки не переменилась, Джоанна. Да, кстати, я должна тебе двадцать пять фунтов. Я совсем позабыла об этих деньгах. Только теперь вспомнила.

– Не беспокойся о деньгах, – мягко остановила ее Джоанна. – Я могу подождать еще.

– Да ты не бойся! – усмехнулась Бланш. – Я верну тебе долг, как только у меня появятся деньги. Но, подумай сама, если кто-то дает кому-то займы, то он заранее должен быть готов к тому, что его денежки назад вряд ли вернутся! Поэтому и я не очень беспокоилась об этом долге. Надеюсь, ты меня простишь? Ты настоящий друг, Джоанна! Будем считать, что эти деньги были счастливой находкой.

– Твоему Тому потребовалась срочная операция, не так ли?

– Да, все так и думали. Но оказалось, что такой необходимости нет. Поэтому на эти деньги мы купили Тому письменный стол, а остаток прокутили. Том так мечтал о настоящем письменном столе!

Движимая внезапным воспоминанием, Джоанна спросила:

– Он все-таки написал свою книгу об Уоррене Гастингсе?

– Что? – выпучила глаза Бланш. – Книгу? Какую книгу? Ах, да! Книгу! Очень любезно с твоей стороны, что ты помнишь о таких пустяках. Конечно же, написал. Целых сто двадцать тысяч слов!

– Ее опубликовали?

– Разумеется нет! Но Том все равно после этой кни-

ги принялся за историю жизни Бенджамина Франклина. Это еще хуже, должна тебе сказать! Забавно, не правда ли? Какие все-таки странные вкусы бывают у людей. Если бы я писала биографию, то я бы выбрала кого-нибудь вроде Клеопатры! Или кого-нибудь еще, посексуальнее. Например, Казанову! В общем, что-нибудь этакое, пряренькое. Впрочем, все не могут, да и не должны думать одинаково... – Бланш помолчала. – Том снова устроился на работу, и снова в контору, но теперь уже не так хорошо, как прежде. Знаешь, я всегда была рада, что у него есть мечта, есть увлечение. Ведь это очень важно для человека – делать именно то, что хочется, как ты думаешь?

– Все зависит от обстоятельств, – осторожно ответила Джоанна. – Так много вещей приходится делать только потому, что иначе нельзя. Так сказать, поневоле.

– А разве ты делаешь не то, что тебе хочется? – насмешливо спросила Бланш.

– Я? – растерялась Джоанна.

– Да, ты, – кивнула Бланш. – Ты хотела выйти замуж за Родни Скудамора и вышла за него. Ты хотела, чтобы у тебя были дети и большой, хороший, удобный дом, и вот: все это есть у тебя. – Бланш улыбнулась, помолчала немного, любуясь замешательством бывшей подруги, затем добавила, прочтя слова молитвы:

– «И будешь жить счастливо все годы, пока стоит мир. Аминь!»

Джоанна тоже улыбнулась, внутреннее напряжение спало. Разговор, начавший было принимать резкий характер, вновь вернулся к естественному, своему тону.

– Зря ты смеешься надо мной, – самодовольно сказала она: – Я и сама знаю, что очень счастлива.

И вдруг, испугавшись, что такое, может быть, чересчур самоуверенное, замечание покажется бестактным ее бывшей подруге, понимающей, что в жизни ей не очень повезло и что она превратилась в развалину, Джоанна торопливо добавила:

– Ох, в самом деле, мне уже пора. Прощай, Бланш. Это просто замечательно, что мы с тобой увиделись. Надеюсь, что мы еще встретимся.

Она стиснула руку Бланш. Может быть, Бланш ожидала, что они расцелуются? Ох, вряд ли. Быстро повернувшись, Джоанна зашагала вверх по ступеням лестницы на второй этаж, где был ее номер.

Бедная Бланш, думала Джоанна, раздеваясь перед зеркалом и аккуратно складывая свою одежду. Потом она приготовила на утро свежую пару носков. «Бедная Бланш! – вновь подумала она. – В самом деле, это настоящая трагедия».

Надев пижаму, она остановилась перед зеркалом и

принялась расчесывать волосы.

Бедная Бланш. Она выглядит такой запущенной, такой грубой!

Джоанна была уже готова лечь в постель, но почему-то медлила.

Конечно, подумала она, конечно же, никто не читает молитву каждый раз, отходя ко сну. В самом деле, Джоанна вот уже много лет как перестала хотя бы наскоро проговаривать слова молитвы перед сном. И в церковь она ходит очень редко.

Но веру она, разумеется, пока еще сохранила.

Она вдруг почувствовала странное желание стать на колени рядом с этой неудобной гостиничной кроватью (какие грязные простыни, слава Богу, она позаботилась взять с собой собственное постельное белье) и прочесть молитву, простодушно и искренне, как маленький ребенок.

Эта мысль привела ее в замешательство, ею овладело чувство неловкости.

Она быстро легла в постель и укрылась одеялом. Взяла книгу, которая лежала рядом на ночном столике у изголовья кровати. «Воспоминания леди Катерины Дизарт». Весьма занимательное чтение, яркий образчик остроумия викторианских времен.

Она начала читать, но никак не могла сосредоточиться, и смысл прочитанного ускользал от нее.

«Я слишком устала», – подумала она.

Отложив книгу, она выключила свет.

Ей в голову снова пришла мысль о молитве. Как понимать эти возмутительные слова Бланш: «Ты можешь вообще не молиться»?

Тут же в уме Джоанны всплыли слова молитвы, цепочка слов, связанных между собою странным образом.

«Боже, спасибо Тебе... Бедная Бланш! Спасибо Тебе, что я не такая, как она, бедная Бланш... Это в самом деле ужасно. Конечно, она виновата сама. Но все-таки какой удар. Спасибо Тебе, Господи, что я не такая, как Бланш, бедняжка Бланш...»

Наконец Джоанна уснула.

Глава 2

На следующее утро Джоанна Скудамор вышла из гостиницы. Шёл дождь, мелкий противный дождь, который, казалось, был совершенно неуместным, нелепым в этой части света. Джоанна с сожалением узнала, что она единственный пассажир, направлявшийся на запад. Этот факт показался ей совершенно необычным, хотя она и понимала, что в это время года на запад едут немногие. Караван, отправлявшийся в путь, представлял собой один-единственный просторный, изрядно помятый лимузин, который ожидал своих водителей: один был европеец, другой – местный. Хозяин гостиницы вышел проводить Джоанну и стоял на ступенях, оглядывая беспокойным взглядом серые в скудном утреннем свете окрестности. Он пожал Джоанне руку на прощание и прикрикнул на арабов, чтобы они получше укладывали багаж на крыше автомобиля. Проследив за слугами, он пожелал мадемуазель, как он называл свою гостью, безопасного и удобного путешествия. В конце он с легким поклоном, многозначительно посмотрев на Джоанну, протянул ей картонную коробку с провизией.

– Ваш завтрак, мадемуазель. Водитель-араб уже сидел на своем месте.

– Прощай, Сатан! – весело прокричал он, – Увидимся завтра вечером, а может быть, и через неделю! Даже скорее всего через неделю.

Машина тронулась. Они покатали по улицам восточного городка; то и дело встречались кварталы европейской застройки, выглядевшие здесь неуместно. Водитель нажал клаксон, громко загудел автомобильный гудок, длинномордые ослы испуганно шарахнулись в сторону, засвистели, заулюлюкали мальчишки, бежавшие за машиной. Они выехали через западные ворота и покатали по широкой, неровно вымощенной дороге, уходящей к самому горизонту, так что казалось, эта дорога будет их вести до самого конца света.

Но мостовая кончилась буквально через два километра, и вместо нее под колесами автомобиля замелькали кривые колеи, уходящие в пустыню.

При хорошей погоде, подумала Джоанна, до Телль-Абу-Хамида всего семь часов езды.

В Телль-Абу-Хамиде находилась конечная станция турецкой железной дороги. Поезд из Стамбула прибыл туда сегодня утром и должен отправиться обратно в восемь тридцать вечера. В Телль-Абу-Хамиде, вероятно, удастся отдохнуть, там есть гостиница, где можно найти кров и пищу. На полпути они должны встретить караван, следующий на восток.

Дорога оказалась неожиданно тяжелой. Машину

швыряло на ухабах, Джоанна то подскакивала вверх, то проваливалась вниз на своем сиденье.

Водитель то и дело оглядывался на пассажирку и, стараясь перекричать шум мотора, выражал надежду, что с нею все в порядке. Дорога была совершенно разбита, но водитель торопился, как мог, чтобы успеть засветло пересечь два речных пересохших русла, которые должны были встретиться на пути. Время от времени он поднимал глаза и боязливо всматривался в затученное небо.

Дождь пошел сильнее, и машина стала буксовать, выписывая на скользкой дороге замысловатые зигзаги, мотая и кидая кузов так, что Джоанна почувствовала легкую тошноту. Было уже одиннадцать дня, когда они достигли первого русла. Воды в нем пока не было, но когда они перебрались на ту сторону и стали взбираться вверх на высокий холмистый берег, то машина сильно накренилась и едва не перевернулась на скользком склоне. Километра через два после этого они заехали в полосу мягкого, рыхлого песка и там основательно застряли.

Джоанна надела свой дождевик с капюшоном, вышла из машины и раскрыла коробку с завтраком. Она меланхолично жевала дорожную снедь и расхаживала неподалеку от лимузина, возле которого суетились, ругаясь и мешая друг другу, двое мужчин.

Они окапывали глубоко засевшие колеса, подсовывали домкраты, подкладывали под колеса доски, которые везли с собой, очевидно, как раз для такого случая. Брань водителей, оглушительный рев мотора мешались с визгом колес, бешено крутящихся в вязкой массе. Все усилия водителей были напрасны. Джозанне казалось, что вытащить автомобиль не удастся, и она поделилась своими опасениями со спутниками, но те, тут же прекратив препираться между собой, дружно заверили ее, что не пройдет и получаса, как они поедут дальше. Это еще не самое худшее место, сказали они. В конце концов водители добились своего, и колеса, свирепо взвизгнув, вдруг прочно сцепились с почвой, мотор взревел, и машина пулей вылетела из образовавшейся ямы на твердую землю.

Они продолжали путь.

Через некоторое время впереди показались два автомобиля, которые ехали им навстречу. Приблизившись, они остановились, и водители всех трех машин, собравшись вместе, принялись на все лады костерить дрянную дорогу и начинающийся дождь.

В одной из встречных машин сидела женщина с ребенком и молоденький французский офицер; в другой машине ехали пожилой американец и двое англичан, по-видимому, коммерсанты.

Наконец, обменявшись мнениями и советами, во-

дители разошлись по машинам, и путешествие продолжалось. Дорога лучше не стала, и они застревали еще два раза. Снова водители долго возились с досками и домкратами, переругиваясь, громкими гортанными голосами перекрывая оглушительный рев двигателя, Вновь копали лопатами, подсовывали домкраты, толкали под колеса доски, а Джоанна бродила вокруг, поглядывая на суету мужчин, – словом, все шло своим чередом. Русло второй высохшей реки оказалось преодолеть гораздо сложнее, нежели первой. Они подъехали к нему, когда уже спускались сумерки, и, увидели, что внизу бурлит вода.

– Как выдумаете, поезд меня не подождет? – с тревогой спросила Джоанна у водителя.

– Если место забронировано, мадам, то они могут подождать час, – почесав в затылке, ответил тот. – Этот час они потом нагонят по дороге. Но задержать поезд позже девяти тридцати они не осмелятся.

Убитый вид Джоанны смутил водителя, и он постарался обнадежить пассажирку.

– Может быть, мы еще успеем. Отсюда дорога пойдет лучше. Там, за рекой, другая почва, посуше, как в настоящей пустыне.

Они достаточно много времени потратили на преодоление потока воды, а потом – на той стороне, – широкой полосы густой липкой грязи. Было уже тем-

но, когда машина выкатилась на более сухое место. В самом деле, дальше дорога пошла гораздо лучше, но все-таки, когда они добрались до Телль-Абу-Хамида, было уже четверть одиннадцатого, и поезд на Стамбул ушел.

Джоанну так измотало трудное путешествие, что она едва могла соображать и ничего не замечала вокруг себя. Она добрела до гостиницы, отказалась от ужина, но выпила два стакана сладкого чая, после чего отправилась в общую спальню – тускло освещенную комнату с голыми стенами, где стояли три железных кровати. Достав из сумки самое необходимое, она буквально свалилась на постель и мгновенно заснула.

На следующее утро она проснулась с обычной трезвостью рассудка, которая всегда возвращалась к ней после самого краткого отдыха, даже если она накануне сильно уставала. Джоанна села в кровати и посмотрела на часы. Стрелки показывали половину десятого. Она встала, оделась и спустилась вниз, в столовую. Мгновенно перед нею вырос индус в огромном, смахивающем на муляж, великолепном тюрбане, и Джоанна заказала завтрак, а потом подошла к двери и выглянула на улицу. Иронично усмехнувшись, она отметила про себя, что в самом деле прибыла в самую середину, в самый центр того, что называется

«никуда».

Похоже, подумала она, этот маршрут потребует вдвое больше времени, чем намечалось.

Когда она ехала к дочери, она добиралась до Багдада через Каир. Этот, нынешний, маршрут был для нее новым. На самом деле, путь в Багдад из Лондона занимает семь дней. Три дня поездом от Лондона до Стамбула, два дня – до Алеппо, и к концу следующего дня вы уже в Телль-Абу-Хамиде, затем один день путешествия на автомобиле, ночью – отдых в гостинице, и снова автомобилем до Киркука, от которого на поезде напрямик до Багдада.

В это утро не было и намека на дождь. Над головой раскинулось синее безоблачное небо, в воздухе висела подкрашенная солнцем золотистая пыль. В стороне от гостиницы за густым переплетением колючей проволоки виднелась свалка с кучами блестящих жестянок из-под консервов; с другой стороны был устроен небольшой загон, где с громким писком бегало несколько голодных тощих цыплят. Тучи мух облепили свежие жестянки на свалке, смакуя объедки. Неожиданно из-за угла у стены с земли поднялось нечто, напоминающее кучу грязного тряпья, и оказалось мальчишкой-арабом.

Неподалеку, тоже за ограждением из колючей проволоки, располагалось приземистое здание, очевид-

но, станция, рядом с которой из земли торчала какая-то горловина, то ли артезианский колодец, подумала Джоанна, то ли вкопанная в песок цистерна для воды. Дальше на север, если взглядеться, на горизонте виднелись туманные очертания далеких гор.

Больше здесь не было ничего. Ни обжитых ландшафтов, ни домов, ни растительности, ни человеческих существ. Станция, рельсы, несколько цыплят, странно выглядевших среди колючей проволоки, – вот и все.

«Весьма занятно! – подумала Джоанна. – В диковинное местечко занесло меня».

Из гостиницы вышел услужливый индус и сказал, что завтрак для «мэмсахиб» уже готов. Джоанна последний раз окинула взглядом безжизненные окрестности и вернулась в столовую. Там ее встретила привычная атмосфера придорожных гостиниц: полутьма, запах бараньего жира и парафина. Ее охватило знакомое чувство бездомности.

На завтрак ей приготовили кофе с молоком и целое блюдо с яичницей, прожаренной до хруста. На десерт подали яблочный джем и немного сомнительного вида тушеного чернослива. Джоанна все это съела с огромным аппетитом. Едва она покончила с завтраком, как тут же вновь появился индус в своем великолепном тюрбане и спросил, во сколько для «мэм-

сахиб» приготовить ленч. Джоанна сказала, что через некоторое время, – и это было понято так, что половина второго самое подходящее для ленча время.

Джоанна знала, что поезда ходили три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. Сегодня был вторник, так что ей придется жить в этой гостинице до завтрашнего вечера. Она поинтересовалась у индуса, правильно ли она рассчитала время.

– Это верно, мэксахиб. Поезд ушел прошлым вечером. Вам не повезло. Дорога очень плохая, дождь лил всю ночь. Это значит, ни в Мосул, ни из Мосула машин не будет несколько дней.

– Но поезда-то будут ходить? – спросила Джоанна. Ее вовсе не интересовала дорога в Мосул.

– О, да, конечно, – заверил ее индус, – Завтра утром поезд придет обязательно. А обратно отправится вечером.

Джоанна удовлетворенно кивнула. Мимоходом она поинтересовалась машиной, которая привезла ее сюда.

– Уехала рано утром, – ответил индус. – Водитель торопился назад. Но, я думаю, он застрял где-нибудь по дороге. Всю ночь шел проливной дождь.

И снова слова о дороге и автомобиле не вызвали у Джоанны ни малейшего интереса. Она лишь подумала, что индус скорее всего прав. А он продолжал до-

кладывать обстановку.

– Там станция, мэмсахиб. Вон там.

Джоанна кивнула и сказала, что она так и поняла, когда перед завтраком осматривала окрестности.

– Турецкая станция. Станция в Турции. Турецкая железная дорога. По ту сторону проволоки, видите? За проволочным ограждением. Это граница.

Джоанна посмотрела в окно на растянутые по земле витки колючей проволоки и подумала, что границы здесь весьма странные.

– Ленч будет точно в час тридцать, – торжественно произнес индус и ушел в глубину здания.

Минутой или двумя позже Джоанна услышала его сердитый визгливый голос откуда-то с заднего двора. Ему отвечали два других голоса. Тонкая гортанная арабская речь наполнила воздух.

Интересно, подумала Джоанна, почему управлять гостиницами в этих местах всегда нанимают индусов? Возможно, потому, что у них есть опыт общения с европейцами? А впрочем, какое ей до этого дело?

Чем же ей занять целое утро? Можно продолжать чтение этих изумительных «Воспоминаний леди Кэтрин Дизарт». Или написать несколько писем. Письма удастся отправить, когда поезд прибудет в Алеппо. С собой у нее были блокнот для записок и несколько конвертов. С минуту она помедлила на пороге гости-

ницы, выбирая занятие. Внутри здания было темно, и стоял тяжелый воздух. Наверное, лучше немного прогуляться.

Она достала из своей сумки войлочную шляпу с широкими полями – не потому, что опасалась солнца в это время года, а просто на всякий случай, – темные очки, свой походный блокнот и авторучку, сложила все в легкую сумочку и вышла на улицу.

Она миновала мусорную кучу с консервными жестянками и направилась в противоположную сторону от железнодорожной станции – чтобы избежать международных осложнений, если случайно, прогуливаясь, нарушит границу чужой страны.

«Как это забавно все-таки, – думала она, – гулять здесь, направляясь никуда!»

Неожиданно ее посетила новая и удивительная мысль. Ей приходилось гулять и в заросших травой низинах плодородных долин, и по песчаным берегам океанов, и по лесным дорогам, – и всегда вокруг было на что смотреть, на чем с отрадой останавливался взгляд. За холмом вставала роща, за рощей виднелась вересковая пустошь, в ту сторону вела дорога, упиравшаяся в ферму, а другая дорога уходила вдаль, где на самом горизонте виднелся еще один городок у излучины реки.

Но здесь... Здесь совершенно ничего не было.

Несколько шагов в сторону от гостиницы – и вы попали в никуда. Направо, налево, прямо – один лишь голый светло-коричневый горизонт.

Она не торопясь шагала по песчаной земле. Воздух был восхитительный. Он был горяч, но не слишком. Термометр, подумала она, должен бы показывать около семидесяти.¹ И, кроме того, в воздухе веял слабый, очень слабый ветерок.

Она шагала минут десять, потом остановилась и повернула голову.

Гостиница со своим убогим хозяйством сразу стала меньше, изменившись весьма забавным образом. Издали она казалась на удивление привлекательной.

За гостиницей виднелась железнодорожная станция, подобная маленькой, сложенной из камней, пирамиде.

Джоанна улыбнулась и продолжила свой путь. В самом деле, воздух здесь был восхитительный! В нем ощущалась глубокая чистота, ясная прозрачная свежесть. В нем не чувствовалось ни затхлости сырых городских окраин, ни едкой горечи городского смога – спутника человеческой цивилизации. Солнце, небо и песок – и все! В непривычной чистоте воздуха Джоанне чудилось что-то пьянящее, словно какая-то сладкая отравка была растворена в нем. Джоанна вздохну-

¹ Около 21° по Цельсию

ла полной грудью. Этот глубокий вздох доставил ей необычайное наслаждение. Действительно, она попала в довольно привлекательную переделку! Какой восхитительный перерыв в монотонной суете ежедневного существования! Она уже была совершенно довольна тем фактом, что поезд ушел, не дождав-шись ее. Двадцать четыре часа абсолютного спокой-ствия и тишины должны благотворно подействовать на нее. И вовсе ни к чему так спешить домой. В кон-це концов, она может послать Родни телеграмму, как только доберется до Стамбула, и объяснить причину задержки.

Милый старина Родни! Что, интересно, он сейчас подделывает? Впрочем, она это знала и сама. Конечно же, он сидит у себя в офисе, в компании «Олдерман, Скудамор и Уитни». У него отдельный кабинет, совершен-но прелестная комнатка на первом этаже, выхо-дящая окнами на рыночную площадь. Он перебрался туда после смерти старого мистера Уитни. Он очень любил этот небольшой тихий кабинетик. Она вспом-нила, как однажды пришла к нему посмотреть, как он устроился, и застала его стоящим у окна и разгляды-вающим площадь (как раз был рыночный день) и ста-до скота, которое пригнали на продажу.

– Посмотри, очень хорошая порода, короткорогая, – с теплотой произнес он. (А может быть, вовсе и не ко-

роткорогая – Джоанна была не очень сильна в сельском хозяйстве. Во всяком случае, он сказал что-то такое).

– Я хотела поговорить о новом бойлере для общего отопления, – сказала она тогда мужу. – Я думаю, если поставить гэлбрайтовский, то это будет слишком дорого. Может быть, я поинтересуюсь, сколько будет стоить у Чамберлайна?

Она помнила, как медленно повернулся Родни, снял свои очки и потер пальцами глаза. Потом он посмотрел на нее далеким, отсутствующим взглядом, словно совсем не видел ее. Она помнила интонацию, с которой он произнес: «Бойлер?» – как будто речь шла о чем-то непостижимо далеком, о чем он никогда не слышал. А потом он сказал такую глупость!

– Я полагаю, Ходдесдон продает этих молодых быков напрасно. Очевидно, он очень нуждается в деньгах.

Она подумала тогда, что это очень хорошо, что Родни так интересуется фермой старого Ходдесдона, расположенной в деревушке Нижний Луг. Бедная старина Родни! Было заметно, как он крепко сдал за последние годы. Но ей все-таки хотелось, чтобы Родни выглядел чуточку живее и внимательней слушал, что ему говорят. В конце концов, клиенты считают, что адвокат должен обладать острым и проницательным

умом, а если Родни будет сидеть перед клиентом с таким отсутствующим видом, то скорее всего произведет на него крайне неприятное впечатление.

– Проснись, Родни, – сказала она ему тогда с досадой. – Я говорю тебе о бойлере, о бойлере для общего отопления!

Родни ответил, что он за то, чтобы воспользоваться услугами Чамберлайна, но это скорее всего будет дороже, и им следует хорошенько подумать. Затем он взглянул на грудку бумаг, лежавшую перед ним на столе. Она сказала тогда, что ей, наверное, не следует отвлекать его, что у него, похоже, накопилось много работы.

Родни улыбнулся и ответил, что в самом деле у него накопилось много работы и что он напрасно тратит время, разглядывая рынок.

– Вот почему я люблю эту комнату. Я всю неделю жду пятницу. Послушай, как они мычат.

Он поднял руку, указывая в окно; она прислушалась и услышала гудение рынка, мычание и блеяние животных – весь этот беспорядочный шум и гвалт, производимый коровами и овцами. Но самое забавное было то, что Родни все это нравилось. Он стоял у окна, прислушиваясь, чуть склонив голову набок, и улыбался.

Ох, нет, сегодня вовсе не рыночный день. Так что

скорее всего Родни сидит за своим столом, не отвлекаясь на посторонние вещи. И вообще ее опасения, что Родни покажется своим клиентам глупым и невнимательным, видимо, не имеют никаких оснований. Среди всех работников фирмы он пользуется наибольшей популярностью у клиентуры. Все его любят, а это в адвокатской практике, считай, половина успеха!

«Да, с ним для меня весь мир словно преобразился!» – с гордостью подумала Джоанна.

Мысли ее обратились к тем дням, когда Родни рассказал ей о предложении своего дяди.

Речь шла о давнем, прочном и процветающем семейном деле, и все считали, что Родни должен войти в семейный бизнес после того, как сдаст экзамены на адвоката. Но дядя Генри предложил ему полное партнерство, причем на таких великолепных условиях, которые показались ей неожиданным счастьем.

Джоанна не замедлила выразить свое удовольствие по поводу ожидающих Родни перспектив; она с теплотой и радостью поздравила его, но тут же заметила, что Родни вовсе не разделяет ее восторга. Она спросила его, почему он не рад своим блестящим перспективам, и в ответ он с горечью произнес совершенно немыслимые слова:

– Если бы ты только знала!..

– Но Родни! – в недоумении воскликнула она. Она отчетливо помнила побелевшее лицо Родни, обращенное к ней. До этого дня она совершенно не понимала, насколько нервным был ее Родни. Его руки, срывавшие стебли травы – они стояли у клумбы с цветами, – дрожали крупной дрожью. В его темных глазах светилось странное выражение отчаяния и беззащитности.

– Если бы ты знала, Джоанна, как я ненавижу контору! – произнес он. – Как я ее ненавижу!

Джоанна легко впадала в сочувствие, такова была ее натура.

– Ох, дорогой мой, я так тебя понимаю! – воскликнула она. – Это в самом деле ужасно – день за днем, годами, перекладывать с места на место бессмысленные бумажки! Это такая утомительная и скучная работа! Но ведь тебе предлагают партнерство, а это, мне кажется, совсем другое! Я хочу сказать, что тебе самому будет интересно заниматься такой работой.

– Контракты, аренды, домовладение, переговоры «ввиду вышесказанного», «по причине нижеперечисленного»... – с сарказмом подхватил Родни.

Вся эта законоведческая белиберда полилась потоком, и Джоанна даже испугалась того, что поняла: по сути она очень плохо знает Родни. Но она так его

любила!

– Но ведь мы все всегда считали, что после сдачи экзамена ты поступишь на работу в какую-нибудь адвокатскую фирму!

– Да, я понимаю, я все понимаю. Но откуда я могла знать, что эта работа станет для меня такой ненавистной?

– Но... Я думала... И что же ты намерен делать?!

И тогда он заговорил, заговорил с жаром, с горячей искренностью человека, открывающего свои самые заветные желания.

– Джоанна, я хочу на ферму. Сейчас как раз на продажу выставили одну – Малый Луг. Хозяйство, конечно, в запущенном состоянии, Хорли совсем забросил его, но зато все имение будет продаваться недорого! А, между прочим, там очень хорошая земля!..

И слова хлынули из него неудержимо. Он строил далеко идущие планы, пересыпая речь сельскохозяйственными терминами, которые ее сбивали с толку, потому что она ничего не знала о сортах пшеницы и ячменя, о севообороте, о породах молочных коров и о ежедневном содержании скота.

– Малый Луг? – растерянно переспросила она, хотя прекрасно слышала название этой фермы. – Но это же почти у самого Ашелдона! В самой глуши, за много миль от жилых мест!

– Но там очень хорошая земля, – с жаром возразил Родни. – И расположение там совсем не плохое..

И Родни снова разразился горячей речью в защиту деревенского образа жизни. Она даже не предполагала прежде, что он такой энтузиаст сельского хозяйства и может говорить о деревенских делах с таким жаром, с таким воодушевлением.

– Но, дорогой, – с сомнением сказала она. – Но, дорогой, мы хоть сможем прожить на то, что нам даст это хозяйство?

– Прожить? Да, конечно! Еще как сможем!

– Я спрашиваю об этом, потому что слышала от людей, что фермерство теперь не дает большого дохода.

– Ну что ты! Это совсем не так! – улыбнулся Родни. – Вернее, это так, если тебе совсем уж не везет в жизни, или у тебя нет никаких средств.

– Я хотела сказать, что это не совсем практично, – пояснила Джоанна.

– Напротив, Джоанна! Это очень практичная мысль. У меня есть немного своих денег, ты же знаешь. И если ферма сразу будет давать хоть какой-нибудь доход, то все со временем образуется, все пойдет на лад. Представь себе, какая прекрасная жизнь у нас будет тогда! Это же здорово – жить на ферме!

– Прости, Родни, но я сомневаюсь, что ты знаешь,

как вести хозяйство.

– Нет, почему же! Разве ты не помнишь, что мои родители жили в Девоншире и были богатыми фермерами? Когда мы были маленькие, то проводили у них каждое лето! С тех пор я никогда не был так счастлив, как в те дни, во время каникул, у них на ферме.

Да, верно говорят люди, подумала она тогда, мужчины – сущие дети...

– Позволь тебе заметить, дорогой, – как можно мягче сказала она, – что жизнь – это совсем не сплошные каникулы. Мы должны думать о будущем. Не забывай, что у нас есть Тони.

В то время Тони был одиннадцатимесячным младенцем.

– А может быть и еще кто-то, – добавила она, загадочно посмотрев на мужа.

Он бросил на нее короткий вопросительный взгляд, она улыбнулась и кивнула.

– Но разве ты не понимаешь, Джоанна, что это даже еще лучше? Ферма – самое прекрасное место для детей. Там самые здоровые условия. У детей всегда будут свежие яйца, парное молоко, они будут везде бегать и веселиться, они научатся присматривать за скотом.

– Ох, Родни, но ведь есть так много вещей, о которых тоже нельзя забывать. Например, школа. На-

ши дети должны учиться в хорошей школе, а хорошие школы всегда дорогие. А обувь, а одежда, а зубные врачи и вообще врачи... И потом, им ведь нужны друзья, причем друзья из приличных семей. Ты не должен делать только то, что хочется тебе. Если ты дал детям жизнь, ты должен позаботишься о них. В конце концов, в этом состоит твой отцовский долг.

– Они там будут счастливы, – упрямо проговорил Родни, но в его голосе уже слышалась неуверенность.

– Это непрактично, Родни, в самом деле это непрактично. – Подумай, если ты поступишь на работу в фирму, ты будешь зарабатывать не меньше двух тысяч фунтов в год.

– Я тоже так думаю. Я без труда буду получать такие деньги. Но дядя Генри получает еще большие.

– Вот! Ты видишь! Разве можно упускать такой случай? Это было бы сумасшествием!

Она говорила очень категорично, очень убедительно. В эту минуту она решила быть твердой и во что бы то ни стало настоять на своем. Он поняла, что пришло время, когда она должна подумать за двоих. Если Родни так слеп и не видит, где ему лучше, а где хуже, то она должна нести ответственность за них обоих. Эта идея с фермой совершенно глупая и смешная. А Родни ведет себя как маленький мальчик. Она чувствовала, как в душе у нее растет сила и уверенность,

испокон веков присущая материнству.

– Только не думай, Родни, что я не понимаю и не сочувствую тебе. Я понимаю тебя, но эта твоя затея с фермой – самая нелепая, самая нереальная из того, что я от тебя услышала за всю жизнь.

Он резко оборвал ее, сказав, что ферма – это вполне реально.

– Но, согласишься, дорогой, это не в нашем стиле. Здесь тебя ждет прекрасное семейное дело с самыми блестящими перспективами, да еще это совершенно удивительное, очень лестное предложение от твоего дяди...

– Да, я знаю. Он предложил условия намного лучше, чем я мог ожидать.

– Тогда ты не можешь, ты просто не можешь взять и отказаться от всего! Если ты так поступишь, то будешь жалеть потом всю жизнь. Ты всю жизнь будешь говорить себе, что сделал ужасную глупость.

– Этот чертов офис! – мрачно пробормотал Родни.

– Послушай, Родни, да в самом ли деле ты ненавидишь конторскую работу так сильно, как хочешь показать?

– Ох, дорогая! Я просидел в конторе пять лет! Представляешь? Уж мне ли не разбираться в собственных чувствах по этому поводу!

– Ты еще привыкнешь, – убеждала Джоанна. –

Знай, теперь все будет совсем иначе. Совершенно иначе – я имею в виду партнерство. Наконец-то тебе предложили интересную работу, ты все время будешь среди людей. Ты сам увидишь, Родни, ты будешь совершенно счастлив!

И тогда он посмотрел на нее долгим грустным взглядом. В этом взгляде были и любовь, и разочарование, и что-то еще, что-то такое, отдаленно напоминающее последние проблески надежды...

– Откуда ты знаешь, что я буду счастлив? – хмуро спросил он.

– Я в этом совершенно уверена! – с убеждением воскликнула она. – Ты увидишь сам!

И она кивнула, посмотрев на него твердым, исполненным уверенности и превосходства взглядом. Он вздохнул и отвернулся.

– Хорошо, – буркнул он. – Пусть будет как ты хочешь.

Да, подумала Джоанна, это был в самом деле очень сложный момент. Какое счастье все-таки для Родни, что она проявила твердость и не позволила ему бросить карьеру ради мимолетного каприза! Мужчина, думала она, может смело ставить крест на своей жизни, если рядом нет женщины. У женщин есть трезвость, чувство реальности...

Да, как все-таки повезло Родни, что он встретился

с нею! Джоанна подняла руку и посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Впереди ни единого ориентира, одна лишь пустота, как, впрочем, и должно быть (она улыбнулась), когда идешь никуда.

Она оглянулась назад. Удивительно, но гостиница почти совсем скрылась из виду. Она растворилась в пространстве, так что ее едва можно было заметить. Надо быть осторожнее и не уходить слишком далеко, подумала Джоанна. А то можно и потеряться. Смешная мысль – потеряться. А впрочем, не такая уж и смешная, в конце концов.

Далекие цепи гор, которые она вначале едва различала, теперь закрылись облаками, и железнодорожной станции тоже не было видно, словно ее не существовало вообще.

Джоанна пристально осмотрелась вокруг. Ничего и никого. Усевшись поудобнее на сухой песчаной земле, она открыла сумочку и вынула блокнот и авторучку. Ей надо написать несколько писем. Это очень забавно – сидеть посреди пустыни и писать письмо. Она непременно должна зафиксировать свои впечатления.

Так кому же написать? Лайонелу Уэсту? Жанет Аннесмор? Доротее? Нет, наверное, все-таки лучше написать Жанет.

Она сняла колпачок с авторучки, и стальное перо

быстро побежало по гладкой бумаге, оставляет за собой красивые ровные строчки.

«Дорогая Жанет. Ты ни за что не поверишь, когда узнаешь, где я пишу это письмо! Я пишу это письмо посреди пустыни. Представь себе, я попала сюда из-за того, что опоздала на поезд – он ходит лишь три раза в неделю. В этом заброшенном уголке есть гостиница, где хозяйничает индус в огромном тюрбане, а еще несколько цыплят и два или три ужасно оборванных араба, да вот еще я. Здесь совершенно не с кем поговорить и абсолютно нечего делать. Ты представить себе не можешь, как я этому рада.

Воздух в пустыне просто чудесный! И еще тишина! Какая здесь тишина, если бы ты могла себе представить! Впервые за последние годы я наконец услышала собственные мысли! Мы ведем такую ужасную, такую занятую жизнь, так суетимся и бросаемся от одного занятия к другому! Я понимаю, это не всегда возможно, но каждый человек должен устраивать себе такие перерывы, чтобы отдохнуть от суеты и привести свои мысли в порядок.

Я пробыла здесь всего половину дня, но уже чувствую себя настолько посвежевшей, настолько отдохнувшей, словно месяц прожила на самом дорогом курорте. Вокруг ни души. Прежде я совсем не понимала, как сильно мне хочется убежать от людей.

Это так восхитительно, так успокаивающе действует на нервы – знать, что на сотни миль вокруг тебя лишь песок да солнце...»

Стальное перо быстро бежало по гладкой бумаге, оставляя красивые ровные строчки.

Глава 3

Джоанна перестала писать и посмотрела на часы. Четверть первого.

Она написала три письма и уже хотела начать четвертое, но в авторучке кончились чернила. Кроме того, она заметила, что в ее блокноте осталось всего несколько листков. Какая досада! Она собиралась написать еще несколько писем.

Хотя, рассуждала она, в этом писании есть определенное однообразие... Вокруг одни лишь песок да солнце, и как прекрасно просто сидеть, ничего не делать, только думать! Все это так, но все-таки как трудно излагать фразами одно и то же событие каждый раз по-новому.

Она зевнула. Солнце даже через шляпу слегка напекло ей голову, и ей захотелось спать. Наверное, после завтрака лучше было бы лечь в постель и поспать еще немного.

Она поднялась на ноги и неторопливо зашагала в сторону гостиницы.

Чем, интересно, сейчас занимается Бланш? Вероятно, она уже добралась до Багдада и встретила своего мужа. Судя по ее словам, ее муж должен производить кошмарное впечатление. Бедняжка Бланш!

Как все-таки ужасно: вот так упасть на самое дно жизни! Если бы не этот смазливый ветеринар Гарри Марстон, который сломал ей жизнь, Бланш наверняка вышла бы замуж за какого-нибудь приличного человека, вроде Родни. Она ведь призналась, что ей нравятся мужчины типа Родни.

Да, но Бланш сказала что-то еще. Что она сказала? Что-то о Родни, о том, что у него блудливые глаза. Какое гадкое выражение! И совершенно несправедливое. Совершенно несправедливое! Родни никогда не позволял себе...

И вдруг, как и тогда, в первый раз, на поверхности ее сознания мелькнула мысль, тень мысли, но уже не так быстро, как ящерица, и Джоанна успела ее осознать.

Эта девчонка Рэндольф...

В самом деле, с негодованием подумала Джоанна, подсознательно ускоряя шаг, словно стараясь убежать от непрошенной мысли. «Представить себе не могу, почему в голове у меня засела эта девчонка Рэндольф? – подумала она. – Не то, чтобы Родни...»

«Я уверена, что между ними ничего не было!» – подумала она.

«Совсем ничегошеньки!»

Все дело в том, что такой была сама Мирна Рэндольф. Пышнотелая, смуглая, чрезвычайно секса-

пильная! И уж если она увлекалась каким-нибудь мужчиной, то вовсе не стремилась делать из этого глубокую тайну. Скорее даже наоборот.

Мягко говоря, она сама чуть ли не вешалась на шею Родни. Она постоянно твердила направо и налево о том, что за великолепный человек Родни Скудамор! Она всегда старалась попасть с ним в пару, когда играли в теннис! И на вечеринках взяла себе за правило сидеть с ними за столом и молча пожирать его глазами!

Конечно же, Родни отчасти льстило такое внимание. Да и любому мужчине польстило бы. Даже было бы весьма странно, если бы Родни остался абсолютно равнодушным к столь откровенным знакам внимания, которые ему оказывала девушка, намного моложе его самого, да еще одна из первых красавиц городка!

«Каких глупостей я все-таки умудрилась избежать! – с самодовольством подумала Джоанна, – Будь я обычной женщиной, не столь проницательной и тактичной, я бы закатывала такие скандалы, о которых сама жалела бы потом до скончания своих дней!» Она с удовольствием вспоминала то время и свое поведение. Она превосходно справилась с щекотливой ситуацией. Да, чистая работа, ничего не скажешь!

– Твоя приятельница ожидает тебя, Родни, – с

улыбкой сказала она мужу в один из таких моментов. – Не заставляй ее мучиться. Кто? Конечно же, Мирна Рэндольф! Да, представь себе, дорогой, ты ее просто очаровал. Она милая девушка, но порой бывает такая смешная!

– Я больше не стану играть с нею, – проворчал Родни, сильнее всего на свете опасавшийся показаться смешным. – Я пропускаю сет, пусть она играет с кем-нибудь другим.

– Веди себя прилично, Родни! – приструнила она мужа. – Сыграй с нею хотя бы один сет.

Да, это был самый правильный ход, изящный и непринужденный. Она совершенно ясно показала всем, что между этой сопливой девчонкой и ее солидным Родни не может быть ничего серьезного.

Да и для Родни такой ход оказался весьма удачным. Правда, он всю игру недовольно ворчал с раздраженным видом. Мирна Рэндольф относилась к тем девушкам, которых любой мужчина находит красавицами. Она была капризна, она окатывала презрением и осыпала насмешками своих многочисленных поклонников, не стесняясь говорить им в лицо откровенные грубости, а оттолкнув, тут же возвращала назад ласковым многообещающим взглядом.

«В самом деле, – подумала Джоанна с несвойственным ее рассудочной натуре жаром, – эта деви-

ца Рэндольф порой вела себя просто отвратительно! Она такое вытворяла! Она делала все возможное, чтобы разрушить мою семейную жизнь!»

Нет, Родни вовсе не виноват. Во всем виновата эта мерзкая девчонка. Мужчины так легко поддаются увлечению! А они с Родни уже были женаты – сколько? – более десяти лет! А может быть, одиннадцать? С легкой руки писателей пошла гулять по свету мысль, что первые десять лет – самые опасные в семейной жизни. В это время муж или жена то и дело проявляет намерение выйти из общей колеи и свернуть на свою, особенную дорожку. Этот период надо проживать с величайшей осторожностью и не терять бдительности до тех пор, пока семейная жизнь не утвердится в своем размеренном течении.

Например, как у них с Родни...

Нет, она вовсе не винит Родни даже за тот поцелуй, который ее чрезвычайно удивил.

Да еще под омелой!

Эта мерзкая девчонка, эта сопливая дрянь имела наглость заявить о своих притязаниях на ее Родни!

– Мы просто украшаем омелу, миссис Скудамор, – заявила эта негодница, когда она застала их вместе. – Не подумайте чего-нибудь такого.

«Но, слава Богу, у меня есть голова на плечах», – подумала Джоанна. Она и виду не подала, что напу-

гана или подавлена увиденным.

– Руки прочь от моего мужа, голубушка! – с насмешливой твердостью сказала она тогда. – Ступай прочь и поищи себе кого-нибудь другого, такого же молоденького, как ты сама, Мирна.

Джоанна улыбнулась, вспомнив, как поспешно удалилась Мирна. Внешне все обернулось шуткой.

– Извини, Джоанна, – сказал ей тогда Родни, – она очень скромная девушка... Просто скоро Рождество...

Родни стоял перед нею с виноватой улыбкой, оправдываясь, но без лишней робости или страха. Она сразу поняла, что они еще не успели зайти далеко в своих отношениях.

Надо было действовать решительно! Хорошенько обдумав положение, она приняла все меры предосторожности, чтобы оградить Родни от близости с Мирной. А потом Мирне сделал предложение молодой Арлингтон.

Таким образом, весь инцидент сошел на нет, обратился в шутку и скоро был вообще забыт. Для Родни во всем этом, наверное, было что-то забавное, но не более того. Бедный старина Родни! Ему в самом деле неплохо бы немного развлечься, ведь он так много работал!

Десять лет... Да, это опасное время. Даже она сама – Джоанна хорошо это помнила – порой чувствовала

некоторую усталость от семейной жизни.

Джоанна вспомнила того молодого человека, у которого вечно был диковатый вид, того художника... Как же его звали? Нет, она не могла вспомнить. А ведь так им увлеклась!

Она улыбнулась при мысли, что в самом деле вела себя с ним немножко глупо. Он был такой непосредственный и смотрел на нее с такой обезоруживающей преданностью! Особенно когда спрашивал ее, нравится ли ей.

Конечно же, он ей нравился. Он сделал два или три выразительных наброска, но тут же изорвал их. Он сказал, что не может «положить» ее на бумагу.

Джоанна вспомнила свои чувства, свой трепет и благодарность к нему. «Бедный мальчик, – подумала она, – боюсь, что он в самом деле слишком был увлечен мною».

Да, это был чудесный месяц...

Впрочем, закончился он довольно неприятно. Такой исход вовсе не входил в ее планы. Действительно, происшедшее ясно показало ей, что Микаэль Коллвей (Коллвей, вот как его звали, вспомнила!) относился к тому неприятному типу мужчин, который ей никогда не нравился.

Однажды они вместе отправились на прогулку, как она помнила, в Холинг Вудс, туда, где Мидвей течет,

извиваясь, по склону Ашелдона. Он вдруг свернул с тропинки в кусты и позвал ее за собой тихим, хриплым от волнения голосом.

Она уже представляла себе разговор, который сейчас между ними произойдет. Он, конечно же, скажет ей, что без ума от нее, а она посмотрит на него нежным понимающим взглядом, в нем будет немного – о, лишь самая малость! – сожаления. Она даже придумала несколько ласковых, подходящих для данного случая фраз, которые скажет ему и которые Микаэль с грустным наслаждением будет потом вспоминать всю жизнь.

Но вышло совершенно иначе.

Все вышло совсем не так, как она предполагала. Вместо слов признания Микаэль Коллвей вдруг, без предупреждения, схватил ее за плечи и поцеловал в щеку с такой дикой страстью, что она чуть не упала в обморок. Но он тут же грубо оттолкнул ее и произнес громким самодовольным голосом:

– Боже мой, как мне этого хотелось! Произнеся эту фразу, он как ни в чем не бывало достал трубку и принялся меланхолично набивать ее табаком, совершенно не обращая никакого внимания на перепуганный и рассерженный объект своей атаки. Набив трубку, он потянулся, зевнул и лениво добавил:

– Теперь мне гораздо лучше.

Он произнес это таким тоном, подумала Джоанна, вспоминая давнюю сцену, словно только что выпил кружку пива в жаркий день.

Они вернулись назад в молчании. Вернее, молчала только Джоанна. Микаэль Коллвей, напротив, казался необычайно шумным и говорливым, он даже пытался петь. Уже когда они вышли на опушку леса, к шоссе, ведущему к рынку, он вдруг остановился, бесстрастно оглядел свою спутницу и задумчиво произнес:

– Знаете, вы относитесь к тому типу женщин, которых надо насиловать. Это вам лишь на пользу.

И пока она, онемев от изумления и гнева, стояла и вдумывалась в его слова, он добавил со всею своей артистической непринужденностью:

– Я бы даже сам с удовольствием изнасиловал вас, чтобы потом лично убедиться в благотворном действии перемен.

С этими словами он отвернулся, вышел на шоссе и принялся что-то насвистывать с самым непринужденным видом.

Естественно, после этого случая она совсем перестала с ним разговаривать, а через некоторое время он вообще уехал из Крайминстера.

Да, странный, загадочный и довольно-таки неприятный инцидент. Совсем не из тех, которые хотелось бы сохранить в памяти. В самом деле, почему этот

случай так глубоко засел у нее в голове, что даже сейчас видится до мельчайших подробностей?

Ужасно? Как все это ужасно! Ужасно и противно!

Она хотела бы выбросить этот случай вон из памяти. В конце концов, каждый человек старается забыть самые неприятные минуты своей жизни. И что об этом думать, когда вокруг такой воздух, такое яркое солнце, такой мягкий песок! Вокруг столько всего, о чем думать гораздо приятнее и полезнее!

Наверное, завтрак уже готов. Она посмотрела на часы: стрелки показывали без четверти час.

Вернувшись в гостиницу, она сразу направилась к себе в комнату и заглянула в сумку, надеясь найти там еще один блокнот, но не нашла. Досадно, конечно, впрочем, все это пустяки. Она уже, признаться, и сама устала от сочинения посланий. Она уже и не знает, о чем писать. Нельзя же, в конце концов, повторять одно и то же по многу раз! А какие книги она захватила с собой? Конечно же, «Леди Катерина». Еще детективный роман, который Уильям дал ей почитать в дороге. Очень любезно с его стороны, жаль только, что ей не очень нравятся детективные романы. Наконец у нее был с собой «Дом власти» Бучана. Довольно-таки старая книга. Она уже читала ее много лет назад.

Что ж, придется купить несколько книг на станции в Алеппо.

На завтрак подали омлет (надо сказать, довольно грубый и пережаренный), яйца и семгу (из жестянки, разумеется), а еще тушеные бобы и компот из персиков (тоже консервированных).

Пища оказалась довольно тяжелой. После завтрака Джоанна вернулась к себе в комнату и прилегла на кровать. Она проспала три четверти часа, потом проснулась и читала «Леди Катерину Дизарт», пока не позвали к чаю.

Она выпила чаю (с консервированным молоком), съела два бисквита и отправилась на прогулку. Немного погуляв около гостиницы, она вернулась к себе и дочитала «Леди Катерину Дизарт» до конца. Потом был обед: омлет, семга (консервы), рис, глазунья, те же самые тушеные бобы да компот из консервированных абрикосов. После обеда она принялась за детективный роман и кончила читать уже когда была пора ложиться спать.

– Доброй ночи, мэмсахиб, – почтительно сказал ей индус. – Поезд приходит завтра утром в семь тридцать и будет стоять здесь до самого вечера. Он отправится в половине девятого.

Джоанна кивнула.

Увы, ей придется искать себе занятие еще на один день. Она уже читала когда-то «Дом власти». Жаль, что детективный роман оказался таким коротким.

Неожиданно ее осенила идея.

– С поездом сюда приедут путешественники, да? – опросила она у индуса. – И скорее всего они отправятся дальше, до Мосула, не так ли?

Индус покачал головой.

– Только не завтра, я думаю. Сегодня к нам не пришла ни одна машина. Я думаю, дорога до Мосула стала очень тяжелая. Можно застрять посреди пути на несколько дней.

Джоанна просияла. Завтра сюда, в гостиницу, приедут путешественники, пассажиры с поезда! Это будет прекрасно. Наверняка среди пассажиров найдется кто-нибудь, с кем можно будет поговорить.

Она отправилась спать в более приподнятом настроении, нежели десять минут назад. «Что-то есть такое, противное, во всей атмосфере этого местечка, – подумала она. – Наверное, это запах прогорклого жира! Этот запах так раздражает!»

На следующее утро она проснулась в восемь часов. Она встала, оделась и вышла в столовую. На столе стоял лишь один прибор. Она позвала, и индус в своей чалме вышел из задних комнат, где были устроены кладовые. У него был встревоженный вид.

– Поезд не пришел, мэмсахиб! – оказал он.

– Не пришел? Вы хотите оказать, опаздывает?

– Не пришел совсем. Шли проливные дожди, там,

на той стороне, за Иссибином. Пути совсем размыло, и теперь поезда не будет, наверное, три, а может, четыре или пять дней.

Джоанна с унынием посмотрела на него.

– Но тогда... Тогда что же мне делать? – растерянно спросила она.

– Оставайтесь здесь, мэмсахиб, – развел руками индус – Еды достаточно, есть пиво, и чай тоже есть. Здесь очень хорошо. Поживете, подождете, пока не придет поезд.

«Ох, уж эти мне азиаты! – подумала Джоанна. – Время для них ничего не значит».

– Может быть, я смогу найти автомобиль? – спросила она.

На лице индуса выразилось удивление.

– Автомобиль? – переспросил он. – Где вы найдете автомобиль? Дорога до Мосула очень плохая, на другой стороне русла вообще не проехать.

– А вы можете позвонить по телефону?

– Телефон на турецкой стороне, а турки очень не приветливые люди, они ничем не помогут. Они лишь пропускают поезд.

Джоанна задумалась. Надо было взять себя в руки и не поддаваться отчаянию. Она в самом деле оказалась совершенно отрезанной от цивилизованного мира. Ни телефона, ни телеграфа, ни автомобилей.

– Прекрасная погода, много еды, все удобства... – успокаивающим тоном пробормотал индус.

«Да, – подумала Джоанна, – погода действительно превосходная. Это хорошо. Иначе пришлось бы сидеть у себя в комнате целый день».

– В этих местах всегда хорошая погода, – словно читая ее мысли, произнес индус. – Дожди бывают редко. Чаще дожди бывают где-нибудь поблизости, в Мосуле, там – на железной дороге, но не здесь.

Джоанна села за стол к единственному прибору и стала ждать, когда принесут завтрак. Она уже справилась с замешательством, которое охватило ее при известии о поезде. В самом деле, что толку предаваться отчаянию и переживать, если все равно ничем делу не поможешь? Нет, уж на что другое, а на это у нее хватает здравого смысла. Впрочем, очень жаль, что время пропадает впустую.

«Кажется, все, о чем я говорила Бланш, начинает сбываться, – с улыбкой подумала она. – Я говорила, что была бы рада отдохнуть от ежедневной суеты и успокоить нервы. И вот, пожалуйста: я отдыхаю! Здесь совершенно нечем заняться. Даже читать нечего. В самом деле, такой отдых должен пойти мне на пользу. Представьте себе, дом отдыха посередине пустыни!»

Незаметно мысли Джоанны перешли к не очень приятным воспоминаниям, которые она прежде ста-

ралась не извлекать из глубин памяти. Действительно, что приятного думать, например, о Бланш?

После завтрака Джоанна отправилась на прогулку. Как и прежде, она удалилась от гостиницы не далее разумного расстояния и, выбрав местечко поуютнее, опустилась на песок. Некоторое время она сидела не двигаясь, полускрыв глаза.

Как прекрасно, думала она, всем своим существом ощущать тишину и спокойствие, которые царят вокруг и медленно просачиваются в нее саму! Сидеть вот так, неподвижно, и ощущать, как тепло и тишина извне медленно наполняют тебя. Теплый неподвижный воздух, лучи горячего солнца – мир и тишина царили, казалось, во всей природе.

Она долго сидела не шевелясь, потом посмотрела на часы. Десять минут одиннадцатого.

«Как быстро прошло утро!» – подумала она.

Может быть, отправить телеграмму Барбаре? В самом деле, как это она вчера умудрилась не догадаться, что надо отправить телеграмму Барбаре, а не писать эти глупые письма друзьям по всей Англии?

Она немедленно вынула авторучку и блокнот. *«Дорогая Барбара, – начала писать она. – Мое путешествие складывается не очень удачно. В понедельник вечером я опоздала на поезд, и теперь я застряла здесь на несколько дней. Здесь очень хорошо, стоит*

полная тишина и спокойствие, тепло, ласково светит солнышко, так что я совершенно счастлива».

Рука Джоанны остановилась. О чем же написать еще? Может быть, что-нибудь о ребенке? Или об Уильяме? Неожиданно ей в голову пришли слова Бланш: «Не переживай за Барбару». Что они могли означать? А впрочем, конечно же! Вот почему сегодня утром ей так не хотелось думать о Бланш! Бланш так подчеркнула свои слова о Барбаре, что не почувствовать их тайного значения мог лишь последний тупица.

Хотя она, как мать Барбары, предпочла бы не знать вовсе кое-чего о своей дочери.

«Да, теперь я уверена, с нею все будет в порядке». Если верить Бланш, то получается, что прежде с Барбарой все было отнюдь не в порядке? Так, что ли?

Но в каком отношении? Бланш несколько раз повторила, что Барбара слишком рано вышла замуж.

Неожиданно ее охватило волнение. В свое время Родни, вспомнила она, тоже говорил нечто подобное. Она помнит, как очень удивилась, когда он совершенно безапелляционным тоном сказал:

– Мне очень не нравится эта свадьба, Джоанна.

– Но почему, Родни? Он такой привлекательный, и вообще они очень хорошо подходят друг другу...

– Да, конечно, он привлекательный молодой человек. Но дело в том, что она его совсем не любит!

Джоанна так удивилась! Она тогда очень сильно удивилась.

– Родни, в самом деле... Довольно странно с твоей стороны! А мне кажется, она просто без ума от него! Тогда почему же она так хотела выйти за него замуж?

То, что ответил ей Родни, обескуражило ее.

– Этого-то я и боюсь, – покачав головой, ответил Родни.

– Но, дорогой! В самом деле... – Джоанна не находила слов. – Это же смешно, в конце концов!

И тогда, не обращая внимания на ее намеренно легкомысленный тон, он произнес:

– Если она не любит его, ей ни в коем случае нельзя выходить за него замуж. Она еще так молода, и у нее слишком пылкая натура.

– Родни, голубчик, а ты-то откуда знаешь о пылкости ее натуры? – спросила она и пытливо заглянула ему в глаза, не в силах справиться с улыбкой.

Но Родни, казалось, было не до смеха.

– Порой девушки выходят замуж лишь затем, чтобы поскорее отделаться от родительской опеки и уйти из родительского дома, – с самым серьезным видом произнес он.

Тут уже Джоанна открыто рассмеялась.

– Из такого дома, как у Барбары? Да разве есть хоть одна девушка во всем Крайминстере, у которой была

бы такая счастливая семья, такой уютный родительский дом?

– Ты в самом деле так считаешь, Джоанна? – грустно спросил Родни.

– Конечно! В нашем доме детям отдается самое лучшее.

– Мне кажется, – медленно проговорил Родни, – что наши дети не очень любят приводить к себе домой своих друзей.

– Почему, дорогой? Я всегда устраиваю для них вечеринки и предлагаю пригласить всех их знакомых! Я очень внимательно отношусь к гостям. Это сама Барбара часто говорит, что не любит вечеринки и не любит приглашать друзей.

Родни улыбнулся загадочно и грустно.

В тот же вечер получилось так, что она вошла в комнату как раз в ту минуту, когда ее, очевидно, не ждали.

– Так нельзя, папа! – в крайнем раздражении кричала Барбара. – Я уйду от вас! Я больше не хочу здесь жить! Только не надо меня уговаривать найти себе какое-нибудь занятие, какую-нибудь работу! Я ненавижу работу!

– Что это значит? – остановившись на пороге, спросила Джоанна спокойным тоном, но так, что в комнате сразу воцарилось молчание.

Опустив голову, Барбара долго молчала, потом

дерзко посмотрела в глаза матери; Щеки девушки запунцовели.

– Ничего, Просто папа считает, что он знает больше всех! Он хочет, чтобы я устроилась куда-нибудь на работу, Я сказала ему, что не собираюсь жить с вами и что хочу выйти замуж за Уильяма и уехать в Багдад. Я уверена, мне там будет гораздо лучше, чем здесь.

– Ох, дорогая! – воскликнула пораженная Джоанна. – Зачем же уезжать так далеко? Мне бы хотелось, чтобы ты и после свадьбы жила где-нибудь поблизости, чтобы за тобой можно было присматривать.

– Мама! – сердито воскликнула Барбара.

– Я знаю, дорогая, тебе хочется быть самостоятельной, но ты сама не понимаешь, какая ты еще юная, какая неопытная. Если ты будешь жить где-нибудь поблизости, то я всегда смогу прийти к тебе на помощь.

Барбара вдруг захохотала.

– Ну и что! Надо же мне когда-нибудь начинать учиться жить без вашей помощи, без вашего опыта и мудрости.

Родни хмуро посмотрел на Джоанну, махнул рукой и пошел из комнаты. Барбара вдруг бросилась за ним, обняла, прижалась к нему, повторяя:

– Папочка дорогой! Дорогой мой! Папочка дорогой!..

В самом деле, подумала Джоанна, ребенок стал со-

вершено неуправляемым, да еще так открыто бравирует своей непокорностью. Кстати, это показывает, как глубоко ошибается Родни в вопросах воспитания детей. Барбара просто высказала намерение уехать на восток со своим Уильямом – и очень хорошо! Это очень хорошо, что два юных существа полюбили друг друга и полны планов на будущее.

«Правда, идея насчет Багдада не совсем удачна, – подумала Джоанна. – Как будто Барбара была несчастлива в родном доме. В нашем маленьком городке всегда полно сплетен и слухов, которые если послушать, то вообще не поймешь, на чем еще держится мир».

Вот и эта история с майором Рейдом.

Сама она никогда не встречалась с майором Рейдом, но Барбара нередко упоминала его имя в своих письмах. Майора Рейда часто приглашали к обеду в доме Барбары. Барбара и Уильям тесно сдружились с майором Рейдом. Барбара на все лето уезжала в Аркандоуз. Она и еще одна молодая замужняя женщина вскладчину снимали загородный дом, и майор Рейд тоже был там в это время. Они часто играли в теннис. Впоследствии, Барбара в паре с Рейдом дважды выигрывала микст в местном клубе.

Поэтому Джоанне казалось совершенно естественным спросить, когда она гостила у дочери, как пожи-

вает майор Рейд?

– Я ведь так много слышала о нем, – лучезарно улыбаясь, сказала она дочери, – и теперь хотела бы познакомиться с ним лично.

Однако ее вопрос вызвал замешательство, неожиданное и напряженное. Лицо у Барбары побелело как мел, а Уильям побагровел. Минуту или две царило молчание, затем Уильям хрипло проговорил, если не сказать прорычал:

– Мы его больше не принимаем.

По его тону Джоанна тут же догадалась, что об этом лучше помалкивать. Но вечером, когда Барбара ушла спать, Джоанна вновь вернулась к этому разговору и с улыбкой сказала, что, кажется, она затронула большую тему. Она всегда считала, что майор Рейд был с ними очень дружен.

Уильям недовольно крикнул, встал, подошел к камину и сердито застучал трубкой о решетку, выбивая пепел.

– Нет, это не так, – хмуро проговорил он. – Мы несколько раз стреляли вместе в тире, вот и все. Мы давно уже не встречаемся с ним.

«Это не совсем хорошо с их стороны... – подумала Джоанна. – Мужчины такие непостоянные, такие непредсказуемые». Признаться, ее отчасти удивила старомодная сдержанность, присущая Уильяму. На-

верное, он и ее воспринимает как недалекую, чопорную даму, типичную тещу, словно вышедшую из мужского анекдота.

– Понятно, – протянула она. – Значит, был скандал?

– Что вы имеете в виду? – сердито спросил Уильям, обернувшись к ней.

– Мальчик мой! – улыбнулась Джоанна. – Да это же очевидно из своего поведения. Я уверена, тебе наговорили про него нелепых сплетен, и ты перестал его приглашать. Ладно, не буду больше ни о чем спрашивать. Ты всегда так болезненно относился к друзьям своей жены, я знаю.

– Да, вы правы, – медленно произнес Уильям, – для меня это очень болезненно.

– Мы часто судим людей по себе, – сказала Джоанна. – А потом, когда обнаруживаем, что глубоко в них ошиблись, нам бывает так тяжело, так неприятно!

– Он убрался вон из этой страны, и это к лучшему, – проворчал Уильям. – Он уехал в Восточную Африку.

И вдруг Джоанна вспомнила обрывки разговора, который однажды случайно услышала в ресторане «Олвэй». Речь шла о каком-то Нобби Рейде, собиравшемся в Уганду.

– Бедняжка Нобби! – сказала средних лет дама за соседним столиком в ресторане, где обедала Джоанна. – Разве он виноват в том, что каждая молоденькая

идиотка считает своим долгом затащить его к себе в постель?

– Да, они доставляют ему немало хлопот, – с сочувственной улыбкой ответила ее собеседница, можавая, спортивного вида женщина. – Хотя единственное, что Нобби очень любит, так это сочных, в цвету, девственниц. Безыскусных и неопытных чужих невест. Должна признать, он обладает совершенной техникой! Когда ему надо, он умеет быть чертовски привлекательным. Девушка уверена, что он страстно влюблен в нее, тогда как он со страстью мечтает уже о следующей.

– Да, – вздохнула с улыбкой первая дама. – Теперь мы его лишимся. Он такой забавный!

Ее собеседница улыбнулась.

– В городе есть несколько мужей, которые были бы только рады, если бы он убрался отсюда.! Нет, в самом деле, есть мужья, которые были бы не прочь с ним рассчитаться.

– Да, он так здесь повеселился, что теперь ему лучше обратиться отсюда подальше.

– Т-с! – вдруг прошипела вторая дама и понизила голос, так что Джоанна больше ничего не слышала.

Тогда Джоанна не обратила внимания на этот разговор, который лишь на минуту позабавил ее, но теперь он почему-то пришел ей на память, немало оза-

дачив и возбудив у нее крайнее любопытство.

Если Уильям не захотел ничего ей рассказать, то, может быть, Барбара будет более разговорчива?

При первом же удобном случае Джоанна постаралась деликатно выяснить у Барбары, куда подевался майор Рейд и почему ее муж отзывается о нем с крайней неприязненностью. Но вместо обстоятельного рассказа Барбара нетерпеливо взмахнула рукой, словно отгоняя назойливую муху.

– Не хочу о нем даже разговаривать, мама, ты поняла? – с досадой бросила она.

Да, Барбара никогда не любила рассказывать о своих неприятностях, подумала Джоанна. Она была такой немногословной, когда говорила о себе, и такой обидчивой и чувствительной даже к самым безобидным шуткам. Джоанна, например, так и не узнала, что у дочери болит и чем вызвано недомогание. Одна из форм отравления, как поняла Джоанна и, естественно, тут же связала это с недоброкачественной пищей. Отравление несвежим мясом, скорее всего, подумала она. Такое часто встречается в странах с жарким климатом. Однако ей показалось странным то, что ни сама Барбара, ни ее муж Уильям – оба они не хотели вдаваться в подробности. Даже доктор, который лечил Барбару, и к которому обратилась за информацией Джоанна как мать Барбары, был малообщителен и

неразговорчив. Он лишь постарался подчеркнуть, что для наилучшего выздоровления больной ее не следует мучить расспросами или акцентировать внимание на ее болезни.

– Сейчас ей надо лишь одно – успокоиться и набраться сил, – важно заявил доктор. – Всяческие расспросы крайне нежелательны, и даже упоминание о болезни не принесет пациентке улучшения. Это все, что я могу посоветовать, миссис Скудамор!

Неприятный, дурно воспитанный человек – вот что могла сказать о нем Джоанна. Он мог бы, в конце концов, принять во внимание то, что она – мать, что она спешила сломя голову из Лондона через всю Европу сюда, к черту на кулички, в Багдад!

Но все равно Барбара была ей очень рада и благодарна за то, что она приехала навестить ее. Однако потом Джоанна стала подозревать, что... Да нет, Барбара очень горячо благодарила ее. Уильям тоже был явно рад ее присутствию.

Барбара сказала, что очень хочет, чтобы мать осталась у них подольше, и Уильям подтвердил, что хочет того же. Но она ответила, что им не следует соблазнять ее, потому что ее и саму привлекает возможность пожить у них подольше и что ей очень нравится зимой в Багдаде, но надо принять во внимание, что в Англии отец Барбары остался один, и было бы нечест-

ным в отношении его задерживаться здесь и наслаждаться прелестями Востока, тогда как он там работает дни напролет.

– Дорогой мой папочка! – всхлипнула Барбара. – Но, мама, почему бы тебе в самом деле не остаться? – тут же добавила она.

– Подумай об отце, дорогая моя! – вновь возразила Джоанна.

И тут Барбара произнесла сухим, неприятным голосом, который у нее появлялся в минуты крайнего раздражения, что она уже подумала о нем. Но Джоанна сказала, что не может оставить их старого папочку на попечение одних лишь слуг.

И вот настала минута – это было за несколько дней до ее отъезда, – когда она почти переменяла свое мнение. Во всяком случае, она могла остаться еще на целый месяц. Но, к ее удивлению, Уильям стал красочно описывать ей трудности и невзгоды путешествия по пустыне: если она отправится в путь слишком поздно, то есть в сезон дождей, то все ее первоначальные планы и графики могут нарушиться. Она согласилась о его доводами, после этого и Уильям, и Барбара были с нею так любезны, так предупредительны, что она снова почти совсем переменяла свои планы. Впрочем, нет, не совсем.

Хотя, действительно, как бы поздно она ни уехала

от них, хуже ничего не могло случиться, чем произошло теперь.

Джоанна снова посмотрела на часы. Без пяти одиннадцать. Как все-таки много можно передумать, за такой короткий отрезок времени!

Она пожалела, что не взяла с собой «Дом власти», хотя, наверное, будет разумнее, если она прибережет перечитывание этой книги на потом.

До ленча еще два часа, подумала, она. Сегодня она распорядилась приготовить ленч в час дня. Наверное, лучше все-таки немного походить, хотя, может, и очень глупо ходить просто так, без цели, безо всякого направления. Да и солнце уже начинает припекать.

Ох, как часто она жалела, что у нее мало времени остается для себя, чтобы обдумать свои дела, разобраться с накопившимися мыслями. И вот теперь у нее появилась такая возможность. Так о чем она собиралась подумать все предыдущие дни, до предела заполненные суетой и делами?

Джоанна принялась перебирать одну за другой свои мысли, но все они теперь казались ей незначительными; например, можно было повспоминать, куда она положила ту или иную вещь, или решить, как лучше устроить для слуг летние праздники, как лучше украсить старый школьный лекционный зал.

Все эти проблемы теперь виделись ей далекими и

малозначащими. Сейчас ноябрь, так что с планами о празднике для слуг можно не торопиться. Кроме того, чтобы спланировать праздник для слуг, Джоанне надо было точно знать, когда будет Троицын день, а календаря под рукой не было. Впрочем, она могла принять решение по поводу лекционного зала. Может быть, покрасить стены краской светлого оттенка, бежевой, например, на пол положить ковры серого, немаркого цвета, а по углам расставить небольшие диванчики? Да, так будет лучше всего.

Десять минут двенадцатого. Чем же занять мысли? Нельзя же обдумывать, как украсить школьный зал, весь день!

«Если бы я только знала, что так получится, – с сомнением подумала Джоанна, – взяла бы с собой несколько книг о современных достижениях науки и об открытиях, какой-нибудь труд, объясняющий, например, квантовую теорию».

Тут она заинтересовалась, что именно натолкнуло ее на мысль о квантовой теории? «Конечно же, ковры! – догадалась она. – А еще миссис Шерстон».

Она вспомнила, как однажды уже обсуждала с миссис Шерстон, что лучше – ситец или кретон – подойдет на обивку лекционного зала? И миссис Шерстон – жена управляющего банком – неожиданно заявила самым безапелляционным тоном:

– Полагаю, моя дорогая, что я весьма неплохо разбираюсь в квантовой теории. Это очень увлекательная тема, не правда ли? Оказывается, вся энергия поделена на маленькие порции!

В ту минуту Джоанна посмотрела на нее с удивлением, потому что не понимала, какое отношение квантовая теория имеет к ситцу, а миссис Шерстон чуть порозовела и добавила:

– Наверное, это очень глупо с моей стороны, но порой в голову приходят такие неожиданные мысли! Однако ведь это в самом деле очень увлекательная тема, не правда ли?

Джоанна не находила этот раздел физики особенно увлекательным, и разговор на том закончился. Но ей запомнилось предложение миссис Шерстон о коврах серого цвета и кретоновых обоях. С рисунком листьев коричневого оттенка по серому или красноватому фону.

– Это будет не совсем обычно, – сказала тогда Джоанна. – Такой кретон стоит не очень дорого, надеюсь?

И миссис Шерстон ответила, что такой кретон обойдется им совсем дешево. Еще миссис Шерстон добавила, что предложила такой вариант обоев, потому что любит лес и деревья, и что мечтой всей ее жизни является путешествие куда-нибудь в Бирму или на острова Малайского архипелага, где все растет очень

быстро и приобретает немыслимые формы!

– Очень быстро! – повторила она восхищенным тоном, и руки ее совершили движение, которое должно было выразить ее восхищение.

Эти обои, подумала Джоанна, должны стоить по крайней мере восемнадцать фунтов за ярд, фантастическая цена для их скромной школы. Если учесть, какие суммы дает жене мистер Шерстон на ведение хозяйства, то можно представить себе, что она еще выдумает потом!

Сама Джоанна всегда недолюбливала мистера Шерстона. Она вспомнила, как однажды сидела у него в кабинете, в банковском офисе, обсуждая покупку нескольких акций, и мистер Шерстон, огромный жизнерадостный мужчина, распространяющий вокруг себя флюиды самодовольства, развалясь в кресле за своим широченным столом, весьма невежливо ей возражал. У него слишком подчеркнутые популистские манеры, подумала Джоанна.

– Я – обычный человек, и ничто человеческое мне не чуждо... Не надо думать, что я – бездушная машина, которая лишь умеет делать деньги. Я тоже люблю простые народные развлечения: теннис, гольф, бридж. Я настоящий – это когда я у кого-нибудь на званом ужине, простецкий парень, а вовсе не денежный мешок, который, поджав губы, скупно цедит: ни шил-

лингом больше!

Джоанна усмехнулась, вспомнив тираду мистера Шерстона.

«Надутый винный бурдюк!» – с негодованием подумала теперь Джоанна. Двоедушный и неискренний. Перевертывает названия книг и авторов, ни в чем как следует не разбирается, во всем старается обмануть.

И все-таки чуть ли не каждый житель их городка утверждает, что этот человек ему симпатичен, что мистер Шерстон добрый приятель и вовсе не похож на банкира, каким его обычно представляют в фельетонах.

Впрочем, так и есть на самом деле. Нормальный банкир не присваивает деньги вкладчиков.

Во всяком случае у Лесли Шерстон в особняке на полу лежат ковры ручной работы. Ни у кого даже и подозрения не возникает, что экстравагантная жена банкира попросту понуждает мистера Шерстона к обману. Хотя достаточно одного взгляда на Лесли, чтобы понять: к деньгам она равнодушна. Всегда одетая в поношенное шерстяное платье, с граблями в руках возится в своем саду или бродит где-нибудь в полях, за городом. И о внешнем виде детей она тоже не очень заботится. Джоанна вспомнила, как однажды Лесли Шерстон угощала ее чаем, подав на стол огромный батон, гигантский кус масла и чуть ли не ведро домаш-

него варенья. Нагрузив полный поднос фарфоровой посудой, она принесла все это в гостиную и со стуком брякнула на полированный, с инкрустацией, столик. Неопрятная, неаккуратная женщина, хотя и добросердечная, совершенно не умеющая держаться, сутулая, с тяжелой походкой и с лицом, как-то перекошенным набок. Но ее, надо сказать, кривоватая улыбка все-таки оставляет ощущение доброты. В общем, в городке ее любят, а это для человека самое главное.

Бедняжка миссис Шерстон! Похоже, ей жилось тоже грустно, хоть она и жена банкира.

Джоанна в задумчивости пересыпала рукой песок. Почему ей в голову пришли эти слова: «грустно живется»? Наверное, они остались после разговора с Бланш Хаггард. У нее тоже грустная жизнь, но эта грусть совершенно другого сорта! Воспоминание о Бланш вернуло ее мысли к Барбаре и к обстоятельствам, сопровождавшим болезнь Барбары. В этих обстоятельствах Джоанна чувствовала нечто неприятное, что вело мысли в нежелательном направлении и вызывало почти болезненные ощущения.

Она снова посмотрела на часы. Как бы то ни было, а мысли о коврах ручной работы и о несчастной миссис Шерстон заняли около получаса. О чем ей подумать теперь? Лучше о чем-нибудь приятном, безо всяких болезненных воспоминаний.

В этом отношении самым безболезненным объектом воспоминаний, вне всякого сомнения, оставался Родни. Джоанна с удовольствием обратилась к мыслям о муже, представив себе, как он выглядел в последний раз, провожая ее на платформе вокзала Виктория. Он попрощался с нею, и поезд тронулся.

«Дорогой мой Родни!» – с нежностью подумала Джоанна. Он стоял тогда на платформе, подняв голову к окну, из которого выглядывала она, и солнце освещало его лицо, явственно выделяя сеточки мелких морщин в уголках его глаз – его усталых глаз. Да, вот именно, усталых глаз, глаз, наполненных неизбывной тоской. Нет, тут же подумала Джоанна, это просто потому, что сам Родни в ту минуту был грустный: ведь он прощался с любимой женой! Между прочим, у многих животных печальные глаза, у коров, например. Кстати, когда он надевает очки, то грустное выражение почти пропадает. Это надо ему сказать при случае, чтобы он обязательно надевал очки, когда принимает посетителей. Не хватало еще, чтобы клиент судил о положении своих дел по грустной мине на лице у адвоката! Как бы то ни было, а Родни выглядит очень усталым даже в очках. Зачем он сутулится? Неужели нельзя ходить, широко расправив плечи и подняв голову? Впрочем, это не удивительно: ведь он так много работает. У него практически не бывает выходных!

Нет, так дальше нельзя! Надо все переменить. «Я обязательно все переменю, лишь только приеду домой!» – решила Джоанна. У Родни должен быть отдых не только в конце, но и посередине недели. Среда, например. Прекрасный день для отдыха! А клиенты... Ну что ж, пусть немного поворчат. Потом и они привыкнут к такому распорядку. Зато Родни очень квалифицированно ведет их дела. Жаль, что это не пришло ей в голову раньше.

Да, Родни в ярком солнечном свете выглядел гораздо старше своих лет. Она смотрела на него сверху, из окна купе, а он – на нее, и ничего другого им не пришло в голову, как только обменяться идиотскими фразами самого банального прощания.

– Я думаю, что тебе не стоит останавливаться в Каире, – сказал Родни.

– Нет, я постараюсь сразу попасть на Симплонский экспресс, – ответила Джоанна.

– Да, я помню, вагон «Бриндизи», – кивнул он. – Думаю, Средиземное море никуда не девалось, – усмехнулся он.

– Мне хотелось бы остановиться на день или на два в Каире.

– Почему не больше? – с интересом посмотрел на нее Родни.

– Дорогой, я должна спешить к нашей дочери, к

Барбаре! Ты что, забыл?

– Да-да, я совсем забыл, – улыбнулся он.

До них донесся паровозный свисток. Родни посмотрел ей в лицо и снова улыбнулся. «Что это он улыбается?» – подумала Джоанна.

– Береги себя, моя дорогая! – сказал Родни.

– Прощай! Не скучай обо мне.

Поезд дернулся и медленно поплыл вдоль перрона. Джоанна убрала голову из окна. Родни махнул рукой, повернулся и пошел прочь. Что-то заставило ее снова выглянуть в окно. Родни уходил по платформе.

Она почувствовала неожиданную дрожь, глядя на эту хорошо знакомую спину. Ей показалось, что он неожиданно помолодел, голова с достоинством откинулась назад, плечи расправились. В груди у нее что-то неприятно кольнуло.

Она смотрела ему вслед и не могла отделаться от впечатления, что от нее, решительно шагая, уходит молодой беззаботный человек.

Ей тут же вспомнился день, когда она впервые встретилась с Родни Скудамором. Их познакомили на теннисном корте, когда они выходили на площадку.

– Не возражаете, если я сыграю у сетки? – спросил он.

Получив согласие, он направился вперед, на свое место у сетки, а она смотрела ему вслед и думала,

какая все-таки красивая спина у этого молодого человека. Он шел легкой спортивной походкой, стройный мужчина с гордо поднятой головой...

В самом начале игры она почему-то нервничала. При подаче она сделала подряд две двойных ошибки, ей стало жарко от стыда, и она стала нервничать еще больше. И тогда Родни обернулся к ней и улыбнулся, подбадривая. Он улыбнулся такой доброй, такой дружеской улыбкой, что она тут же овладела собой. В ту минуту она снова подумала, что это совершенно необыкновенный молодой человек, и тут же бесповоротно влюбилась в него.

Выглядывая в окно, Джоанна смотрела на удаляющуюся спину Родни, пока его не закрыла мельтешащая на перроне толпа, и вспомнила тот летний день, когда они познакомились много лет назад.

У нее было впечатление, что с его плеч вдруг упал груз прошедших лет, и Родни снова сделался стройным, свободным молодым человеком.

Как будто с его плеч упал груз прошедших лет...

И вот теперь, сидя здесь, посреди пустыни, под изливающим на нее свои лучи полуденным солнцем, Джоанна непроизвольно вздрогнула от озарившей ее неожиданной мысли.

«Нет, нет! Я не хочу вспоминать! Я не хочу думать об этом!» – приказала она себе.

А в ее воображении все еще мелькала среди толпы на перроне стройная широкая спина Родни, его откинутая назад голова. Обычная сутулость словно покинула его плечи. От нее уходил человек, который как будто освободился от тягостной ноши...

А что, собственно, случилось? Она вообразила себе невесть что! Это, наверное, зрение сыграло с нею злую шутку. Ну почему же он тогда не стал ждать, пока поезд покинет станцию?

А почему он, собственно, должен ждать, пока поезд уйдет? Ему надо спешить, у него в Лондоне осталась куча дел. Да и не всегда человеку приятно смотреть, как поезд отходит от станции, увозя любимых людей.

Нет, в самом деле, просто невозможно помнить все так отчетливо, как она себе вообразила. Спину Родни во всех подробностях!

Она все это себе вообразила.

Стоп, хватит об этом. Если воображение предлагает такие картинки, значит, мысли о них уже сидят в голове.

Нет, этого не может быть. Образ, нарисованный ее воображением, просто не может быть правдой.

Иначе она должна сказать себе (а разве она уже не сказала), что Родни был рад ее отъезду.

Но такого просто не может быть!

Глава 4

Джоанна вернулась в гостиницу немного разбитой, она чувствовала, что перегрелась на солнце. По дороге она непроизвольно ускоряла шаги, словно старалась убежать от непрошенных мыслей.

Индус посмотрел на нее странным взглядом.

– Мэмсахиб шла слишком быстро, – сказал он. – Зачем ходить быстро? Времени много, можно не торопиться.

О Боже, подумала Джоанна, действительно, у нее очень много свободного времени!

И сам индус, и его гостиница, и тощие цыплята в вольтере, и колючая проволока – все это начинало раздражать ее.

Она зашла к себе в комнату и достала «Дом власти».

Во всяком случае, подумала она, здесь нет солнца и прохладно.

Она открыла «Дом власти» и начала читать.

К ленчу она прочла половину книги.

На ленч подали омлет и тушеные бобы, а потом – полную тарелку семги с рисом и компот из консервированных абрикосов.

У Джоанны не было аппетита, и она почти ничего

не ела.

После ленча она ушла к себе в комнату и легла на кровать. Если она получила солнечный удар от того, что слишком быстро ходила в жару, то самое лучшее для нее теперь – это поспать.

Она закрыла глаза, но сон не приходил.

Она была возбуждена и чувствовала, что не в состоянии уснуть.

Она встала, приняла три таблетки аспирина и легла снова.

Каждый раз, как только она закрывала глаза, перед нею вставала спина Родни, уходящего прочь по перрону. Это было невыносимо!

Она отодвинула штору, чтобы в комнате стало светлее, и вновь принялась за «Дом власти». За несколько страниц до конца она уснула.

Ей снилось, что она собирается разыграть с Родни партию в теннис. Сначала они никак не могли найти мячи, но в конце концов все-таки вышли на корт. Когда она уже хотела подавать, то вдруг, к своей досаде, обнаружила, что играет против Родни и девчонки Рандольф которые играли вместе. Она начала подавать, но ничего, кроме двойных ошибок, у нее не получалось. Она подумала, что Родни поможет ей, ободрит словом или хотя бы взглядом, но, когда она взглянула в его сторону, она его не увидела. Все уже ушли, она

осталась одна, и уже наступили сумерки. «Я совсем одна, – подумала Джоанна. – Я совсем одна».

Вздвигнув, она проснулась.

– Я совсем одна! – громко произнесла она.

Сон все еще властвовал над ее сознанием. Слова, которые она только что произнесла вслух, испугали ее.

– Я совсем одна, – сама не зная зачем, повторила она, наверное, для того, чтобы дать себе к ним привыкнуть.

В дверь заглянул индус.

– Мэмсахиб звала? – спросил он.

– Да, – сказала она. – Принесите мне чаю.

– Мэмсахиб хочет чаю? Но сейчас только три часа...

– Ну и что? Мне хочется чаю.

Она слышала его шаги в коридоре и громкий крик: «Чай! Чай!»

Она встала с постели и подошла к засиженному мухами зеркалу. Из зеркала на нее смотрело ее обычное, нормальное привлекательное лицо.

– Интересно, – спросила Джоанна у своего отражения, – уж не заболела ли ты? Ты ведешь себя очень странно.

Может быть, она получила солнечный удар?

Когда принесли чай, она снова чувствовала себя

совершенно нормально. «В самом деле, как все это забавно!» – подумала она. У нее, Джоанны Скудамор, сдали нервы! Неслыханно! Нет, это все-таки не нервы, это просто солнечный удар. Не следует выходить на прогулку в такую жару, лучше дождаться, пока не сядет солнце.

Она съела несколько бисквитов и выпила две чашки чаю. Потом она взяла «Дом власти» и дочитала книгу до конца. Закончив читать, она почувствовала некоторую растерянность.

– Ну вот, теперь читать совершенно нечего, – сказала она себе.

Нечего читать, не на чем писать, с собой никакого вязания... Совершенно нечем заняться, остается лишь ждать поезда, которого может не быть несколько дней.

Когда индус пришел, чтобы убрать чайный прибор, она спросила его:

– Чем вы здесь занимаетесь?

Он посмотрел на нее, удивленный странным вопросом.

– Я прислуживаю путешественникам, мэмсахиб, – ответил он.

– Это я знаю, – оборвала она его, едва подавляя вспыхнувшее раздражение. – Но ведь это не отнимает у вас абсолютно все время.

– Еще я подаю туристам завтрак, ленч, чай, – развел руками индус.

– Нет-нет, я имею в виду не это. У вас ведь есть помощники?

– Мальчишка-араб, очень глупый, очень ленивый и очень грязный. Я вынужден за всем присматривать сам. На него ни в чем нельзя положиться. Правда, он все-таки носит воду, выносит помои, помогает на кухне.

– Выходит, вас трое: вы, мальчишка и повар? Тогда у вас должно быть достаточно свободного времени. Вы читаете?

– Читаю? Что я должен читать?

– Книги.

– Нет, я не читаю книг.

– Тогда чем же вы занимаетесь, когда не заняты работой? – недоумевала Джоанна.

– Я ожидаю, когда появится новая работа.

Нет, так дело не пойдет, – подумала Джоанна. – С ним совершенно невозможно разговаривать! Он меня просто не понимает! Он живет тут, день за днем, месяц за месяцем. Иногда, наверное, он устраивает себе праздник, едет в город и напивается или навещает друзей. Но целыми днями он живет здесь один... Правда, у него есть повар и слуга... Мальчишка целыми днями валяется на солнце и спит, когда нет ра-

боты. Жизнь для него очень проста. Господи, как они мне противны! Весь язык этих людей состоит из: есть, пить и хорошая погода».

Индуc забрал посуду и вышел. Джоанна принялась беспокойно ходить взад-вперед по комнате.

«Нельзя быть такой глупой! – приказала она себе. – Надо составить какой-нибудь план. Надо составить план, над чем следует подумать в первую очередь. Нельзя распускаться! Нельзя позволять себе терять душевное равновесие!»

Все дело в том, подумала она, что ее жизнь всегда была полностью занята делами. В ее жизни было столько интересного! Это была цивилизованная жизнь. Если все то, что уравнивает вашу жизнь и придает ей смысл, вдруг исчезает, вы весьма болезненно будете ощущать эту потерю, оказавшись лицом к лицу с голой бессодержательностью ничем не занятого, ничему не посвященного существования я. Чем вы более полезный и культурный человек, тем труднее для вас пребывать в бездействии.

Конечно, есть люди, которые могут часами сидеть без всякого дела. По-видимому, такая жизнь их устраивает, и они чувствуют себя вполне счастливыми.

Даже миссис Шерстон, которая, как правило, вела активный образ жизни всегда была чем-нибудь занята, отдавая делу столько энергии, что ее, казалось

бы, хватило на двоих, – даже она время от времени присаживалась отдохнуть и подолгу сидела без движения. Особенно это проявлялось когда они отправлялись на прогулку. Она могла вышагивать с поразительной энергией, а затем вдруг падала в траву, присаживаясь на поваленное дерево или у стожка сена, и сидела, устремив вдаль невидящие глаза.

Как и в тот самый день, когда Джоанна увидела девочку Рандольф...

Джоанне стало немного жарко при воспоминании о том, как она тогда поступила.

То, что она тогда сделала, смахивало на пижонство. Ей до сих пор было стыдно вспоминать о своем поступке. Потому что она вовсе не считала себя способной шпионить.

Но в отношении такой особы, как Мирна Рандольф... Особы, у которой нет ни малейшего нравственного чувства...

Джоанна стала вспоминать, как все было на самом деле.

Она срезала в саду цветы для старой миссис Гарнет и уже вышла с гостьей на крыльцо, как вдруг услышала голос Родни, доносившийся из-за ограды, со стороны дороги. Ему что-то ответил женский голос.

Джоанна вышла за ограду и торопливо попрощалась с миссис Гарнет. Она успела заметить стройную

фигуру Родни и – она в этом была уверена! – фигуру девчонки Рэндольф, мелькнувшую в конце переулка и скрывшуюся за поворотом дороги, ведущей к Ашелдону.

Нет, гордиться своим поступком она не могла. Но она чувствовала, что непременно должна убедиться в том, кто была эта женщина. Родни здесь совсем не виноват, все знали, что за особа эта самая Рэндольф.

Джоанна повернула на тропинку, которая вела через Холинг Вудс, и скоро вышла на дорогу, сбегавшую по голому склону горы. Она сразу увидела эту парочку – они сидели неподвижно у края дороги и смотрели вниз, в покрытую бледной дымкой долину.

Какое облегчение она почувствовала, когда поняла, что женщина, сидевшая рядом с Родни, – вовсе не девица Рэндольф, а миссис Шерстон! Они даже сидели поодаль друг от друга. Между ними было добрых четыре фута. В самом деле, дистанция просто смешная, не более чем дружеская! Да и сама Лесли Шерстон никогда не была особенно близким другом их семьи. Нет, на роль сладкоголосой сирены-разлучницы она никак не годилась. Даже сама мысль об этом показалась Джоанне нелепой. Видимо, миссис Шерстон просто вышла погулять за городом, и Родни попался ей на пути и со своей обычной дружелюбностью согласился прогуляться с нею вместе.

И вот, добравшись до самого гребня Ашелдона, они присели немного отдохнуть и полюбоваться видом долины, перед тем как пуститься в обратный путь.

Правда, ее отчасти удивило то, что они сидели совершенно молча, не произнося ни слова и не двигаясь. Нет, так хорошие друзья себя ведут. Впрочем, наверное, каждый из них был занят собственными мыслями. Со стороны подумаешь, что они знакомы настолько хорошо, что могут не беспокоить друг друга пустыми разговорами.

Надо сказать, что к тому времени Скудаморы довольно тесно сблизились с Лесли Шерстон. Подобное взрыву бомбы известие о присвоении Шерстоном денег вкладчиков обрушилось на потрясенный Крайминстер, и все с изумлением и ужасом узнали о том, что управляющего городским банком приговорили к тюремному заключению. Родни как адвокат на судебном процессе выступал защитником Шерстона и по сути дела отстаивал интересы Лесли. Ему было очень жаль эту бесхитростную женщину, оставшуюся с двумя маленькими детьми совершенно без средств. Впрочем, все в городе жалели несчастную миссис Шерстон, но в то же время считали, что она во всем виновата сама. И все же ее неизменная доброжелательность, не покидавшая ее даже во времена столь тяжелых испытаний, покоряла горожан.

– Наверное, она довольно-таки бесчувственный человек, – отозвалась о ней как-то Джоанна в разговоре с Родни.

В ответ на это Родни с непонятной резкостью возразил, что у Лесли Шерстон побольше чувства собственного достоинства, нежели у многих людей, которых он встречал в жизни.

– Да, конечно. Вот именно, чувство собственного достоинства. Но собственное достоинство – это еще не все!

– Не все? – вскинул, брови Родни и посмотрел на нее таким взглядом, которого она никогда не забудет.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и ушел к себе в офис.

Да, чувство собственного достоинства было тем самым качеством, наличие которого у Лесли Шерстон не стал бы отрицать никто. Оказавшаяся лицом к лицу с необходимостью содержать себя и двоих детей, не имея никакой профессии, она все-таки сумела выжить и не пропала.

Она вынуждена была работать у торговца цветами до тех пор, пока немного не освоила приемы торговли, получая тем временем небольшое вспомоществование от своей тетки. Миссис Шерстон обитала вместе с детьми в самых дешевых меблированных комнатах. Таким образом, когда Шерстон вышел из тюрьмы, он

застал ее прочно утвердившейся в совершенно другой сфере жизни, сумевшей поставить на деловую основу выращивание фруктов и овощей и продажу их на рынке. Она быстро наладила торговые отношения с соседним городком, дети ей помогали, и в конце концов дела у них пошли неплохо. Конечно, миссис Шерстон при этом работала как проклятая, и это весьма удивительно, поскольку уже в то время она страдала от болезни, которая в конце концов и свела ее в могилу.

Да, подумала Джоанна, что ни говори, а она любила своего мужа. Мистер Шерстон всегда считался весьма привлекательным мужчиной и пользовался неизменным успехом у женщин. Но, выйдя на свободу, он стал неузнаваем. Джоанне довелось увидеть его в те времена лишь один раз, и она была потрясена переменами, которые произошли с этим человеком. Поникший, с потухшими глазами, хотя еще не утративший до конца своей природной хвастливости, еще сохранивший личные амбиции и старающийся всем и каждому пустить пыль в глаза... Он напоминал Джоанне потерпевший крушение корабль. Но все-таки его жена любила его и не жалела для него сил, и за это Джоанна уважала Лесли Шерстон.

С другой стороны, Джоанна считала, что Лесли совершенно не умеет воспитывать детей.

Та же самая тетка миссис Шерстон, которая помогла ей деньгами, пока мистер Шерстон отбывал срок заключения, сделала своей племяннице выгодное предложение, причем как раз тогда, когда мистера Шерстона должны были вскоре освободить из тюрьмы.

Она сказала, что могла бы принять младшего сына миссис Шерстон к себе на воспитание и что дядя согласен платить за обучение в школе старшего мальчика, а она сама будет забирать детей к себе на праздники. Тетка добавила, что дети могли бы получить фамилию дяди, а сам он принял бы на себя финансовую ответственность за их будущее.

Ко всеобщему удивлению Лесли Шерстон решительно отклонила это предложение, весьма лестное при ее тогдашнем положении, и в чем, как считала Джоанна, проявился ее эгоизм. Она лишила своих детей обеспеченной и спокойной жизни, которую они могли вести, если бы миссис Шерстон приняла предложение своей тетки, а одному из сыновей отказали в добром имени, не запятнанном позорным родством с преступником.

Тем не менее она, должно быть, очень любила своих детей, думала Джоанна и Родни соглашался с Джоанной, убеждая миссис Шерстон подумать о детях в первую очередь.

Но у Лесли оказался весьма неуступчивый характер, и Родни отказался от дальнейших попыток помочь этой необыкновенной женщине своими дельными советами, Он полагает, сказал он тогда со вздохом, что миссис Шерстон лучше, чем кто-либо другой, разбиралась в собственных делах. Нет, мысленно возразила мужу Джоанна, миссис Шерстон просто очень упрямая женщина.

Возбужденно меряя шагами комнату, Джоанна вспоминала Лесли Шерстон: как она выглядела тогда, в те минуты, когда сидела с Родни на вершине Ашеддона.

Чуть наклонившись вперед, поставив локти на колени, она подпирала руками подбородок. Надо согласиться, не совсем подходящая поза для женщины. Она смотрела вниз, в долину, на усадьбы фермеров и окружающие их дубовые рощи, на покрытые зеленой берега извилистого Хаверинга, красным золотом отливающего в лучах заходящего солнца.

Они с Родни сидели тихие, безмолвные, неподвижные, как гранитные изваяния, и смотрели вдаль.

Джоанна сама не знала, почему она не решилась нарушить их уединение, но она так и не вышла к ним и не заговорила с ними. Наверное, потому, что чувствовала себя виноватой, подозревая их в более чем дружеских отношениях. А может быть, тень той девчонки

Рэндольф все еще невидимо витала над нею, вынуждая сохранять подозрительность и тайну?

Как бы то ни было, но Джоанна не приблизилась к ним и ничем не нарушила их спокойного созерцания. Вместо этого она, бесшумно ступая, тихонько отошла, отступила в тень деревьев, и поскорее вернулась домой. Об этом случае она впоследствии старалась не вспоминать и, разумеется, никогда не рассказывала о нем Родни. Чего доброго, он еще подумал бы, что она подозревает его в связи с этой мерзавкой Рэндольф!

Родни, не оглянувшись, не дожидая отправления поезда, уходил по перрону...

О Господи! Неужели она начнет перебирать всё эти тягостные воспоминания с самого начала?

И что вообще могло вызвать из небытия эти воспоминания? Что Родни, всегда бывший верным и преданным мужем, вдруг не сумел скрыть радости в предвкушении свободы?

Да и можно ли вообще что-то сказать о чувствах человека, уходящего от вас прочь, видя лишь его удаляющуюся спину?

Она просто поддалась смешным подозрениям, невесть как возникшим у нее в голове!

Нет, больше не стоит думать о Родни, а не то, пожалуй, еще додумаешься до такого, что свет не мил станет!.

До последнего часа Джоанна и не подозревала, что у нее столь богатое воображение.

Наверное, она все-таки перегрелась на солнце.

Глава 5

Остаток дня и вечер тянулись невыносимо долго.

Джоанна не хотела снова выходить на прогулку, пока солнце не опустится достаточно низко, и потому сидела в гостинице.

Через полчаса она почувствовала, что больше не в силах сидеть в кресле без движения. Она отправилась к себе в комнату и принялась вытаскивать вещи и упаковывать их заново. Вещи ее, как она с усмешкой заметила себе, лежали не так аккуратно, как следовало бы. Конечно же, надо было обязательно упаковать их получше.

Она аккуратно и быстро уложила вещи заново. Часы пробили пять. Теперь она без опаски могла выйти на улицу. Все-таки в гостинице она ощущала некоторую подавленность. Если бы у нее была хоть какая-нибудь книжка...

Или даже, подумала в отчаянии Джоанна, была бы у нее с собой какая-нибудь игра-головоломка!

Выйдя на улицу, она с ненавистью посмотрела на кучи мусора с жестянками, сверкающими на солнце, на ленивых тощих цыплят, на заграждение из колючей проволоки. Что за ужасное место! Совершенно ужасное место.

Для разнообразия она отправилась вдоль железнодорожной линии и проволочной изгороди, представлявшей собою не более и не менее, как турецкую границу. В этом направлении она еще не прогуливалась. Но через четверть часа эффект новизны пропал, и снова все вокруг стало ей казаться, как и вчера, нудным и скучным. Железнодорожная линия, лежавшая в четверти мили справа от нее, не возбуждала у нее никаких дружественных чувств.

Ничего, кроме тишины – тишины и угасающих солнечных лучей.

Джоанне пришла в голову мысль, что здесь, может быть, самое лучшее место для чтения стихов. В школе у нее была репутация большой любительницы поэзии. Интересно, что она сможет вспомнить по прошествии стольких лет? А ведь были времена, когда она знала наизусть очень много стихов!

Лишь милость безвозмездная достойна,
Что упадет, как роса с небес.

А дальше? Вот глупая! Неужели трудно вспомнить хотя бы эти несколько строк? Нет, никак не припоминается. Лучше начать другое:

Не страшны солнца жгучие лучи.

О, это звучит весьма актуально! Как там дальше?

Ни дождь, ни снег, ни зимние морозы.
Ты путь земной прошел и свой исполнил долг:
Зажег очаг, добром наполнил дом,
И дети многочисленной толпой,
За братом брат, и за сестрой сестра,
Посыпались, как искры из костра.

Нет, это звучит слишком благостно. Пастораль да и только! Может быть, она помнит какой-нибудь сонет? В свое время она их знала множество. «Союз высоких душ», например, или тот, о котором ее однажды вечером спросил Родни.

Весна твоя вовеки не увянет.

- Это из Шекспира, не так ли? – спросил он.
- Да. Из его сонетов, – ответила она.
- А это:

Нельзя препятствовать союзу душ высоких?

– Нет, это совсем другой, а тот сонет начинается так:

Тебя сравню я с жарким летним днем.

И она прочла ему весь сонет, который в самом деле был прекрасен, очень выразителен и глубок, В конце, вместо того, чтобы выразить свое восхищение сонетом, Родни лишь задумчиво повторил:

И ветры злые рвут бутоны мая...

– Но ведь сейчас октябрь, верно? – ни с того ни с сего вдруг спросил он и пристально посмотрел ей в глаза.

Его слова были так неожиданны для нее, что она, ничего не отвечая, лишь жалобно смотрела на мужа.

– А другой сонет ты знаешь? – тихо спросил он. – Тот самый, где «союз высоких душ»?

– Да, знаю, – послушно кивнула она, помедлила минуту и прочла весь сонет.

Нельзя препятствовать союзу душ высоких.

То не любовь, которая легка

На перемену к чести от порока:.

С высоким – высока, и с низким – низка:

О, нет! На ней есть вечности печать,

Которую не смоеет лет поток.

Она звездою в небесах сияет,

Заблудшим указуя на восток.

Любовь – не шутка глупая времен,

Хоть розы губ и щек – как у шута.

Не день, не год ей срок определен;

Предел ее – лишь смертная черта.
Но если сможешь ты меня разубедить,
Я перестану петь, а человек – любить.

Она с драматическим пафосом закончила читать, сделав ударение на последних строках.

– Я хорошо читаю Шекспира, правда? – спросила она. – Меня в школе всегда хвалили за это. Говорили, что я очень выразительно читаю стихи.

Но Родни не отвечал, захваченный какой-то мыслью.

– Здесь вовсе не нужна экспрессия, – произнес он наконец. – Здесь достаточно одних слов.

Джоанна обиженно вздохнула.

– Шекспир прекрасен, не правда ли? – пробормотала она.

– Если в нем и в самом деле есть что-то прекрасное, – немедленно отозвался Родни, – так это то, что он был всего-навсего несчастный человек, как и все мы.

– Какая необычная мысль, Родни!

Он улыбнулся и посмотрел на нее, словно увидел впервые.

– Ты так думаешь?

Резко поднявшись из кресла, он направился к двери, но остановился на полпути, обернулся и прочитал:

И ветры злые рвут бутоны мая
И лета срок имеет свой предел.

– Но сейчас октябрь, не так ли? – сделав паузу, снова спросил Родни.

Почему он так спросил? О чем он думал?

Ей вспомнился тот октябрь, особенно ясный и тихий.

Весьма забавно, что в эту минуту ей почему-то вспомнился тот вечер, когда Родни попросил ее почитать сонеты. А ведь это произошло именно в тот день, когда она увидела его на Ашелдоне вместе с миссис Шерстон. Может быть, миссис Шерстон тоже читала ему Шекспира, но это весьма на нее не похоже. Миссис Шерстон, думала Джоанна, женщина вовсе не интеллектуального склада.

Да, октябрь в том году был просто прекрасным.

Она очень хорошо запомнила, как несколько дней спустя Родни спросил ее смущенно:

– Разве такое бывает в это время года?

И протянул ей веточку рододендрона. Эти, одни из самых ранних цветов, обычно распускаются в марте или в конце февраля. Джоанна с удивлением взглянула на кроваво-красные цветы, рядом с которыми виднелись готовые распуститься почки.

– Нет, – сказала она. – Они цветут весной. Но слу-

чается, они расцветают и осенью, если это очень теплая и ясная осень.

Родни с ласковой осторожностью потрогал самыми кончиками пальцев один из готовых расцвести крошечных бутончиков.

– Нежные дети мая, – тихо проговорил он.

– Марта, – поправила она. – Марта, а не мая.

– Они похожи на кровь – произнес он, словно не слыша ее слов. – На кровь сердца.

«Как это не похоже на Родни, – подумала она, – интересоваться цветами».

Впрочем, он всегда любил рододендроны.

Она помнила, как он, много лет спустя, однажды прицепил только что распустившийся бутон рододендрона себе в петлицу.

Конечно же, цветок был слишком тяжелый, он в конце концов вывалился из петлицы и упал в грязь, как она и предвидела.

Они с Родни столкнулись тогда на церковном дворе, в совершенно необычном месте для этого часа: был уже вечер и добрые прихожане расходились по домам.

Она увидела его, когда выходила из церкви после службы.

– Что ты здесь делаешь, Родни? – удивленно спросила она.

– Размышляю о своем конце, – с улыбкой ответил он, – Я думаю, что бы такое мне написать на своем надгробии? Оно будет не из гранита, хотя гранитные памятники выглядят такими элегантными! И мраморного ангела в изголовье моей могилы тоже не будет.

Стоя у кладбищенской ограды, они смотрели на появившуюся совсем недавно мраморную плиту, на которой было высечено имя Лесли Шерстон.

Родни проследил глазами за ее взглядом.

– «Лесли Аделина Шерстон, – медленно прочитал он вслух надпись на плите. – Любимой, обожаемой жене от Чарльза Эдварда Шерстона. Почила 11 мая 1930 г. Господь осушит твои слезы, Лесли».

Немного помолчав, он добавил:

– Мне кажется чудовищно нелепой мысль, что под этой холодной мраморной плитой лежит Лесли Шерстон, и лишь такой законченный идиот, как Шерстон, мог додуматься до столь чудовищно нелепой эпитафии. Я не верю, что Лесли пролила хоть слезинку за всю свою жизнь. Она была не из плакс.

Джоанну охватило странное чувство: она словно оказалась участницей некой богохульной игры.

– А что бы выбрал ты? – спросила она.

– Для нее? Не знаю, – пожал плечами Родни. – Может быть, взял бы что-нибудь из псалмов. «Бытие твое было исполнено радости». Что-нибудь вроде

этого.

– Нет, я имела в виду для себя.

– Для меня? – задумался на минуту он и вдруг улыбнулся. – «Господь мой пастырь. Он ведет меня на зеленое пастбище». Наверное, это лучше всего подойдет мне.

– В такой эпитафии слышится довольно банальная идея о небесах, о горнем мире. По крайней мере, мне так всегда казалось.

– А как ты себе представляешь мир горний, Джоанна?

– Во всяком случае, не как золотые ворота и прочую чепуху. Мне хочется думать о мире горнем, как о государстве. Да, я представляю себе государство, в котором каждый занят – помогает другим, а еще каким-нибудь чудесным способом помогает направить, улучшить земной мир, сделать его прекраснее и счастливее. Служба – вот мое представление о мире горнем.

– Какая ты все-таки ужасная формалистка! – насмешливо улыбнулся Родни, стараясь интонацией сгладить насмешку, заключенную в его словах. – Нет, мне больше нравится такая аллегория: зеленая долина и овца, в прохладе вечера следующая за своим пастырем домой. – Он помолчал, ожидая ее возражений. – Конечно, это всего лишь моя глупая фантазия, я и сам понимаю, Джоанна, но такое представление

меня посещает очень часто, особенно когда я по Хай-стрит направляюсь к себе в офис. Обычно я выбираю путь через Белл-парк, где много укромных аллей и зеленых лужаек меж поросших деревьями холмов. Мне очень нравится этот парк, и особенно то, что он сохранился почти в самом центре города. Ты сворачиваешь с многолюдной, запруженной автомобилями Хай-стрит в зеленые кущи, и тебя сразу охватывает удивительное ощущение, своего рода смятение. «Где я?» – спрашиваешь ты себя. А внутренний голос отвечает тебе, знаешь, так тихо, так ласково, что ты – умер и очутился в райских садах...

– Родни! Прекрати! – остановила его Джоанна. – Ты, наверное, заболел. Такое выдумать!..

Это была первая догадка о том состоянии, в котором находился Родни, – догадка о надвигающемся нервном срыве, что вскоре у него и произошел, обеспечив ему двухмесячное лечение в санатории в Корнуолле, где он пребывал в полной, благотворной тишине, слыша лишь крики чаек, парящих над бледно-зелеными пенистыми морскими волнами.

Но до самого того дня, когда она случайно встретила его на церковном дворе, она не осознавала, что он работает сверх своих сил. Они уже собирались идти домой. Она держала его под руку и чуть ли не тянула его силком. И вдруг этот огромный красный бутон ро-

додендрона выпал у него из петлицы и упал на могилу Лесли.

– Ох, смотри! – сказала она. – Твой цветок! Она хотела было наклониться и поднять красный бутон, но муж удержал ее.

– Пусть лежит, – торопливо сказал он. – В конце концов, она была нашим другом.

Джоанна тут же согласилась, что, действительно, это прекрасная мысль и что завтра же она придет сюда и принесет огромный букет желтых хризантем.

Она помнила, что ее слегка напугала странная улыбка, которой одарил ее Родни, услышав такие слова.

Да, она явственно чувствовала, что с Родни в тот вечер происходило что-то необыкновенное. Разумеется, она еще не поняла окончательно, что Родни находится на грани нервного срыва, но она знала, что с ним происходит что-то особенное...

Всю дорогу до самого дома она донимала его разными вопросами, но он оставался немногословен.

– Я устал, Джоанна... Я очень устал, – вновь и вновь повторял он и морщился, словно от боли.

Только однажды, когда они уже подходили к самому дому, он едва слышно произнес:

– Не каждому дано быть мужественным...

С того самого дня прошло не более недели, и вот

Родни однажды утром не смог встать из постели.

– Я не могу сегодня встать, – проговорил он слабым, полусонным голосом.

Он так и остался лежать в постели, больше не произнес ни слова, ни на кого не глядя. Он лежал и чему-то неопределенно улыбался.

Потом вокруг него толпились доктора, суетились медсестры, и в конце концов его направили на продолжительное лечение в санаторий «Тревелиан». Режим в санатории оказался строжайший: ни писем, ни телеграмм, ни даже посетителей. Джоанне не позволили прийти проведать мужа. Не пустили даже ее, собственную его жену!

Это были грустные, смутные, запутанные времена. И с детьми тоже стало очень трудно. Они не помогали ей ни в чем. Они вели себя с нею так, словно она, Джоанна, была виновна в болезни их отца.

– Ты позволяла ему работать, работать и работать в его офисе! Мама, ты сама прекрасно знаешь, что в последние годы отец очень тяжело работал.

– Конечно, я знаю об этом, мои дорогие, – растерянно отвечала она, совершенно подавленная прямым обвинением, исходящим из уст ее собственных детей. – Но что я могла поделать?

– Ты должна была оторвать его от работы, причем еще много лет назад! Разве ты не знаешь, как он нена-

видит конторскую работу? Ты вообще знаешь хоть что-нибудь о нашем отце?

– Да, Тони, и очень много. Я знаю все о вашем отце, даже больше, чем ты думаешь.

– Порой мне кажется, что это далеко не так. Иногда я думаю, что ты вообще ничего не знаешь и знать не хочешь о ком бы то ни было.

– Прекрати сейчас же, Тони!

– Заткнись, Тони! – вмешалась Эверил. – Что толку в твоих обвинениях?

Джоанна знала: Эверил всегда была такая – сухая, бесчувственная, подчеркнута циничная, с отчужденным выражением, таким странным *дл*, ее возраста. У Эверил, иногда думала в отчаянии Джоанна, совсем нет сердца. Она терпеть не могла неясностей, чуждалась родительской ласки и оставалась совершенно равнодушной к любым увещаниям, апеллирующим к ее совести.

– Дорогой наш папочка, – тихо пробормотала Барбара, самая младшая из детей, более чувствительная. – Это все ты виновата, мама. Ты всегда была жестока с ним. Да, жестока!

– Барбара! – воскликнула Джоанна, теряя терпение. – Ты думаешь, о чем ты говоришь? Если и есть в нашем доме самый уважаемый человек, так это твой отец! Как ты думаешь, на какие деньги мы тебя учили

бы, и одевали, и кормили, если бы отец не работал? Он принес себя в жертву вам, что и должны делать родители, потому что в этом состоит их родительский долг. И они исполняют его безо всяких жалоб.

– Так дай же нам возможность отблагодарить тебя, мамочка, – не без ехидства сказала Эверил, – за все те жертвы, что ты принесла ради нас.

Джоанна с недоверием, посмотрела на дочь, не веря своим ушам, не желая узнавать в ее словах издевку. Нет, ее ребенок не мог быть столь дерзким...

– Ведь это правда, что папа хотел стать фермером? – сурово спросил Тони.

– Фермером? Нет! Конечно же, нет! Хотя много лет назад у него возникала эта ребяческая фантазия. Но в его семье все были только адвокатами. Юриспруденция – их семейное дело, и они знамениты во всем нашем графстве. Вы должны гордиться этим и радоваться, что пойдете по стопам вашего отца.

– А если я не хочу быть адвокатом, мамочка! Я хочу уехать в Восточную Африку и завести свою ферму.

– Подумай, какую чепуху ты говоришь, Тони! Выбрось из головы эту дурацкую мысль и больше никогда не вспоминай ее. Само собой разумеется, что тебе придется идти служить в адвокатскую фирму! Ведь ты у нас единственный сын.

– Я не хочу быть адвокатом, мама! Папа знает о

моих намерениях, и он обещал мне помочь.

Джоанна со страхом посмотрела на сына, потрясенная его упорством. Слезы вдруг хлынули у нее из глаз. Она упала в кресло и зарыдала. Какие они все жестокие! Какие злые! Довели ее до слез, это же надо!

– Я не понимаю, за что вы меня мучаете! Сквозь слезы воскликнула она. – Так меня расстроили! Довели до слез! Если бы отец был здесь, вы бы вели себя гораздо приличнее!

Тони пробормотал что-то невнятное, повернулся и направился вон из комнаты.

– Мама, Тони очень хочет стать фермером, – сухо произнесла Эверил. – Он мечтает поступить в сельскохозяйственный колледж. Он словно помешался на фермерстве. Если бы я была мальчишкой, я мечтала бы стать адвокатом. Я считаю, что юриспруденция – самое интересное в жизни.

– Я никогда не думала, – всхлипнула Джоанна, – что мои собственные дети так обойдутся со мной!

Эверил глубоко вздохнула. Барбара тоже истерически зарыдала в своем углу.

– Наш папа умрет, я знаю! – сквозь слезы воскликнула она. – Я знаю, он умрет, и тогда мы останемся одни в целом свете. Я не могу этого вынести! Ох, я не могу этого вынести.

Эверил снова вздохнула, с отвращением глядя на

свою рыдающую сестру и с сочувствием на свою рыдающую мать.

– Ну что ж, – деловито произнесла, она, – мне ничего не остается, как...

Тут Эверил встала и с ленивой медлительностью вышла из комнаты. Это было в ее духе.

Какая тяжелая и болезненная сцена, подумала Джоанна. Она не помнила до того дня, чтобы с нею так разговаривали.

Впрочем, такое поведение детей легко объяснить, Причиной всему было неожиданное потрясение, вызванное болезнью их отца, и особенно таинственными словами «нервное расстройство». Дети всегда воспринимают все гораздо болезненнее, если подозревают, что неприятности произошли по вине конкретного человека. Они превратили собственную мать, так сказать, в «козла отпущения» лишь потому, что она просто оказалась под рукой. На другой день и Тони и Барбара, конечно же, извинились. А что касается Эверил, то ей кажется, и в голову не пришло, что она должна извиниться. Возможно, со своей точки зрения она была права. Бедное дитя совсем не виновато, что родилось на свет лишенным сердца.

Да, те дни когда не было Родни, оказались и трудными, и несчастливыми одновременно. Дети все время были не в духе и дерзили по любому поводу. Поль-

зуюсь всякой возможностью, они старались выйти из-под влияния матери и даже физически отдалиться от нее, так что Джоанна чувствовала себя совершенно одинокой и покинутой. В этом проявилось, как считала она, действие на детей ее собственной душевной потерянности, ее грусти и постоянной занятости делами. Дети, конечно же, любили ее, потому что она все-таки была их мать. Просто у них наступил трудный возраст: Барбара еще посещала школу, а Эверил, неуклюжая и вечно подозрительная, уже достигала совершеннолетия – недавно ей исполнилось восемнадцать. А что касается Тони, то он почти все свое время проводил на соседней ферме. Очень досадно, конечно, что он так глубоко вбил себе в голову эту дурацкую идею о фермерстве. Родни проявил глупость и даже слабость в отношении их единственного сына, поощряя в мальчике мысли о фермерстве.

«Ох, Родни, дорогой мой! – думала, Джоанна. – Мне так тяжело от того, что приходится делать такие неприятные вещи, как уверять мальчишку в его собственной недалёковидности. Это такое неблагодарное занятие, поверь мне! И Барбара тоже... Если рядом живут такие прекрасные и воспитанные девушки, как дочери миссис Харли, то почему Барбара выбирает себе друзей среди полунищей, необразованной, невоспитанной молодежи? Я этого не понимаю! Я хо-

чу объявить ей, что она может приводить к нам в гости кого-нибудь из своих подозрительных знакомых лишь только после моего одобрения. Но меня останавливает одно: мое здоровое предложение будет встречено потоком слез и истерикой. Эверил, разумеется, несколько мне не помогает. Я терпеть не могу эту ее обычную едкую усмешечку, с которой она отвечает на мои вопросы. Ох, как это, наверное, гадко выглядит для посторонних людей!»

Да, считала Джоанна, воспитание детей – самое неблагоприятное и чрезвычайно трудное дело.

Со стороны очень трудно судить, чего это стоит родителям. Надо постоянно сохранять определенный такт и на все выходки детей смотреть с добродушным юмором. Надо точно знать, когда следует проявить твердость, а когда позволить им сделать по-своему. «На самом деле никто не знает, – думала Джоанна, – что мне пришлось вынести в те дни, пока Родни не было дома».

Джоанна поморщилась, вспомнив ироничное замечание доктора Мак-Куина о том, что всегда в разговоре рано или поздно кто-нибудь произносит: «Если бы вы знали, что мне тогда пришлось вынести!» В ответ на эти слова, сказал доктор Мак-Куин, принято сочувственно улыбаться и говорить: «Совершенно верно!»

«Ну что ж, – подумала Джоанна, наклонясь и с тру-

дом распутывая шнурки своих туфель, в которые насыпался песок, – значит и в мой адрес скажут то же самое. А между прочим, никто и не подозревает, через что мне пришлось пройти в те дни. Даже Родни ничего не известно об этом».

Когда Родни вернулся из санатория домой, все сразу пошло своим чередом, дети снова стали послушными, снова следили за собой и не перечили Джоанне. Мир был восстановлен. Все это, думала Джоанна, явилось следствием обычной тревоги. Да, тревоги за здоровье дорогого всей семье человека. Волнение о здоровье Родни вывело из равновесия и ее саму. Это же волнение сделало детей нервными и непослушными. Да, это были для нее очень трудные дни, но совершенно непонятно, почему именно они сейчас вспомнились ей? Разве о том периоде она собиралась думать сегодня? Сегодня ей хотелось вспомнить о чем-нибудь хорошем, а не о неприятностях, которых в ее жизни было предостаточно.

Все это началось... С чего же все началось? Ах, да! С воспоминаний о поэзии. Можно ли придумать что-нибудь смешнее, рассуждала про себя Джоанна, как бродить по пустыне и декламировать стихи! Хорошо, что во время этих прогулок никто ее не видел и не слышал. Да здесь вообще никого нет, убеждала она себя, так что для паники нет никаких оснований. Все

это глупости, просто пошаливают нервы...

Она повернула назад и направилась обратно к гостинице.

Она поймала себя на мысли, что едва сдерживает себя, чтобы не побежать бегом.

Чего она вдруг испугалась? Здесь никого нет! Может быть, она и испугалась одиночества? Или, возможно, она из тех людей, которые страдают от ... Как же это называют? Не клаустрофобия, нет. Клаустрофобия – это боязнь замкнутого пространства, а у нее совсем наоборот. Слово должно начинаться на «А», как ей кажется. Да, боязнь открытого пространства.

Впрочем, все на свете можно объяснить с научной точки зрения.

Но научное объяснение, хотя и действует немного успокоительно, все равно в настоящий момент ей ничем не поможет.

Легко сказать себе, что все в мире имеет свою логику и все взаимосвязано, но не так легко управлять событиями. Не так легко управлять даже своими мыслями, которые то возникают вдруг из тайников памяти, то прячутся вновь, словно юркие ящерицы, выглядывающие из своих норок.

Например, мысль о Мирне Рандольф, подумала Джоанна. Эта мысль как змейка проползла, у нее перед глазами. Другие мысли мелькали словно ящери-

цы.

Боязнь открытого пространства... А ведь она всю свою жизнь провела словно в ящике. Да, в ящике с игрушечными детьми, с игрушечными слугами, с игрушечным мужем.

Нет, Джоанна, что ты такое говоришь! Как можно быть такой глупой? Твои дети вовсе не игрушки. Они живые, настоящие.

Дети настоящие, и повар тоже настоящий, и служанка. Агнес, и Родни тоже настоящий. Наверное, это я сама игрушечная жена, игрушечная мать.

Ох, это ужасно! До какой чепухи можно додуматься, когда совершенно нечего делать! Может быть, снова почитать стихи? Надо обязательно припомнить что-нибудь успокаивающее.

И во весь голос, с подчеркнутым пылом, она продекламировала:

Цветущею весной я скрылась от тебя...

Но что было дальше, она никак не могла припомнить. Впрочем, она и не хотела вспоминать. Этой строки вполне достаточно. Она объясняет все, не правда ли? Родни, думала Джоанна, Родни... «Цветущею весной я скрылась от тебя...» Но только, думала она, сейчас не весна, сейчас ноябрь.

Внезапная мысль ослепила ее: Родни как раз и го-

ворил об этом, в тот самый вечер!

Здесь была какая-то таинственная связь, какой-то ключ, ключ к некой загадке, которая еще ожидала ее, скрываясь в тишине пустыни. Что-то такое ожидало ее, от чего она захотела уйти, – теперь Джоанна поняла это окончательно.

На как уйти от собственных мыслей, которые словно юркие ящерицы снуют туда и сюда?

Как много оказалось вещей, о которых ей нельзя думать, если только она хочет сохранить душевное равновесие. Это и Барбара, и Багдад, и Бланш. (Все на Б, как забавно!) И Родни, уходящий по перрону вокзала Виктория, и Эверил, и Тони, и Барбара – они были так невежливы с нею!

В самом деле – Джоанна почувствовала – раздражение на саму себя – почему она так и не смогла найти для своих мыслей более приятный объект?

Ведь так много приятных воспоминаний хранит ее память! Много, очень много...

Например, ее подвенечное платье, такое красивое, из великолепного шелка цвета устричной раковины... Эверил в колыбельке, вся завернутая в муслин, завязанная розовой лентой с огромным бантом, такая миленькая, такая послушная! Эверил всегда была послушной девочкой, вежливой, с хорошими манерами. «Они у вас прекрасно воспитаны, миссис Скудамор».

Да, Эверил была чудесным ребенком – в обществе, по крайней мере. в домашней жизни она была не такая, постоянно не соглашалась, спорила, и ещё этот ее непокорный, недоверчивый вид... Она всегда смотрит на вас, словно спрашивает, чего вы добиваетесь на самом деле! Нет, послушные дети смотрят на свою мать совсем по-другому. А в остальном – она прекрасный ребенок в полном смысле этого слова. Тони на людях тоже выглядел вполне приличным, послушным ребенком, хотя дома был неисправимо неучтив и невнимателен. По-настоящему трудным ребенком в их семье была Барбара. Из-за любого пустяка она закатывала истерику и обливалась слезами.

А в общем все они были очень милыми, хорошо воспитанными детьми.

Очень жаль, что дети вырастают и из милых и послушных крошек превращаются в несговорчивых, неприветливых грубиянов.

Но не надо об этом думать. Лучше вспоминать о них, когда они были маленькими. Вот Эверил в танц-классе, в своем миленьком розовом платье. Вот Барбара в чудесной вязаной юбочке. Тони в вишневого цвета отлично сшитом детском комбинезончике, который скроила для него мастерица на все руки служанка Нэнни.

Наверное, можно было подумать и о чем-нибудь

другом, а не только о том, какую одежду носили дети, усмехнулась про себя Джоанна. Например, о том, что они говорили ей, какие приятные слова, когда были чем-нибудь обрадованы. Минуты их детской ласки, их сыновней и дочерней любви и почтительности. Были такие минуты?

Но сколько было принесено им в жертву! Сколько они с Родни сделали для детей!

Вдруг еще одна ящерица показала головку из своей норки, еще одна быстрая непрошенная мысль мелькнула в голове у Джоанны. Она вспомнила один из разговоров с Эверил. Девочка была с нею очень вежлива, рассудительно отвечала на вопросы, но то, что Джоанна услышала от нее, повергло ее в ужас.

– Мама, а что ты, собственно говоря, для нас сделала? Может быть, ты нас купала собственными руками?

– Нет, я не купала вас, но...

– Может быть, ты готовила нам обед или причесывала нас? Нет, все это делала Нэнни. Она укладывала нас в кровати, а утром будила. Ты не чинила нам одежду, потому что это делала Нэнни. Она водила нас на прогулку...

– Да, моя дорогая, – дрожа от волнения и обиды, согласилась Джоанна. – Просто я наняла Нэнни, чтобы она присматривала за вами. Я хочу сказать, что я

за это платила ей жалованье.

– Нет, это папа платил ей жалованье. Разве не папа платил, да и сейчас платит за все, что у нас есть?

– Разумеется, это так, дорогая моя Эверил, но главное не в этом.

– Но ведь ты мама, не ходишь каждое утро на работу, а ходит папа. Почему ты не ходишь на работу?

– Потому что я веду домашнее хозяйство.

– Неправда. Это делают Кэти и повар, а еще...

– Замолчи сейчас же, негодница!

И Джоанне ничего другого не оставалось, как одернуть эту дерзкую девчонку. Услышав строгий окрик, девочка всегда умолкала и, пожав плечами, отворачивалась. Она не спорила, не протестовала. Но ее внешняя покорность уязвляла Джоанну еще сильнее, чем ее открыто высказанный протест.

Однажды один из таких разговоров услышал Родни. Он улыбнулся и сказал, что «ни одно обвинение Эверил не встретило опровержения».

– Не думаю, Родни, что здесь есть повод для смеха, – грустно ответила мужу Джоанна. – Нельзя допускать, чтобы дети в возрасте Эверил судили родителей с такой... с такой строгостью!

– Ты полагаешь, она еще недостаточно взрослая, чтобы осознавать ответственность свидетеля?

– Не будь таким казуистом, таким законником, Род-

ни! Хотя бы дома, я прошу тебя.

– А кто превратил меня в законника, в казуиста? Уж во-всяком случае не дети, – с усмешкой произнес Родни.

– Я серьезно с тобой разговариваю, Родни! – вспыхнула она. – Нельзя так непочтительно относиться к родителям, как относится к нам Эверил!

– А я считаю, что Эверил достаточно почтительна для ребенка ее возраста. Она не станет злоупотреблять показной непосредственностью, которая меня так раздражает в нашей Барби.

Да, это была правда, Джоанна не спорила. Барбара, например, в истерике могла крикнуть: Вы все мне противны! Я вас ненавижу! Я хочу умереть! Вы еще пожалеете, когда меня не будет!»

– Но, Родни! – поспешно возразила Джоанна. – Просто у Барбары такой темперамент. Она всегда потом извиняется за свои слова.

– Да, это верно, – вздохнул Родни. – Бедный маленький чертенок! Она совсем не думает о том, что говорит. А вот у Эверил зато очень тонкое чутье, на неискренность, на фальшь.

– Фальшь! – сердито воскликнула Джоанна. – Что ты имеешь в виду? Объясни, пожалуйста!

– Послушай, Джоанна. Разве ты сама не видишь, какой ерундой мы напичкали наших детей? На-

пример, презумпция нашего всеведущего авторитета. Или безальтернативная обязательность считать единственно верным и правильным все, что бы мы с тобой ни делали. Мы внушали им, что мы все знаем, мы знаем как лучше, мы – их единственная опора и спасение. И все это в отношении маленьких, беспомощных существ, которые до поры до времени находились в полной нашей власти. Ты представляешь себе ужас их положения?

– Ты говоришь о детях как о совершенно бесправных рабах!

– А разве наши дети не рабы? Они едят то, что мы им даем. Они носят то, что мы на них надеваем. Они даже говорили те слова, которые мы с тобой требовали от них. Вот цена, которую они заплатили за нашу защиту и покровительство. И теперь у них нет ничего своего. Но они растут, и с каждым днем становятся все ближе к свободе.

– К свободе? Какой свободе, Родни? – с презрением воскликнула Джоанна, – Разве свобода существует?

Родни, словно получив удар, остановился, посмотрел на нее долгим взглядом и грустно вздохнул.

– Нет, я не думаю. Ты права, Джоанна, – с тяжелой, медлительностью проговорил он.

Повернувшись, он медленно вышел из комнаты, сутуля плечи.

При взгляде на мужа Джоанну словно пронзила острая боль.

«Теперь я знаю, какой ты будешь в старости», – горестно подумала она.

Родни стоял на перроне вокзала Виктория...

Свет падал на обострившиеся черты его усталого лица..

Он сказал, чтобы она берегла себя..

И вдруг, несколько минут спустя...

Почему же ее мысли, все время возвращаются к этой сцене? Совсем неправда, что Родни обрел свободу! Родни очень в ней нуждается! Он без нее тоскует в пустом доме, где кроме слуг, никого... Он никогда никого ни о чем не попросит. У него совсем нет друзей. Разве что какой-нибудь ненормальный, вроде Харгрейва Тейлора, этого нескладного дурака! Она так и не поняла, почему Родни подружился с ним. Или еще этот занудливый майор Миллз, который не умеет вести беседу ни о чем, разве что только о пастбищах, да о том, как ухаживать за коровами...

Конечно же, Родни очень скучает без нее!

Глава 6

Когда она подошла к гостинице, индус вышел ей навстречу.

– Надеюсь, прогулка была приятной, мамсахиб? – вежливо спросил он.

– Да, – ответила Джоанна, – очень приятной.

– Обед скоро будет готов. Очень хороший обед, мэмсахиб.

Джоанна ответила, что очень этому рада. Но обещание управляющего оказалось пустым обещанием, потому что обед был точно такой же, как и вчера. Единственное, что его отличало от вчерашнего, это персики на десерт вместо абрикосов. Конечно, это был совсем не плохой обед, но главным его недостатком было как раз то, что он был точно такой же, как и вчера.

После обеда лечь спать было еще рано, и Джоанна снова горячо пожалела, что не взяла с собой побольше книг или вязание. Она даже попыталась перечитать заново наиболее интересные страницы из «Леди Катерины Дизарт», но не смогла.

Если бы у нее было хоть какое-нибудь дело, думала Джоанна, хоть какая-нибудь работа! Если бы у нее были карты, она занялась бы раскладыванием пасьян-

са. Или какие-нибудь игры, триктрак, например, или шахматы, или шашки на худой конец – она сыграла бы сама с собой!

Действительно, в такой обстановке, какая только чепуха не лезет в голову! Подумать только: ящерицы, высовывающие свои головки из норок... Бред! Но мысли, снующие в голове, все-таки остаются. Мысли, порой пугающие, порой вызывающие раздражение и досаду., А иногда такие постыдные мысли, что просто не хочется, чтобы они возникали!

Так почему же все-таки они появляются в ее голове? Откуда они берутся? В конце концов, может человек или не может управлять своими мыслями?. Возможно ли при каких-нибудь обстоятельствах запрещать себе думать о чем-либо неприятном? Да, надо запретить этим юрким ящерицам высовывать головки из своих норок, запретить этим зеленым проворным змейкам проскальзывать по краю сознания, раздражая и тревожа!

Откуда они берутся, эти мысли?.

И отчего они вызывают столь неприятное чувство, чувство страха, которое у нее возникает, едва она позволяет этим мыслям, этим ящерицам немного похозяйничать у нее в голове?

Должно быть, у нее агорафобия. (Наконец-то она вспомнила это слово – агорафобия! Вот что значит

напрячь мозги. Если хорошенько повспоминать, то вспомнишь все, что нужно!) Да, именно так. Боязнь открытого пространства. Забавно, но прежде она даже и не подозревала, что страдает агорафобией. Но ведь она прежде никогда и не попадала в такие обстоятельства, как теперь. Она всегда жила среди зданий, в городах, среди строений и садов, где всегда есть много занятий и достаточно людей. Да, вот именно, достаточно людей, вот что главное. Если бы здесь нашелся хоть кто-нибудь, с кем можно было бы просто поговорить!

Пусть даже Бланш...

Забавно думать сейчас, как она старалась избежать возможности оказаться на пути домой в одной компании с Бланш!

Нет, но если бы Бланш появилась именно здесь, именно в эти дни, то это совсем другое дело. Тогда они могли бы поговорить с нею о тех, прежних, днях, когда учились в «Святой Анне». Не все же для Бланш были в школе одна скука и неприятности, как она уверяла её? Наверное, и для Бланш в школе было что-то интересное. Как давно все это было! Что там Бланш сказала ей? «Ты вышла в свет, а я опустилась на дно». Нет, потом она поправилась, она сказала: «Ты осталась какой была: примерной девочкой из «Святой Анны», гордостью всей школы».

Неужели в ней действительно не произошло никаких перемен с тех далеких школьных лет? Очень хорошо, если это в самом деле так. Но, с другой стороны, и не очень приятно. Ведь если, так, то получается, что она с тех пор никак и не развивалась, что ли?

Как там сказала мисс Гилби в своей прощальной речи на выпускном вечере? Все выпускные речи мисс Гилби становились знаменитыми. Они были своего рода олицетворением школы «Святой Анны», ее характеристикой.

Мысли Джоанны вернулись к тем давним годам, и в ее воображении встала фигура старой директрисы. Огромный нос, большие круглые очки, острые пронизательные глаза с неизменным требовательным выражением... Джоанне вспомнилось, с какой величественностью директриса ходила по школе, выставив вперед свой величественный бюст. О, что это был за бюст! Мечта всех школьных отличниц! Четких строгих форм, он внушал одну лишь мысль о величии – и никакой слабости, никакого снисхождения!

Да, у мисс Гилби была устрашающая фигура, она внушала только страх и восхищение, причем не у одних учениц ее школы, но даже и у самих родителей.

Уже при беглом взгляде на мисс Гилби не оставалось никаких сомнений: да, она из «Святой Анны»!

Джоанна вспомнила как однажды ей довелось по-

бывать в кабинете директрисы, в священной, таинственной комнате, пребывание в которой производило на учениц неизгладимое впечатление. Вот она входила в это святилище педагогики, заставленное цветами, с гравюрами из магазина «Медичи» на стенах, с лежащим буквально на всем явным отпечатком культуры, учености и социального такта.

Мисс Гилби величественно отрывает взгляд от своего широкого письменного стола.

– Входи, Джоанна. Садись, дорогая моя.

Джоанна осторожно садится в указанное директрисой обитое великолепным кретоном кресло, страшась опустить руки на полированные подлокотники. Мисс Гилби величественным жестом снимает очки и вдруг улыбается какой-то ненастоящей, но выразительной улыбкой, от которой у Джоанны мурашки бегут по спине.

– Ты покидаешь нас, Джоанна, – четко выговаривая слова, произносит директриса. – Ты выходишь из привычного тебе круга школьных отношений в большой мир, который называется жизнью. Я бы хотела кое о чем побеседовать с тобой, прежде чем ты выйдешь за порог нашей школы. Я надеюсь, мои слова ты воспримешь как доброе напутствие и, может быть, они станут путеводными в той жизни, которая тебе предстоит.

– Да, мисс Гилби.

– Здесь, в нашей школе, среди счастливого окружения, среди твоих юных подруг, твоих ровесниц, ты была целиком избавлена от тех сложных и запутанных отношений, которых никто не может избежать в реальной жизни.

– Да, мисс Гилби.

– Здесь, в школе, я уверена, ты была счастлива.

– Да, мисс Гилби.

– И ты очень хорошо училась. Я очень довольна успехами, которых ты достигла. Ты была одной из наших лучших учениц.

Джоанна почувствовала легкое смущение.

– Я очень рада, мисс Гилби, – пробормотала она, опустив глаза.

– Но теперь большая жизнь поставит перед тобой новые вопросы, новые проблемы. На тебя ляжет новая, большая ответственность...

Беседа шла своим чередом. Мисс Гилби говорила одну за другой безусловно важные и правильные фразы, а Джоанна время от времени почтительно вставляла: «Да, мисс Гилби».

Она чувствовала себя словно под гипнозом.

Хорошо поставленный голос был одним из факторов блестящей карьеры мисс Гилби, про него Бланш Хаггард как-то сказала, что он напоминает ей хорошо

вымуштрованный оркестр, который повинуется каждому мановению дирижерской палочки. В самом деле, в речи мисс Гилби Джоанне слышалась и благословляющая, прощальная мягкость виолончели, и начальственная похвала флейты, которая переходила в предупреждающие грозные нотки фагота. Затем в словах мисс Гилби прозвучал одобрителный звон фанфар – для девушек, склонных к интеллектуальному образу мышления, чтобы утвердить их в стремлении сделать служебную карьеру. Для тех же, кто склонен к умосозерцанию и спокойствию домашней жизни – приглушенные обертона скрипок, чтобы поддержать в этих девочках чувство материнства и ответственности за домашний очаг.

И наконец в самом конце речи мисс Гилби раздалось финальное торжественное пиццикато, долженствующее коснуться самых, может быть, глубоких душевных струн ученицы, провожаемой в большую жизнь.

– А теперь, моя дорогая, несколько слов для тебя лично. Не ленись думать, Джоанна! Не принимай вещи такими, как они выглядят на первый взгляд, потому что это самый легкий путь, который может доставить тебе сильную боль. Жить – это значит считаться с обстоятельствами, а не истолковывать их благоприятным для себя образом. И никогда не будь самодо-

вольной!

– Хорошо, мисс Гилби.

– Потому что, между нами говоря, за тобой замечается этот маленький недостаток. Ты согласна, Джоанна? Больше думай о других, моя дорогая, и поменьше – о себе. И всегда будь готова принять на себя ответственность.

И наконец – словно кульминация всей оркестровой сонаты:

– Жизнь, Джоанна, должна быть непрерывным развитием, восхождением по каменным ступеням нашего мертвого эгоизма к высшим ценностям. Да, тебе придется претерпеть боль и страдания. Но их не избегнет никто. Даже наш Господь не избежал страданий бременной жизни. Как он познал муки Гефсимана, так и ты должна познать их. И если, ты не испытаешь этих мук, значит твоя жизненная дорога пролегла в стороне от праведного пути. Вспомни об этом, когда к тебе придет час сомнений и тяжелого труда. Помни, моя дорогая, что я всегда буду рада получить весточку от своих девочек, моих учениц. Я всегда готова помочь им советом, если меня попросят. Благослови тебя Господь, дорогая моя.

И как последнее благословение мисс Гилби запечатлела на лбу Джоанны легкий поцелуй, в котором больше было поощрения к будущей славе, нежели

простого человеческого чувства.

После этого Джоанне, смущенной и растерянной, позволили удалиться.

Вернувшись в общежитие, Джоанна застала там Бланш Хаггард. На носу у нее, на самом кончике, криво сидели очки, делая ее очень похожей на директрису мисс Гилби. Под просторную спортивную майку девушка затолкала толстую подушку и, стоя на тумбочке, звучным голосом вещала всей покатывающейся со смеху, восхищенной ученической публике.

– «Вы выходите из нашего счастливого школьного мира, – гнусавила зловредная девчонка, – в большой мир, полный опасностей и соблазнов. Скоро жизнь откроется перед вами со всеми своими проблемами и ответственностью...»

Джоанна смешалась с толпой девочек и во все глаза смотрела на вошедшую в раж Бланш. Восторженная публика хохотала и хлопала в ладоши.

– «А тебе, Бланш Хаггард, я скажу только одно, Дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина. Учись сдерживать свои эмоции, упражняйся в самоконтроле. Твое чересчур пылкое сердце может осложнить тебе жизнь. Лишь посредством самой строгой дисциплины ты сможешь достичь высот. У тебя большие способности, моя дорогая. Но пользуйся ими осмотрительно. У тебя много и недостатков, Бланш. Очень

много недостатков. Но все эти недостатки происходят от твоей щедрой природы, их можно исправить».

Публика вновь восторженно захлопала, восхищенная артистизмом Бланш, которая весьма похоже пародировала их директрису.

– «Жизнь, моя дорогая, это... – Тут голос Бланш поднялся до высокого фальцета, – Жизнь – это непрерывное развитие, восхождение по каменным ступеням нашего мертвого эгоизма к высшим ценностям». Это она украла у Вордсворта! «Чаще вспоминай свою школу, пиши нам и помни, что тетушка Гилби в свое время может дать тебе совет, если приложишь оплаченный конверт с твоим адресом!»

Бланш умолкла, ожидая аплодисментов. Но к ее изумлению ни аплодисментов, ни смеха она не услышала. Все замерли, словно каменные изваяния. Головы присутствующих были обращены в другую сторону где в распахнутых дверях величественно стояла сама мисс Гилби.

Наступила гробовая тишина. Наконец спокойный голос директрисы нарушил всеобщее молчание.

– Если ты, Бланш, намерена сделать театральную карьеру, то я могу порекомендовать тебе несколько превосходных школ драматического искусства, где могут как следует поставить голос и научить ораторскому искусству. У тебя, кажется, и в самом деле есть

артистический талант. Будь добра, вынь подушку из-за пазухи и положи на место.

После чего директриса важно осмотрела всю остолбеневшую публику и величественно удалилась.

– Вот так так! – растерянно пробормотала Бланш, но тут же взяла себя в руки. – Вот старая мегера! Умеет все-таки поставить себя и дать по носу!

Да, подумала Джоанна, мисс Гилби – значительная личность. Впоследствии она уволилась из «Святой Анны», как раз после того, как Эверил проучилась там первый семестр. Личность новой директрисы, к сожалению, не была столь значительна, и школа начала понемногу клониться к своему закату.

Бланш права, мисс Гилби была мегерой. Но она умела себя поставить! И в отношении Бланш она оказалась абсолютно права, теперь Джоанна понимала это очень отчетливо. Дисциплина – вот что нужно было прежде всего Бланш. Природная щедрость? Пожалуй. Но самоконтроля ей все-таки очень не хватало. Да, Бланш была щедрой. Денежки, которые ей послала Джоанна, Бланш потратила не на себя. На эти деньги она купила письменный стол для Тома Холидея. Письменный стол, оказывается, был самой нужной вещью для Бланш. Добрая душа, Бланш! И все-таки она оставила своих детей и сбежала самым бессердечным образом, бросив двух крошек, которых са-

ма же произвела на свет.

Это очень хорошо доказывает, думала Джоанна, что в жизни встречаются люди, у которых совсем отсутствует материнский инстинкт. Дети в семье должны стоять на первом месте, считала Джоанна. И она, и Родни всегда были такого мнения. Родни действительно был самым заботливым отцом, если, разумеется, его заботу направлять правильным образом. Например, однажды она сказала ему, что в его кабинете, самой солнечной и просторной комнате, надо устроить детскую. Родни тут же уступил, не сказав против ни слова, и перебрался со своими шкафами, книгами и папками в самую маленькую, полутемную комнатку с окнами, выходящими на задний двор. Конечно, у Родни для работы условия стали гораздо хуже, зато дети теперь целый день видели солнце.

Они с Родни были весьма рассудительными родителями. Потому и дети у них всегда содержались в полном порядке, особенно когда они были еще совсем маленькими. Они были такими милыми, такими забавными крошками! Они выглядели гораздо приличнее мальчиков Шерстон, например. Миссис Шерстон, наверное, никогда не задавалась таким вопросом, как выглядят ее дети. Да она сама готова была потакать их шалостям и баловству, участвуя в играх сыновей, словно их ровесница. Джоанна однажды ви-

дела, как она, вся в грязи, кралась по земле, изображая из себя краснокожего индейца, и вдруг вскочила и, завопив диким голосом, бросилась в атаку, а дети, кинулись на нее, словно сумасшедшие, и началась такая свалка, что Джоанна едва не лишилась чувств! А однажды – это Джоанна тоже видела собственными глазами – миссис Шерстон изображала из себя морского льва в цирке, пытаясь удержать в равновесии большой мяч на собственном носу. И все это при детях!

Дело в том, подумала Джоанна, что Лесли Шерстон как была маленькой девочкой, так ею и осталась, хотя дожила до солидного возраста.

Что ни говори, а у нее была совсем не сладкая жизнь. Несчастливая женщина!

Джоанна вспомнила, как однажды нос к носу, столкнулась с мистером Шерстоном. Это случилось в Сомерсете.

Она там гостила у своих друзей и даже не подозревала, что именно в этом уголке мира теперь обретается семья Шерстонов. Она встретила с Шерстоном прямо на улице, когда он выходил из местной пивной, что, впрочем, ее не удивило, так как она знала, что Шерстон всегда любил выпить.

С тех пор, как его освободили из заключения, Джоанна его еще не видела, и потому эта встреча про-

сто поразила ее, поскольку ей сразу бросилась в глаза огромная разница между тем Шерстоном, которого она знала раньше, – вальяжным управляющим процветающего банка, и тем, которого увидела перед собой. Теперь у мистера Шерстона был понурый вид, какой обычно бывает у людей, потерпевших жизненную катастрофу. Пониженные плечи, обвисшая на похудевшем теле поношенная одежда, дряблые щеки, испуганный взгляд бегущих глаз... Трудно было даже предположить, что когда-то многие люди доверяли этому человеку свои деньги, порой весьма значительные.

Он слегка испугался, увидев Джоанну, но тут же справился с собой и приветствовал ее, стараясь поддержать прежний, давно забытый вальяжный тон, который теперь производил весьма жалкое, болезненное впечатление.

– О миссис Скудамор! Действительно, мир тесен! Позвольте узнать, что привело вас сюда, в Скиптон Хайнес?

Он стоял перед Джоанной, сутуля плечи, изо всех сил стараясь придать своему голосу прежнюю сердечность и уверенность в себе. Это было жалкое зрелище, и Джоанна помимо воли от всей души пожалела его.

«Как ужасно для человека перенести такое паде-

ние! – думала она. – Наверное, это страшно – каждую минуту бояться встречи с кем-нибудь из прежней жизни, кто даже, может быть, и не захочет тебя узнавать!»

Нет, она вовсе не собиралась вести себя с мистером Шерстоном подобным образом. Напротив, она постаралась придать лицу, самое естественное выражение и выказала абсолютную доброжелательность.

– Вы обязательно должны навестить нас и повидаться с моей женой, – тем временем говорил мистер Шерстон. – Прямо сейчас. Посидим, выпьем чаю. Да, да, дорогая моя, я настаиваю!

Его слова, его ужимки показались Джоанне такой жалкой пародией на его прежнюю вальяжность, что Джоанна, хотя и через силу, но все-таки согласилась, и позволила взять себя под руку, и последовала за мистером Шерстоном, который болтал, не умолкая, всю дорогу. Забавно, подумала Джоанна, прежде за ним не замечалось привычки много говорить.

Мистер Шерстон хотел показать Джоанне свою скромную обитель, впрочем, не такую уж скромную. Его теплицы занимали довольно приличную площадь. Разумеется, все хозяйство требовало напряженного труда, чтобы выращивать овощи для рынка. Но цветники, плодовые деревья, грядки с овощами – все едва-едва содержалось в порядке, и Джоанна поневоле вздохнула, видя из рук вон плохо поставлен-

ное хозяйство.

Не переставая говорить, мистер Шерстон отпер ветхую калитку, которая давно уже нуждалась в покраске, и они зашагали по замусоренной, давно не метенной дорожке. Через несколько шагов они увидели Лесли, склонившуюся над клумбой с анемонами.

– Смотри, кого я привел! – громко воскликнул мистер Шерстон.

Лесли оторвалась от цветника, с трудом выпрямила натруженную спину и откинула волосы со лба.

– Вот это сюрприз! – удивленно сказала она, увидев Джоанну.

Джоанна сразу же заметила, как сильно постарела Лесли и какой у нее болезненный вид. Лицо ее покрыли глубокие морщины, придавая ему выражение застарелой боли и усталости. Но в общем она была как и прежде, такой же энергичной, задорной и благожелательной.

Так они и стояли втроем, посреди просторного сада, разговаривая, как вдруг хлопнула калитка и в сад вбежали дети, которые вернулись из школы. Промчавшись по садовой дорожке, они сразу же бросились к матери, ткнулись головами ей под мышки, охватили руками, крича: «Мама, мама, мама!» Выдержав неожиданный набег детей, дав им успокоиться, Лесли сказала повелительно:

– Тише! У нас гость!

И буйные мальчишки тут же превратились в двух смирных ангелов, которые чинно пожали руку миссис Скудамор и вежливо приветствовали ее самыми учтивыми словами. Джоанне припомнилась одна из ее кузин, которая занималась дрессировкой собак. По ее команде собаки садились у ног воспитателя и замирали, не шевеля хвостами, а по другой команде бросались бежать словно бешеные. Дети Лесли чем-то напоминали Джоанне этих псов.

Наконец все вместе направились в дом, где миссис Шерстон принялась готовить чай, а мальчишки ей помогали. Скоро чай был готов, и один из сыновей Лесли внес в гостиную поднос с чашками из толстого дешевого фарфора, с маслом, с булочками и с домашним вареньем. Всем было хорошо и весело. Мальчишки то и дело улыбались, поглядывая на мать.

Но самым интересным показалась Джоанне та перемена, которая произошла с мистером Шерстоном, когда он оказался в семейном кругу. Всю его приниженность, смущение и неловкость словно рукой сняло. Он вдруг превратился в главу семьи, в настоящего хозяина дома, причем в весьма радушного и щедрого. Даже его фальшивая улыбка смягчилась и превратилась в естественную улыбку доброго человека, оказавшегося среди близких и дорогих ему людей. Он

выглядел таким счастливым, таким благодушным, что Джоанна невольно залюбовалась им, хотя полчаса назад смотрела на него с нескрываемой жалостью и сдержанным презрением. Оказавшись в стенах своего дома, мистер Шерстон словно попал в иной мир, где ничего не знали о его злоключениях и не хотели знать. Мальчики тем временем стали донимать отца просьбами помочь в каком-то плотницком деле, которое они затеяли еще на прошлой неделе, но до сих пор не могли справиться без помощи отца. Лесли ласково поворчала, что Чарльз забыл починить ей мотыгу, о чем обещал еще вчера, и что им завтра обязательно надо вместе заняться составлением букетов из распутившихся анемонов, чтобы во вторник утром отвезти их на рынок.

Джоанна с изумлением сказала себе, что таким мистера Шерстона она никогда не видела. Теперь она наконец поняла, теперь она почувствовала, как Лесли Шерстон предана своему мужу. А ведь и вправду подумала Джоанна, мистер Шерстон иногда бывает очень привлекательным мужчиной!

Но спустя буквально минуту или две она пережила настоящее потрясение. Петер, один из сыновей мистера Шерстона, вдруг возбужденно воскликнул:

– Папа, расскажи нам, пожалуйста, эту свою забавную историю о тюремном надзирателе и сливовом пу-

динге!

Лицо мистера Шерстона застыло, он пустыми глазами посмотрел на мальчика.

– Ты же нам рассказывал! – не замечая растерянности своего отца, восторженно вопил мальчонка. – Пусть послушает и миссис Скудамор. Ей будет очень интересно! Как один надзиратель говорит другому надзирателю, а тот ему отвечает...

Мистер Шерстон в глубочайшем смущении взглянул на Джоанну.

– Чарльз, расскажи, мы все тебя просим! – вмешалась миссис Шерстон. – Это в самом деле весьма забавная история. Миссис Скудамор с удовольствием послушает ее.

С недоумением посмотрев на жену, мистер Шерстон все же начал рассказывать свою тюремную историю. Она в самом деле оказалась очень забавная, хотя и не настолько, насколько можно было ожидать, глядя на смеющихся ото всей души, хватающихся за животы мальчишек. Джоанна тоже улыбнулась один или два раза, но скорее из вежливости, потому что, по правде говоря, она была просто шокирована рассказом мистера Шерстона. Позднее, когда Лесли поднялась, чтобы проводить ее, Джоанна остановилась на лестнице и обернулась к хозяйке дома.

– Я не могла себе представить... – негромко сказа-

ла она на ухо миссис Шерстон. – Выходит, дети все знают?

Лесли тоже остановилась и с недоумением посмотрела на Джоанну. «Неужели она такая толстокожая?» – подумала Джоанна, встретив ее непонимающий взгляд.

– Все равно они когда-то узнали бы, – ответила Лесли. – Разве не так? Пусть уж лучше узнают все сразу. Так проще.

– Да, так проще. Но мудрее ли? – возразила Джоанна. – Ранимая душа ребенка может при этом получить неизлечимую травму, от которой пострадают идеальные представления о жизни, так необходимые в юном возрасте!

Лесли хмуро ответила, что ее парни не такие уж идеалисты и недотроги, какими кажутся. Гораздо хуже было бы, сказала Лесли, если бы она скрыла от них, а потом они узнали бы обо всем из чужих уст, которые всегда готовы прибавить то, чего не было.

Лесли махнула рукой в замысловатом жесте и добавила:

– Все эти тайны, все шепотки за спиной... Нет, это гораздо хуже, чем открыто услышать и пережить один раз. Когда они в первый раз спросили меня, куда ушел их папа, я решила, что лучше сразу рассказать им все как есть. Я так и сделала. Рассказала, что он украл

деньги из банка и за это его посадили в тюрьму. В конце концов, теперь они знают, что такое воровство и что за него бывает. Между прочим, наш Петер тоже привыкал потихонечку таскать варенье из погреба и брать с собой, когда ложился спать. Если бы его привычка развилась, то, став уже взрослым, рано или поздно попал бы в тюрьму. Это же совершенно очевидно!

– Все равно! Как так можно позволять ребенку смотреть на родителей сверху вниз, тогда как они должны смотреть на них снизу вверх? – недоумевала Джоанна.

– Да они вовсе не смотрят на него свысока! С чего ты взяла, Джоанна? – удивилась Лесли. – На самом деле они просто очень жалеют его, хотя в то же время очень любят послушать его рассказы о тюремной жизни.

– Все равно, я уверена, что так обходиться с детьми не хорошо. – поджала губы Джоанна.

– Ты в самом деле так думаешь? – спросила Лесли, внимательно посмотрев на Джоанну. Немного помедлив, она продолжала: – Нет, не может быть. Ты не такая ханжа, как хочешь показаться. Хотя, может быть, ты отчасти права, в самом деле в этом нет ничего хорошего. Но для Чарльза так лучше. Если бы ты видела, каким он вернулся оттуда! Он возвратил-

ся такой поникший, такой униженный, как побитая собака! Я просто не могла этого вынести! И я подумала, что помочь ему удастся лишь одним способом – воспринимать все, что произошло, насколько можно естественно. В конце концов, нельзя же человеку смириться с тем, что трех лет его жизни, пускай и очень печальных и тяжелых, не было совсем! Уж лучше, я считаю, принять все как есть и отнестись к этому спокойно.

Да, такова Лесли Шерстон, с жалостью подумала Джоанна, небрежная и расхлябанная, даже не имеющая представления о тонких оттенках чувств! Бесхребетная натура, которая всегда выбирает путь наименьшего сопротивления.

И все-таки Джоанна отдавала должное Лесли Шерстон: она оказалась по-настоящему верным другом своему мужу.

– А знаешь, Лесли, я в самом деле считаю, что ты поступила совершенно правильно! – вдруг с чувством сказала Джоанна. – Ты верно сделала, что не пожалела усилий и упорно трудилась, чтобы дела, шли хорошо, пока Чарльз... Пока его не было дома. И Родни, и я сама – мы часто вспоминали о тебе.

Лицо Лесли осветилось грустной улыбкой. Прежде Джоанна не замечала у Лесли такой унылой улыбки. Наверное, похвала Джоанны смутила бедную женщи-

ну.

– Родни тоже... Он тоже вспоминал обо мне? – сдавленным голосом произнесла Лесли. – Как он поживает?

– Очень занят, бедненький! Он так много работает, – вздохнула Джоанна. – Я каждый раз повторяю ему, чтобы он брал время от времени день для отдыха.

– Наверное, это не так легко, – сказала Лесли. – В его деле, как и в моем, чтобы заработать хоть что-нибудь, надо трудиться не покладая рук целый день. Не так уж просто выделить среди недели свободный день, чтобы как следует отдохнуть.

– Совершенно верно! – с радостью закивала Джоанна – Именно так, должна тебе сказать. Родни такой добросовестный работник!

– Да, надо работать целыми днями напролет, – повторила Лесли.

Она медленно подошла к окну и остановилась, устремив глаза вдаль, над вершинами яблонь в саду.

Что-то в фигуре Лесли показалось Джоанне необычным. Лесли всегда выбирала себе просторные платья, но даже и в таком платье...

– Боже мой, Лесли! – воскликнула удивленная до крайности Джоанна. – Да ты никак...

Лесли обернулась, посмотрела долгим взглядом в

глаза другой женщины и медленно кивнула.

– Да, – тихо произнесла она. – Думаю, в августе буду...

– Ох, моя дорогая!..

Джоанна не находила слов. Она вдруг очень расстроилась, сама не зная почему.

И тут Лесли разразилась страстной речью. Это было так неожиданно, что Джоанна даже растерялась. Теперь перед Джоанной стояла совсем другая женщина. От былой апатичности не осталось и следа. Она напоминала Джоанне обвиняемого, который с отчаянием и страстью ведет перед судом свою защиту.

– Чарльз так переменялся, когда узнал о ребенке! Совершенно переменялся! Ты понимаешь? Я не могу передать, как он обрадовался. Для него это стало своего рода символом того, что он – не какой-нибудь отверженный, которого чуждаются нормальные люди, а такой же человек, как и все остальные. Он понял, что все вокруг то же самое, как и прежде. Он даже попытался бросить пить, когда узнал о ребенке.

Голос Лесли звучал так страстно, так убедительно, что Джоанна не сразу постигла смысл последней фразы.

– Конечно, тебе лучше знать, – наконец проговорила она, – но я думаю, ты поступаешь неразумно. По крайней мере в настоящее время младенец тебе со-

всем ни к чему.

– Ты имеешь в виду наши финансовые затруднения? – улыбнулась Лесли. – Да, все верно. В этом отношении время для ребенка не самое лучшее. Но, в любом случае, наши грядки пока способны нас прокормить.

– Но ты же совсем больная! – воскликнула Джоанна. – Посмотри на себя, на кого ты похожа!

– Больная? – переспросила Лесли, на губах ее застыла холодная усмешка. – Да ты еще не знаешь, сколько во мне здоровья! Моя болезнь так просто меня не убьет! Я еще поживу!

Неожиданно Лесли вздрогнула, словно перед ее мысленным взором встала картина недалекого будущего. Что болезнь в конце концов победит ее, она не сомневалась.

Когда они уже спускались по ступеням высокого крыльца на садовую дорожку, мистер Шерстон вызвался проводить миссис Скудамор до перекрестка и показать ей короткую дорогу через поле. Выйдя за калитку, Джоанна оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на Лесли. На лужайке у дома со смехом и криками бегали мальчишки, затеявая какую-то игру. Лесли носилась с ними вместе, словно маленькая девочка, увлеченная забавой со сверстниками. Джоанна неодобрительно покачала головой и отвернулась, пе-

реключая внимание на то, что не переставая говорил у нее над ухом мистер Шерстон.

Мистер Шерстон тем временем бессвязно и с горячностью доказывал Джоанне, что другой женщины, подобной его жене, нет в целом свете, не было и не будет.

– Вы даже не представляете себе, миссис Скудмор, как много она для меня сделала! Не представляете! Да и никто этого не поймет! Раньше я просто не ценил ее. Я даже не считал...

Джоанна искоса взглянула на него и с удивлением, и даже с некоторым страхом увидела, как по его щекам текут слезы. Раньше Джоанна не замечала за мистером Шерстоном слезливости.

– Всегда ровная, всегда невозмутимая, ласковая, чуткая... Она умеет удивляться самым простым вещам! Она во всем умеет найти интересную сторону, повод для удивления. С тех пор, как я вернулся из... сами знаете откуда, я не слышал от нее ни слова упрёка! Ни слова! Но я вознагражу ее за это! Я клянусь вам, что я за это вознагражу ее.

Джоанне пришло в голову, что хорошо бы, если бы мистер Шерстон пореже заглядывал в «Якорь и колокол», в эту жалкую пивную, – это стало бы лучшей наградой для Лесли. Джоанна едва удержалась от желания высказать эту мысль своему спутнику.

Прощаясь с мистером Шерстоном, Джоанна сказала ему, что, конечно же, прекрасно понимая, какой клад – его жена, что мистер Шерстон говорит истинную правду, перечисляя достоинства миссис Шерстон, и что она была очень рада повидаться с ними обоими. Она зашагала через поле по дорожке, указанной мистером Шерстоном. Дойдя до изгороди, разделяющей поля, она оглянулась. Мистер Шерстон уже стоял у дверей пивной «Якорь и колокол», нетерпеливо поглядывая на часы, очевидно, в ожидании, когда откроется заведение.

Вернувшись домой, она рассказала Родни о нечаянной встрече с Шерстонами.

– В общем, смотреть на них мне было очень грустно, – завершила Джоанна свой рассказ.

Родни многозначительно взглянул на Джоанну.

– Мне послышалось, ты сказала, что они очень счастливы друг с другом. Или я ошибаюсь?

– В каком-то смысле – да. Но вид у них весьма жалкий!

Родни сказал, что, к его удивлению, Лесли Шерстон сумела добиться значительного успеха в столь безнадежном положении, в каком она оказалась после осуждения мужа.

– Да, Родни, ты, безусловно, прав. Она так отважно боролась с судьбой, что кажется, надорвала себя. Но

ты только подумай: она собирается рожать ребенка!

Услышав слова Джоанны, Родни встал, медленно подошел к окну. Заложив руки за спину, он стоял и смотрел вдаль, точно так же, как час назад стояла у себя в гостиной Лесли. Теперь Джоанна очень хорошо видела сходство между ними.

– Когда? – тихо спросил Родни после долгого молчания.

– В августе, – ответила Джоанна. – Я уверена, она собирается сделать очень большую глупость.

– Ты так считаешь? – мрачно спросил Родни.

– Дорогой мой, ты только подумай! Того, что они зарабатывают, им едва хватает на жизнь! Маленький ребенок еще сильнее усложнит их существование.

– Ничего, – тихо, но с уверенностью произнес Родни. – У Лесли плечи широкие, она справится.

– Это так, но если она возьмет на себя ещё одну обузу, то, боюсь, она не выдержит. Сегодня она выглядела такой больной, такой усталой!

– Она выглядела больной, когда уезжала из города, – глухо проронил Родни. – Уж это я помню очень хорошо.

– Если бы ты видел, какая она сейчас! Она так постарела! Это лишь сказать легко, что все передряги совершенно изменили Чарльза Шерстона.

– Это она так сказала? – словно зачарованный,

спросил Родни.

– Да. Она уверяла меня, что Чарльз переменился самым решительным образом.

– Вполне возможно, что так и есть на самом деле, – задумчиво произнес Родни. – Шерстон, мне кажется, из тех людей, которые полностью живут любовью и уважением близких им людей. Когда суд вынес свой вердикт, он весь осел, сморщился словно проткнутая шина. У него был такой жалкий и в то же время такой отвратительный вид! Я бы сказал, что для Шерстона единственная надежда заключается в том, чтобы каким-то образом иным способом вернуть прежнее самоуважение. А этого можно достичь лишь усердным и тяжким трудом.

– Поэтому я и думаю, что еще один ребенок в такие трудные времена им вовсе ни к чему...

Родни резко повернулся, и слова замерли на губах у Джоанны, когда она увидела искаженное гневом, побелевшее лицо мужа.

– Она его жена, ты понимаешь? – с тяжестью в голосе медленно проговорил Родни. – У нее только два выхода: бросить его, забрать детей и уехать – или остаться с ним навсегда и всем чертям назло быть ему настоящей женой! Что она, собственно, и выбрала. Лесли никогда не останавливалась на половине дороги и всегда доводила дело до конца.

Джоанна пристально посмотрела на мужа и спросила, что его так взволновало?

– Ничего! – неожиданно быстро успокоившись, со вздохом ответил Родни, но тут же добавил, что очень устал от этого благоразумного, осторожного мира, который знает всему цену, который десять раз высчитает, прежде чем что-то сделать, который ни за что не станет рисковать!

Джоанна холодно выслушала его объяснение и посоветовала не говорить ничего подобного своим клиентам. Родни горько улыбнулся, вздохнул и сказал, что всегда советует клиентам не доводить свои дела до суда!

Глава 7

Совершенно естественно, что в эту ночь ей приснилась мисс Гилби. Мисс Гилби, в пробковом шлеме, шла рядом с нею по пустыне и назидательным тоном вещала истины.

– Ты должна уделять больше внимания ящерицам, Джоанна! Ты плохо знаешь естественную историю.

– Да, мисс Гилби, – отвечала ей Джоанна.

– Только не притворяйся, пожалуйста, что не понимаешь, о чем я говорю, Джоанна. Ты все понимаешь очень хорошо. Я говорю о дисциплине, и еще раз о дисциплине, моя дорогая!

Джоанна проснулась, но еще несколько минут не могла отделаться от ощущения, что она находится в школе «Святой Анны». Наконец она осознала, что окружающая обстановка совсем не походит на школьное общежитие. Пустота, железные кровати, гигиенически голые стены...

«Ох, дорогая моя», горько подумала о себе Джоанна, вспомнив былые школьные дни.

Джоанна встала с постели, оделась, остановилась у окна. О чем ей во сне говорила мисс Гилби? О дисциплине? Да, о дисциплине.

В этом что-то есть. Все-таки с ее стороны было

большой глупостью позволить себе думать о чем попало. Надо обязательно навести порядок в своих мыслях! Надо систематизировать мысли и особенно тщательно разобраться с идеей о ее агорафобии.

Впрочем, теперь она чувствовала себя вполне хорошо. По крайней мере, здесь, внутри здания. Может быть, имеет смысл вообще прекратить прогулки на улице? Но ее сердце тоскливо заныло, в предвидении такой перспективы. Сидеть целыми днями в полутьме, дыша запахом прогорклого бараньего жира и парафина... Дни напролет без всякого занятия, без какой-либо, пускай даже самой глупой, книжки?

А чем, интересно, развлекают себя заключенные в тюремных камерах? Наверняка у них есть какое-нибудь занятие, например, шьют почтовые сумки или что-нибудь еще вроде этого. Но, с другой стороны, подумала она, от такой жизни они, наверное, сходят с ума.

Но так, вероятно, случается лишь с осужденными на одиночное заключение. Там-то уж наверняка, эти несчастные скоро сходят с ума.

Одиночное заключение: день за днем, неделя за неделей...

Подумать только! Она сидит здесь всего два дня, а ощущает себя так, словно пробыла здесь несколько недель! Как все-таки это много – два дня!

Два дня! Невероятно! Как там у Омара Хайяма?

Вчера я прожил десять тысяч лет...

Что-то вроде этого. А дальше? Нет, не вспоминается. Почему она не может хоть что-нибудь запомнить как следует и до конца? Может быть, что-либо почитать вслух? Нет-нет, лучше не надо! Она уже убедилась; если вспоминать и читать вслух стихи, то ничем хорошим это не кончается. Да, вот именно, ничем хорошим! Дело в том, что с поэзией каким-то страшным образом связаны почти все неприятные воспоминания. То есть, не напрямую, а косвенно. Начнешь вспоминать приятные поэтические строчки, а потом незаметно перейдешь к неприятным воспоминаниям. Это уже проверено. В настоящей поэзии есть что-то такое, что непонятным образом расстраивает нервную систему, заставляет переживать. Да, в любых хороших стихах есть какая-то тревожная острота, которая действует на душу.

Так о чем она только сейчас думала? Перед поэзией... Да, о духовном. Конечно, о духовном думать гораздо приятнее, нежели о материальном, о простом, житейском. А она всегда считала себя высокодуховной личностью.

Неожиданно в голове у Джоанны прозвучали слова:

Всегда как рыба холодна...

Почему все-таки голос Бланш врывается в ее мысли? В высшей степени вульгарное и непрошеное замечание! Как сама Бланш. Такие строки больше всего нравятся людям, которые, как и сама Бланш, любят актерствовать и, как говорится, рвать страсть в клочки. Нет, в самом деле, глупо винить Бланш за неотесанность – такова ее натура. Хотя прежде, когда она была школьницей, это свойство ее характера было не так заметно, потому что она все-таки была хорошенькой и воспитанной девочкой. Но грубость всегда пряталась у нее под хорошими манерами.

«Как рыба холодна»! Ничего подобного!

Для Бланш было бы гораздо лучше, если бы она сама со своим суматошным характером была немножечко ближе к холоднокровной рыбе! Именно горячий темперамент Бланш и виноват в том, что она прожила такую жалкую жизнь.

Да, вот именно, исключительно жалкую!

Как это она выразилась? «Человек всегда волен подумать о своих собственных грехах».

Бедняжка Бланш! Она все-таки признала, что это занятие не отнимет много времени у Джоанны. Значит, она прекрасно понимала разницу между собою и Джоанной. Наверное, она подумала, что Джоанне быстро надоест выслушивать ее комплименты и бла-

гословения. Секрет, скорее всего, заключается в том, что все благословения всегда произносятся с задней мыслью о вознаграждении! А что она такое сказала потом? Кажется, что-то очень занятное...

Ах, да! Она поинтересовалась, что произойдет, если человек не будет ничем заниматься и лишь только день за днем станет думать о себе, то что он откроет в себе?

Мысль интересная в некотором отношении.

Да, действительно, очень интересная мысль.

Но только Бланш сказала, что она сама даже не хочет и пытаться. Впрочем, она выразилась иначе. «Божь», – сказала она.

«Интересно, – подумала Джоанна, – а может ли в самом деле человек открыть в себе что-то новое?»

Она никогда не относилась к женщинам эгоцентричного типа.

«Любопытно, а как я выгляжу в глазах других людей? Я имею ввиду не в общем, а в частности».

Она попыталась вспомнить случаи, когда о ней что-либо говорили разные люди.

Например, Барбара сказала однажды:

– Ох, мамочка у тебя слуги всегда само совершенство! Ты умеешь их вышколить.

Своеобразная дань уважения, которая явно демонстрирует, что дети признают ее незаурядные способ-

ности в деле управления домом. И это действительно так: она умеет очень хорошо и экономно вести домашнее хозяйство. И слуги любят ее, во всяком случае, они делают то, что она им приказывает. Правда, они не очень любят, когда у нее болит голова или плохое настроение, но в таких случаях она тут же пресекает их попытки диктовать свои условия. Однажды ее кухарка (кстати, очень хорошая повариха!) в ответ на замечание Джоанны сказала, что больше не будет ничего готовить без одобрения самой хозяйки. Как забавно!

– Вы всегда ворчите, мэм, если что-то не так, и никогда не похвалите, если все в порядке. Не очень-то приятно получается, мэм...

– Я полагаю, ты и сама прекрасно понимаешь, что, если тебе ничего не говорят, значит, все в порядке, – холодно отрезала Джоанна.

– Может быть, и так, мэм, но все равно неприятно, – уныло возразила кухарка. – В конце концов, я тоже человек, Я с таким трудом приготовила испанское рагу, которое вы заказывали, потому что это очень сложное блюдо, а вы меня даже не похвалили. А я ведь не такой искусный кулинар, чтобы самой выдумывать новые блюда.

– Рагу получилось на славу. Успокойся. Я ничего не сказала тебе, потому что блюдо было очень вкусное.

– Да, мэм, я так и поняла, потому что вы съели все, до последней крошки. А мне ничего даже не сказали. Даже не похвалили!

– Подумай сама, что за чушь ты несешь! – повысила голос Джоанна. Разговор с занудливой кухаркой начинал ее раздражать. – В конце концов, я наняла тебя именно для того, чтобы ты готовила мне вкусные блюда! Причем наняла за очень хорошее жалование...

– Да, мэм, жалование очень хорошее. Грех жаловаться на ваше жалование...

– ...поэтому ты и сама должна понимать, что ты очень хороший повар. Если же мне что-нибудь не нравится, я обязательно тебе указываю. Разве не так?

– Действительно, это так, мэм.

– Получается, что тебя не устраивает такое положение дел?

– Нет, мэм, это не так. Но я думаю, что нам лучше прекратить этот разговор, а что касается меня, то я доработаю до конца месяца и уйду от вас...

Да, со слугами всегда бывали неприятности, подумала Джоанна. Они порой становятся такие чувствительные, такие ранимые! Черт бы их побрал! Впрочем, кого-кого, а уж Родни они просто обожали. Но не потому, что он с особенной душевностью относился к ним. Просто они все женщины, а он мужчина. Да,

для Родни они готовы расшибиться в лепешку! И он тоже частенько влезал в их дела, которыми интересоваться хозяевам приличного дома просто не принято. Сколько раз она делала ему замечание: «Родни, ты портишь слуг таким отношением!»

Однажды дошло даже до смешного. Родни ни с того ни с сего вдруг заявил ей:

– Ты напрасно придираешься к Эдне. Она сегодня не в настроении, потому что ее парень ушел к другой девушке, и это выбило Эдну из колеи. Потому она и забыла посолить салат. У нее сегодня все просто валится из рук, и она все забывает.

– А ты-то откуда это знаешь, Родни? – подозрительно спросила она.

– Она все рассказала мне сегодня утром.

– Интересно! – в изумлении протянула Джоанна. – С чего это она решила поделиться с тобой своими сердечными делами?

– Я сам спросил ее, что у нее стряслось. Я заметил, что у девушки красные глаза, как будто она плакала всю ночь.

Да, подумала Джоанна, Родни всегда был очень добрым и отзывчивым человеком. Однажды она сказала ему:

– Ты так долго проработал адвокатом, Родни. Тебе, наверное, порядком надоела вся эта человеческая су-

ета и неразбериха?

– Да, любой другой на моем месте считал бы именно так, – задумчиво ответил Родни. – Но лично я отношусь к человеческой, как ты говоришь, «суете» по-иному. Я полагаю, деревенские адвокаты видят гораздо больше неприглядных сторон в человеческих отношениях, чем кто-либо другой, не считая, разумеется, докторов. Но все эти неприглядные картины лишь сильнее возбуждают во мне жалость к человеческому существу, ранимому, легко поддающемуся страху, алчности или злобе, которое, тем не менее, неожиданно бывает иногда жертвенным и храбрым. И это, поверь мне, есть высшая награда для адвоката – вдруг увидеть в человеке лучшие стороны его природы. И тогда он кажется тебе очень симпатичным.

На языке у Джоанны вертелись каверзные слова: «Награда? Что ты имеешь в виду?» Но она почему-то удержалась и ничего не сказала. Лучше ничего не говорить, подумала она. Да, лучше ничего не говорить.

Но иногда она расстраивалась, видя, во что выливается присущая Родни любовь к людям.

Например, та история с закладной Ходдесдона.

Она услышала про закладную вовсе не от Родни, а от жены племянника мистера Ходдесдона, глупой болтливой женщины. В тот день Джоанна вернулась домой крайне расстроенная.

– Это правда, что ты отдал в ссуду деньги из своего личного капитала? – спросила она у Родни.

Муж с досадой посмотрел на нее.

– Кто тебе сказал?

Она рассказала ему, от кого услышала эту новость.

– Неужели этот дрянной старикашка не мог взять ссуду обычным порядком? – с негодованием спросила она.

– Понимаешь, Джоанна, осторожность не всегда предпочтительна с деловой точки зрения. В наши дни очень трудно получить ссуду под закладную на землевладение.

– Тогда зачем ты дал деньги под эту закладную, ответь мне ради Бога! – воскликнула Джоанна.

– Думаю, я поступил правильно, – с жаром ответил Родни. – Ходдесдон, конечно, очень хороший фермер. Но ему помешал недостаток средств да один за другим, два неурожайных года.

– И все-таки факт, что сейчас у него очень плохи дела и ему срочно нужны деньги. Я в самом деле считаю, что ты заключил весьма невыгодную сделку, Родни.

И тут совершенно неожиданно Родни потерял терпение.

Да понимает ли она абсолютно очевидную вещь, резко спросил, почти выкрикнул он, что сейчас почти

все фермеры в стране находятся в бедственном положении? Да понимает ли она, какие препятствия ставит, какие трудности приносит фермерскому бизнесу близорукая аграрная политика правительства? Родни стоял перед женой, изливая на нее поток подробнейших сведений о сельскохозяйственной позиции Англии, переходя от общей картины к горячему, сочувственному описанию бед и невзгод, постигших старицу Ходдесдона.

– Такое может случиться с каждым, пойми, Джоанна! Ты не представляешь себе, как упорно он трудился, как разумно он вел хозяйство! Со мной могло случиться то же самое, будь я на его месте. Ему с самого начала не хватало капитала, да и теперь он нуждается в средствах. Но, как бы то ни было, и что бы я тебе ни говорил, это не твое дело, Джоанна. Ведь я не вмешиваюсь в твои дела, не мешаю тебе управлять домом и воспитывать детей. Это твои дела. А ссуды и зкладные – мои дела.

Джоанна была уязвлена – уязвлена в самое сердце. Он ей такого наговорил! Да еще таким тоном! Нет, на Родни это не похоже. Возмущение горело у нее в груди. Она чувствовала, что еще немного – и разгорится настоящая семейная свара.

И все это из-за старого недотепы Ходдесдона, который не может толком управиться со своей фермой!

Родни просто околдован этим глупым стариком. Чуть ли не каждое воскресенье он проводил на ферме у Ходдесдона и возвращался, переполненный новыми сведениями о правильном содержании скота, о породах и о прочих совершенно неинтересных нормальному человеку предметах.

Мало того, Родни взял привычку терзать беседами на все эти темы и своих гостей!

Джоанна вспомнила как однажды в воскресенье, когда они всей компанией собрались в парке у теннисных кортов, Джоанна заметила Родни и миссис Шерстон, которые сидели рядом на парковой скамейке, и Родни с увлечением что-то рассказывал ей, и все говорил, говорил, размахивая руками. Он говорил так долго и с таким увлечением, что Джоанне стало интересно, что же такое может заинтересовать миссис Шерстон? Она поднялась и приблизилась к ним. Родни в самом деле так увлекся, что не заметил, как она подошла. Да и Лесли Шерстон слушала его с таким глубоким вниманием, с таким напряженным интересом, что ничего не замечала вокруг.

Оказалось, Родни беседует с ней о правильном содержании скота и о необходимости поддерживать чистоту породы в масштабах всей страны.

Вряд ли подобный предмет очень сильно интересовал Лесли Шерстон, у которой наверняка не было

ни специальных знаний по этому вопросу, ни действительно глубокого интереса к такого рода знаниям. И все-таки она слушала Родни с глубочайшим увлечением, взгляд ее был прикован к раскрасневшемуся от возбуждения, оживленному лицу Родни.

– Родни, голубчик, напрасно ты мучаешь миссис Шерстон всей своей белибердой, – приблизившись вплотную, сказала Джоанна. – Ей это совсем не интересно.

Все это происходило сразу после того, как Шерстоны перебрались в Крайминстер, и семьи еще не были близко знакомы.

Стоило Родни заметить жену, как оживление тут же потухло у него в глазах, и он, потускнев, скучным голосом извинился перед Лесли.

– Прошу прощения, миссис Шерстон. Вам, наверное, в самом деле все это не очень интересно.

Но Лесли Шерстон вдруг с горячностью возразила, что, напротив, более интересного собеседника она еще не встречала.

– Вы совершенно неправы, миссис Скудамор! – воскликнула она. – Мистер Скудамор сейчас мне рассказывал очень интересные вещи!

В глазах у миссис Шерстон горел огонь воодушевления, и Джоанна в ту минуту подумала: «В самом деле, у этой женщины должен быть очень яркий,

очень горячий темперамент, если такие прозаические и скучные предметы способны привести ее в столь крайнее возбуждение!»

Но дальше произошло то, о чем Джоанна хотела бы забыть навсегда. К ним развязной походкой подошла эта молоденькая дрянь Мирна Рэндольф, села на корточки перед креслом, в котором сидел Родни, чуть ли не самым носом ткнулась ему в подбородок и повисла у него на плече.

– Родни, милый, ты непременно должен сыграть со мной в паре хотя бы один сет! Мы ждем тебя!

И с той восхитительно-бесстыдной манерой, которую могут позволить себе лишь очень красивые девушки, она взяла его за обе руки, заставила подняться на ноги и, нахально улыбаясь ему прямо в лицо, чуть ли не силком потащила его на корт! Она даже не спросила его, хочет он играть с нею в паре или нет!

Она шла рядом с ним своей развязной походкой, фамильярно обняв его рукой, повернув к нему свою маленькую безмозглую головку, пожирая его глазами.

Джоанна тогда почувствовала, как ее захлестывает неудержимая волна гнева. «Очень хорошо, голубушка! – с яростью подумала Джоанна. – Но учти, мужчины не очень любят тех девушек, которые сами навязываются им».

И вдруг ее словно холодной водой окатила мысль:

«Да неужели после этого вообще можно говорить о способности мужчин любить искренне?»

Но Джоанна немедленно взяла себя в руки и осторожно посмотрела на миссис Шерстон, ожидая встретить издевательский взгляд, взгляд насмешки и понимания скрытого смысла всего происшедшего. Лесли Шерстон смотрела в другую сторону, делая вид, что ничего не заметила. Но Джоанна почувствовала в ней легкое напряжение. Вот Лесли повернула голову, взглянула на Джоанну, и в глазах у нее появилось искреннее сострадание: она от души жалела Джоанну и даже не думала смеяться над нею. Однако, в понимании Джоанны, сама эта жалость уже была нестерпимой!..

Джоанна заворочалась на узкой гостиничной кровати. Вот и опять ее мысли вернулись к Мирне Рэндольф! Интересно, а какое впечатление она сама производит на других людей? Мирна, скорее всего, ненавидит ее. Ради Бога, она вольна думать о жене человека, которого хочет соблазнить, все, что ей заблагорассудится! А что еще может чувствовать такая особа, которая только и мечтает о том, как бы разбить чужое семейное счастье!

Нет, не стоит думать об этой дряни сейчас и попусту терзать себя неприятными воспоминаниями.

Наверное, уже пора встать и попросить завтрак.

Может быть, для разнообразия в этой гостинице ее угостят хоть один раз яйцами, сваренными всмятку? Ей так надоели эти пережаренные, словно подошвы, омлеты!

Индус, однако, оказался совершенно неспособным понять, что такое яйца всмятку.

– Положить яйца в воду? Вы имеете в виду в кипяток?

Нет, пояснила Джоанна, вовсе не в кипяток. Вареные яйца в этой гостинице, как она уже успела убедиться, это яйца вкрутую. Она долго и безуспешно пыталась объяснить индусу искусство варки яиц всмятку, но тот так ничего и не понял. Индус лишь качал головой и с недоверием поглядывал на Джоанну.

– Если положить яйца в холодную воду и греть... Нет, мэмсахиб, тогда эти яйца останетса только выбросить! – категорически заявлял он. – Если мэмсахиб угодно, я распоряджусь поджарить яйца. Будет очень вкусно!

Дело кончилось тем, что перед Джоанной действительно поставляли на завтрак «очень вкусные» жареные яйца, с прожженным до хруста белком по краям и твердым, как дерево, желтком в середине. В общем, она сделала вывод, что омлет в этой гостинице предпочтительнее всего.

Завтрак прошел довольно скоро. Джоанна поинте-

ресовалась, нет ли новостей о поезде, но новостей не было.

Итак, ей предстояло провести еще один, абсолютно ничем не занятый день.

Но сегодня, во всяком случае, она могла заранее распланировать свой день. Все сложности заключались в том, что до сего времени она лишь просто пыталась провести время.

Кто она есть? Обыкновенная пассажирка, волею случая застрявшая на промежуточной станции и ожидающая поезда. Естественно, такое состояние ничего не может принести человеку, кроме траты нервной энергии и сумбура в мыслях.

Надо внушить себе, что она вовсе не пассажир, изнывающий в ожидании поезда, а, например, ничем не обремененная путешественница, решившая во время пути сделать остановку на несколько дней для отдыха и успокоения нервов. Странно лишь, что она выбрала для своего отдыха этот заброшенный, забытый Богом и людьми уголок Азии. Впрочем, где же и отдохнуть от человеческой суеты и неразберихи, как не в безлюдье? Прежде всего она должна вспомнить о дисциплине. Да, именно о дисциплине! Пусть ее вынужденное ожидание будет чем-то вроде отшельничества. Кажется, так у католиков называется уединение? Монахи уходили в отшельничество для духовно-

го обновления и возрождения.

«Почему бы и мне тоже не обновиться духовно?» – подумала Джоанна.

В последние годы ее жизнь была просто переполнена суетой и неразберихой. Возможно, она слишком легко жила, а это нехорошо.

Джоанна словно почувствовала, как дух мисс Гилби возник рядом, повторяя хорошо знакомые слова, доходившие темой фагота в ее последнем концерте-напутствии.

«Дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина!»

Впрочем, это мисс Гилби говорила Бланш Хаггард. Джоанне она говорила кое-что другое.

«Никогда не будь самодовольной, Джоанна!»

Не очень приятное напутствие. Джоанна и так никогда не была довольна собой до конца.

«Больше думай о других, моя дорогая, и поменьше о себе».

Помилуйте, да она всю свою жизнь только тем и занимается, что думает о других! Разве она когда-нибудь думала о себе? Или, по крайней мере, делала это в первую очередь? Никогда! Только о других! Она никогда не была эгоистичной. Она всю жизнь заботилась об окружающих, о муже, о детях...

Эверил!

Почему вдруг ее мысли вновь обратились к Эве-

рил?

Лицо старшей дочери отчетливо встало в воображении Джоанны, чистое правильное лицо со спокойной, чуть презрительной улыбкой.

Эверил, теперь Джоанна в этом не сомневалась, никогда не понимала ее до конца.

Иногда она говорила такие вещи!.. Саркастические, язвительные, порой даже отвратительные, гадкие. Не то чтобы явную грубость, но...

Но что?

А этот неизменно удивленный взгляд, почти возмущенный, поднятые брови... А как дочь выходит из комнаты, когда ее заставляют замолчать, прекратить говорить гадости.

Разумеется, Эверил любила ее. Все дети любили ее...

А любили ли они ее в самом деле?

Любили ли они ее, заботились ли о ней?

Джоанна от волнения даже села в постели, затем снова легла.

Откуда к ней приходят все эти будоражающие мысли? Почему она все время в своих мыслях возвращается к детям? Что заставляет ее думать о них? Все эти неприятные мысли, даже пугающие порой... Надо выбросить их прочь из головы. Надо постараться вообще не думать.

И снова в ушах у нее зазвучал пиццикато голос мисс Гилби:

«Не ленись думать, Джоанна! Не принимай вещи таковыми, как они выглядят на первый взгляд, потому что это самый легкий путь, который может доставить тебе сильную боль...»

Может быть, она подсознательно возвращается к этим воспоминаниям, к этим мыслям снова и снова? Чтобы охранить себя от более сильного страдания, как говорила мисс Гилби?

Но сами эти мысли уже приносят страдания...

Эверил...

Любила ли ее Эверил? Да что любила – хотя бы уважала ли она свою мать? Этот вопрос вдруг встал перед Джоанной во всей своей голой простоте и прямоте.

Ну что ж, факт неоспоримый: Эверил всегда была необыкновенной девочкой – спокойной, даже холодной, внешне совершенно бесчувственной.

Впрочем, нет. В бесчувственности ее обвинить нельзя. В самом деле, из всех детей одна лишь Эверил доставляла им с Родни мало беспокойства.

Спокойная, послушная, прилежная Эверил... Какой удар она, тем не менее, нанесла своим родителям! Какое потрясение они пережили из-за нее!

Какое потрясение!

Однажды Джоанна вынула из почтового ящика конверт с неразборчивым адресом. Она вскрыла письмо, даже не подозревая о его содержании. Написанное каракулями, явно безграмотной рукой, оно, скорее всего, пришло от кого-нибудь из ее бесчисленных подопечных пенсионеров, которые получают пособие в их благотворительном фонде.

Она начала читать кривые строки, с трудом вникая в их содержание.

«В этом письме я хочу сообщить вам о том, как выпендривается ваша старшая дочь перед доктором в больнице и как она липнет к нему. Она совсем потеряла всякий стыд и чуть ли не при всех целуется с ним в больничном парке. Это надо прекратить».

Джоанна посмотрела на грязно-серую, покрытую неровными каракулями страницу с нескрываемым отращением.

Что за гадость! Что за гнусная сплетня!

Ей уже приходилось слышать об анонимных письмах, но сама она получила такое впервые. В самом деле, прочитав лишь одну строку из такого письма, уже можно заболеть!

«Ваша старшая дочь...» Это Эверил, что ли? Ее спокойная, послушная, благовоспитанная Эверил?

«Выпендривается (Господи, слово-то какое!) перед

доктором».

Это перед доктором Каргиллом, что ли? Перед этим замечательным, достойным уважения специалистом, который достиг значительных успехов в исследовании причин туберкулезной инфекции, который по крайней мере на двадцать лет старше Эверил, у которого есть жена, милая, прелестная женщина, к тому же инвалид...

Какая гадость! Какая отвратительная гадость!

Джоанна отшвырнула письмо, не в силах сдержать отвращения.

В эту минуту в гостиную вошла сама Эверил и спросила в своей обычной сдержанно-любопытной манере:

– Что-то случилось, мама?

Джоанна в приступе возмущения не нашла в себе сил ответить дочери и лишь трясущейся рукой указала на зловещее письмо.

– Меня расстроила эта гнусная писанина, – наконец произнесла она дрожащим голосом. – Но, думаю, тебе лучше не читать ее вовсе, Эверил. Там написана такая гадость!

Эверил в удивлении подняла брови.

– В этом письме?

– Да.

– Обо мне?

– Тебе лучше не читать его, моя дорогая.

Но Эверил быстро подошла к столу и взяла грязно-серый лист бумаги.

Минуту или две она читала кривые строки, затем положила обратно на стол.

– Да, мама, там написаны не очень приятные, вещи, – произнесла наконец она задумчивым, отстраненным голосом.

– Не очень приятные? Да это самая настоящая гадость, моя дорогая! Отвратительная гадость! За такую ложь надо наказывать, надо судить за это!

– Да, письмо в самом деле глупое. Но это не ложь. Земля вдруг словно ушла из-под ног Джоанны, и комната со стенами и потолком вдруг перевернулась переднею.

– Как не ложь? Что ты имеешь в виду? Что это значит? – проговорила она дрожащим шепотом.

– Не надо так волноваться, мамочка, – самым спокойным тоном сказала Эверил. – Мне очень, жаль, что ты узнала все из этого гнусного письма. Но, рано или поздно, ты все равно бы узнала об этом.

– Ты хочешь сказать, что все это правда? Что ты и доктор Каргилл...

– Да, мамочка, – кивнула Эверил.

– Но это же безнравственно! Это ужасно! – сдавленным голосом воскликнула Джоанна, хватаясь ру-

кой за сердце. – Мужчина такого почтенного возраста, да еще женатый... и ты, молодая девушка, которой не исполнилось еще и...

– Перестань, мама! – резко оборвала ее Эверил. – Не надо делать из банальной житейской ситуации деревенскую мелодраму. Ничего страшного в этом нет. Все это складывалось постепенно. Жена Руперта инвалид, ты это знаешь сама. Она вот уже много лет не встает с постели. Мы с доктором... Мы просто помогаем друг другу как можем. Вот и все.

– И все? Да, в самом деле! – воскликнула Джоанна, наконец в полной мере овладевшая собой и своим голосом.

Она вылила на дочь поток самых гневных упреков, в ответ на которые Эверил лишь презрительно усмехалась и пожимала плечами. Буря, разразившаяся над нею, как видно, совсем не страшила девушку. Наконец, когда гнев Джоанны иссяк и она умолкла, утомленная и разбитая, Эверил подошла и положила ей руки на плечи.

– Мамочка, я очень хорошо понимаю твои чувства, – со вздохом сказала она. – Даже скажу, что я и сама бы ощущала то же самое, будь я на твоем месте. Впрочем, от кое-чего из того, что ты тут мне наговорила, я бы все-таки воздержалась. Но мы не можем противостоять свершившимся фактам. Руперт и я нужны

друг другу. Мы хотим быть вместе. И хоть я очень сожалею, что эта новость так неприятно поразила тебя, но действительно не понимаю, какое отношение это имеет к тебе? И потом, что ты можешь поделать?

– Какое отношение ко мне? Да ты понимаешь, что ты моя дочь? Я сегодня же все расскажу отцу!

– Бедный папочка. Ты в самом деле решила расстроить его?

– Обязательно! Уж он-то найдет способ тебя приструнить!

– Он тоже ничего не сможет поделать. Эта новость просто очень его расстроит и, может быть, надолго выбьет на колеи. А ведь ему нужно беречь нервы для работы, не забывай об этом.

Джоанна, немного отдохнувшая, с новой силой обрушила на дочь поток упреков, но Эверил так и осталась невозмутима и непреклонна среди бушующей над нею бури материнского гнева.

Вечером Джоанна все рассказала Родни.

– Я не в силах отделаться от ощущения, что это у нее просто поза, демонстрация своего «я». Не может быть, чтобы Эверил в самом деле питала к нему столь сильное чувство!

Родни покачал головой.

– Ты ее не понимаешь, – сказал он. – У Эверил чувственности гораздо меньше, нежели рассудочности и

сердечности. Если она полюбит, то полюбит сильно и глубоко, и тогда я сомневаюсь, чтобы она вообще отказалась от своего чувства.

– Ох, Родни, я думаю, что все это чепуха! В конце концов, я лучше тебя знаю нашу Эверил. Все-таки я – ее мать.

– Это еще не значит, что тебе известны все тайные закоулки ее души, дорогая. Эверил всегда скрывала от нас свои намерения, но не в силу необходимости, а повинувшись собственному выбору. Глубоко чувствуя и переживая, она тем не менее почти не выражает своих чувств в словах, ты заметила?

– Для меня это слишком глубокомысленно, Родни.

– Дорогая, поверь мне, что дело обстоит именно так, – медленно проговорил Родни, глядя жене прямо в глаза. – В этом состоит ее настоящий характер, и с ним надо считаться.

– Мне кажется, Родни, что ты преувеличиваешь сложность проблемы. Все это не что иное, как простое желание школьницы немножко пококетничать со взрослым мужчиной. Она просто обольщает себя несбыточными надеждами и дает волю своему воображению...

– Джоанна, дорогая моя! – резко оборвал ее Родни. – Я вижу, разуверять тебя совершенно бесполезно. Поверь мне, у нашей Эверил серьезное чувство к

доктору Каргиллу, очень серьезное!

– Тогда с его стороны это просто свинство! Настоящее свинство!

– Да, именно так у нас в городке и скажут обо всем этом, когда дело получит огласку. Но попробуй поставить себя на его место! Жена – инвалид, а рядом – юная, красивая девушка, чье щедрое сердце полно страсти и благодарности, если получает от него хоть редкие знаки внимания.

– Да она моложе его на целых двадцать лет! – воскликнула Джоанна.

– Да, я знаю об этом, Будь он моложе лет на десять, и искушение для него было бы не столь сильным, я согласен.

– Нет, он просто мерзкий, очень мерзкий человек!
Родни вздохнул.

– Он не мерзкий, дорогая. Он просто человек. Он прекрасный и очень достойный человек, который глубоко предан своей профессии. Он человек, который выполнил огромную научную работу, выдающуюся по своему значению. Между прочим, он всегда неизменно добр и ласков со своей больной женой.

– Тебя послушать, так он – самый настоящий святой! – проворчала Джоанна.

– Нет, до святого ему, я думаю, далеко. Да и у большинства святых тоже были свои страсти и сла-

бости, дорогая. Святые редко бывали бескровными, бесчувственными существами. Ты и сама это знаешь. Нет, доктор Каргилл обыкновенный человек. Обычный нормальный человек, который способен и любить, и страдать. Который, мне кажется, способен даже разрушить собственную жизнь и свести на нет все свои жизненные достижения. И все это из-за страсти. Поверь мне, он очень зависим.

– Зависим от кого? – не поняла Джоанна.

– От нашей дочери, от Эверил, дорогая, – медленно проговорил Родни. – Так что теперь все решает она. Впрочем, она все и решит, причем в той мере, насколько ей хватит душевной силы и дальновидности.

– Нет, Родни, извини, но я этого не понимаю, – энергично начала Джоанна. – Я считаю, что мы должны немедленно отправить ее куда-нибудь подальше отсюда, в какой-нибудь круиз. Например, в Скандинавию или на греческие острова. Словом, куда-нибудь подальше и на продолжительное время.

Родни усмехнулся.

– Ты имеешь в виду выход, который нашли родители твоей школьной подруги Бланш Хаггард для своей дочери? Как ты сама помнишь, успеха эти меры не принесли.

– Ты полагаешь, что наша Эверил тоже сбежит в каком-нибудь порту и вернется назад? – упавшим го-

лосом проговорила Джоанна.

– Я вообще сомневаюсь, что нам удастся отправить Эверил в такой круиз.

– Чепуха! Мы ей просто прикажем. В конце концов, мы родители ей или нет?

– Джоанна, дорогая, – со вздохом произнес Родни. – Пойми, мы вынуждены считаться с обстоятельствами. Ты не можешь заставить совершеннолетнего человека делать то, что ему не хочется. Мы не имеем права ни держать Эверил взаперти, ни силой отправить ее подальше из Крайминстера, если она сама того не хочет. Признаться, мне и самому не хотелось бы так поступать. Все это лишь полумеры, они не решат всей проблемы. Мы с тобой можем только попытаться убедить Эверил теми аргументами, с которыми считается она сама. Ты понимаешь меня?

– И что это за аргументы? – спросила Джоанна, с недоверием просмотрев на мужа.

– Реальность. Истина. Факты.

– А почему бы тебе не пойти к доктору Руперту Каргиллу и не припугнуть его публичным скандалом? – спросила вдруг Джоанна.

Родни снова вздохнул и покачал головой.

– Я боюсь, Джоанна, что это лишь усугубит проблему. Да, очень усугубит!

– Что ты имеешь в виду?

– Я боюсь, что в этом случае Каргилл бросит все к черту и уедет вместе с нашей Эверил туда, где никто их не найдет.

– Ты думаешь, он способен бросить все, и карьеру, и свое будущее крупного ученою?

– Вне всякого сомнения. Впрочем, его научная карьера не пострадает, но его поступок, непременно, вызовет определенный общественный резонанс, который, в его обстоятельствах, послужит ему отнюдь не на пользу.

– Но тогда, если он и сам отдает в этом себе отчет...

– Да ты понимаешь, Джоанна, – резко возразил Родни, – что его в настоящее время нельзя считать нормальным человеком! Джоанна, ты вообще хоть что-нибудь знаешь о любви?

Смешнее вопроса Джоанна представить себе не могла!

– Но только не о такой любви, Родни, осмелюсь тебе возразить! – обиженно воскликнула она.

И тут Родни ее чрезвычайно удивил. Он горестно улыбнулся и развел руками.

– Бедная моя Джоанна! – произнес он так, словно разговаривал с маленьким ребенком.

Поцеловав ее осторожно и бережно, одним лишь касанием губ, он повернулся и спокойно вышел из комнаты.

Все-таки очень любезно с его стороны, думала она, понять, как она несчастна, как она страдает, наблюдая за несчастьем своего собственного ребенка.

Да, это было сложное время. Эверил молчала, не отвечая никому ни слова, и не разговаривала даже с матерью.

«Я хотела сделать как лучше – думала Джоанна. – Но что можно поделать с девчонкой, которая не желает даже выслушать вас?»

На все вопросы матери Эверил, бледная и невозмутимая, отвечала, если только отвечала, лишь одно:

– В самом деле, мама! Сколько можно? Все одно и то же! Все говорим, говорим, говорим... Я прекрасно понимаю вашу точку зрения, но ведь вы с папой совсем не хотите считаться с фактами!

Так продолжалось до тех пор, пока однажды, прохладным сентябрьским вечером, Эверил, бледная, с ввалившимися глазами, застав обоих родителей в гостиной, сама не начала разговор.

– Я думаю, – сказала она, – что все-таки будет лучше, если я вам все расскажу. И Руперт, и я – мы считаем, что так дальше продолжаться не может. Мы вместе с ним должны куда-нибудь уехать отсюда. Я надеюсь, его жена не откажет ему в разводе. Но если и откажет, то мы все равно уедем.

Джоанна взмахнула руками, готовая разразиться

ответной гневной речью, но Родни остановил ее.

– Предоставь это мне, Джоанна. Ты не возражаешь, Эверил? Я сам поговорю с нею. Давай-ка пройдем ко мне в кабинет, милая моя!

– Ты, папа, прямо как директор школы! – чуть усмехнулась Эверил.

– Я ее мать! Я настаиваю... – взорвалась Джоанна.

– Пожалуйста, Джоанна. Я хочу поговорить с Эверил с глазу на глаз. Ты можешь оставить нас одних?

В голосе Родни была такая решительность, такая твердость, что Джоанна уже было повернулась и направилась к двери, совершенно растерянная и сбитая с толку. Но тихие, отчетливые слова Эверил остановили ее.

– Не уходи, мама. Я не хочу, чтобы ты уходила. Все, что скажет мне папа, пусть будет сказано при тебе.

«Хоть здесь, хоть в этой мелочи признали мои материнские права» – подумала Джоанна. – И на том спасибо!»

Отец и дочь обменялись пристальными, оценивающими взглядами, словно бойцы перед схваткой. Да они и выглядели как два театральных врага, поставленные режиссером в разных концах сцены.

– Понятого, – усмехнувшись, протянул Родни. – Ты боишься!

– Не понимаю, папа, что ты имеешь в виду? – хо-

лодно спросила Эверил.

Джоанна с удивлением смотрела во все глаза на начинающийся поединок.

– Очень жаль, что ты не мальчишка, Эверил! – ни к селу ни к городу вдруг произнес Родни. – Иногда ты бываешь так похожа на твоего двоюродного деда Генри. У него был наметанный глаз, и он сразу мог определить, в чем слабость его позиции, а в чем слабость позиции его противника.

– В моей позиции нет слабых мест, – быстро отпарировала Эверил.

– А я докажу тебе, что есть! – серьезным тоном, со сдержанной силой произнес Родни.

– Эверил, ради Бога, обещай нам, что не станешь совершать глупых поступков, о которых потом будешь сама жалеть всю жизнь! – с жаром воскликнула Джоанна. – Да *мы* с отцом просто не позволим тебе этого!

В ответ Эверил слегка усмехнулась, но даже не посмотрела в сторону матери, не отрываясь, напряженно она смотрела на отца, словно замечание матери относилось к нему, а не к ней самой.

– Джоанна, пожалуйста, предоставь это мне! – повторил Родни.

– Я полагаю, – заметила Эверил, – мама тоже имеет право говорить все, что она думает.

– Спасибо тебе, Эверил! – с сарказмом сказала

Джоанна. – Сейчас так и сделаю. Дорогая моя, ты должна понимать: все, что ты собираешься сделать, даже не подлежит обсуждению! Ты еще молода и полна романтических иллюзий. Ты все воспринимаешь в ложном свете. Ты готова совершить под влиянием чувства такой поступок, о котором впоследствии будешь очень сожалеть, К тому же подумай, какой удар ты нанесешь нам с папой! Ты об этом подумала? Я уверена, ты вовсе не хочешь принести нам горе и разочарование в своих детях! Мы ведь с папой очень любим тебя, дорогая моя!

Эверил спокойно все выслушала, но ничего не ответила. Она не сводила пристального взгляда с отцовского лица. Лишь по губам Эверил скользнула насмешливая улыбка, когда Джоанна закончила свою краткую речь.

– Ну, папа, ты что-нибудь добавишь к маминым словам? – спросила Эверил.

– Нет, – покачал головой Родни. – Я скажу свои собственные.

Эверил вызывающе подняла подбородок.

– Давай, говори. Я слушаю.

– Эверил, – начал Родни. – Ты в самом деле отдашь себе отчет в том, что такое замужество, что такое брак?

Глаза Эверил открылись шире, в зрачках мелькну-

ла неуверенность.

– Ты хочешь сказать мне, что это – таинство? – помедлив, произнесла она.

– Нет, – покачал головой Родни. – Разумеется, можно считать брак таинством или не считать его таковым, не в этом дело. Я просто хотел сказать тебе, что брак – это договор.

– Вот как! – с усмешкой сказала Эверил, но в голосе девушки и в ее взгляде явно проглядывало сомнение.

– Женитьба или замужество, – продолжал Родни, – это всегда договор, заключаемый двумя людьми, совершеннолетними, в твердой памяти и ясном рассудке, с полным осознанием того, что они предпринимают. Брак – это своеобразное партнерство, в котором каждый из партнеров связывает себя определенными обязательствами по отношению к другому партнеру. Условия этого договора предусматривают все возможные ситуации – болезнь и здоровье, богатство и бедность, хорошее положение дел и плохое положение дел.

Эверил слушала отца, широко раскрыв глаза, не понимая, к чему он клонит.

– От того, что эти же самые слова произносятся в церкви под благословение священника, они не перестают быть самым настоящим договором. Точно так же всякое соглашение, заключаемое двумя людьми

по доброй воле, по сути является договором. И хотя некоторые принятые на себя сторонами обязательства не подвластны отмене или утверждению судебным порядком, они тем не менее связывают стороны, согласившиеся их принять. Надеюсь, ты не станешь отрицать логичности моих построений?

Некоторое время девушка ничего не отвечала, с сомнением глядя на отца.

– Может быть, ты и прав, папа, – сказала она наконец. – Но в наши дни брак выглядит совсем по-другому, нежели в ваши времена. Многие люди вовсе не венчаются в церкви и не произносят слов клятвы, а просто живут вместе, и все.

– Не спорю. Бывает и так, – согласился Родни. – Но дело в том, что восемнадцать лет назад Руперт Каргилл связал себя подобным договором, причем подтвердил его клятвой в церкви. А теперь скажи мне, пожалуйста, кто его заставлял клясться? Он принял свой договор по доброй воле и в здравом рассудке. Он обещал исполнять его условия до конца своих дней.

Эверил пожала плечами.

– Ведь ты не будешь отрицать того факта, что Руперт Каргилл абсолютно добровольно заключил договор с женщиной, которая стала его женой? – произнес Родни. – Принимая условия договора, он в то время предусматривал вероятность и богатства, и бедности,

и болезни, и здоровья. Он указал их как не влияющие на исполнение его обязательств.

При этих словах отца Эверил побледнела.

– Не понимаю, зачем ты все это говоришь мне? – дрожащим голосом спросила она.

– Я просто хочу, чтобы ты признала, что, помимо разных там чувств и прочих сентиментальных мелочей, брак – это обыкновенный деловой договор. Так ты признаешь это или нет?

– Хорошо, я признаю. Что дальше?

– Тогда тебе придется согласиться, что Руперт Каргилл намерен нарушить этот договор, причем при твоём прямом пособничестве...

– Да. Ну и что?

– ...нарушая тем самым права и привилегии другой стороны, принявшей договор.

– Жена Руперта не имеет претензий! – сердито воскликнула девушка. – Она вовсе не любит Руперта. Единственное, чем сейчас заняты ее мысли, это собственное здоровье!

– Я прошу тебя оставить все эти сантименты в стороне, Эверил! – рявкнул Родни. – Я спрашиваю лишь о фактах!

– Здесь нет никаких сантиментов! Не кричи на меня!

– Нет есть! Ты понятия не имеешь, что чувствует и что думает по этому поводу миссис Каргилл. Ты про-

сто вообразила себе ее чувства, причем выбрала самые удобные для тебя. Но я хочу услышать от тебя одно; есть у нее права по этому договору или нет? Эверил сжала губы и отвернулась.

– Да, – процедила она. – Я признаю: у нее есть права.

– Теперь тебе ясно, что ты собираешься сделать?

Взгляд Эверил, твердый и непримиримый, вновь встретился с глазами отца.

– Ты все сказал, папа?

– Нет. Я скажу тебе еще об одном, – внезапно успокоившись, произнес Родни. – Ты прекрасно знаешь, что Каргилл в настоящее время занят весьма важной и необходимой научной работой, которая связана с выработкой методов лечения туберкулеза. Его метод получил всеобщее признание, так что скоро он станет весьма заметной фигурой в нашей медицине. Но, к сожалению, простая человеческая слабость может перечеркнуть все его заслуги в глазах общественного мнения и подорвет его авторитет. Его карьера окажется под сомнением. Это значит, что его работа, столь необходимая людям, многое потеряет в глазах общества, если не прекратится совсем, чему в значительней степени намереваешься способствовать и ты сама.

– Ты хочешь убедить меня, что мой гражданский и

человеческий долг – это оставить профессора Руперта Каргилла в покое, чтобы он и дальше мог беспрепятственно заниматься решением жизненно важных медицинских проблем, да, папа? – с горечью и ехидством спросила Эверил.

– Пожалуй, нет, – пожал плечами Родни. – Я просто думаю о нем самом... – Голос Родни вдруг наполнился неистовой силой. – Можешь положиться, милая моя, на мой собственный, мой личный жизненный опыт! Человек, который не имеет возможности заниматься тем, к чему предназначила его судьба и чем он сам хочет заниматься всею душой, является человеком лишь наполовину. Я могу тебя в этом заверить. Это так же верно, как и то, что я стою сейчас перед тобой. Если ты оторвешь Руперта Каргилла от его главного дела, дела всей его жизни, если ты лишишь его возможности продолжать заниматься этим делом, то рано или поздно наступит день, когда ты увидишь, что человек, которого ты любишь и которому желаешь счастья, – этот человек несчастен. Он постареет раньше времени, он устанет от жизни, он станет черствым и бессердечным даже по отношению к тебе самой. Он скажет тебе, что прожил лишь половину жизни. А если ты считаешь, что твоя любовь, и вообще женская любовь, способна вознаградить его за эту потерю, то я скажу тебе, что ты – сентиментальная дура, и боль-

ше ничего!

Родни умолк, отошел к столу, сел в кресло. Привычным жестом поправил рукой волосы.

– Ты тут наговорил мне столько всего, – после долгого молчания хмуро произнесла Эверил. – Но как я узнаю... – Она запнулась, но тут же продолжала: – Как я узнаю, что это...

– ...что это правда? – перебил ее Родни. – Я могу сказать тебе лишь одно. Я все это знаю по собственному опыту. Я говорю тебе, Эверил, как мужнина, как твой отец, наконец...

– Да, – мрачно произнесла Эверил. – Я вижу...

– Дело твое, Эверил, – сквозь зубы процедил Родни, – можешь верить, можешь не верить. Можешь принять мой совет, можешь отвергнуть. Но все-таки, я думаю, у тебя хватит здравого смысла и дальновидности, чтобы выбрать правильное решение.

Эверил, не говоря ни слова, повернулась и медленно направилась к двери. Уже потянув за ручку, она неожиданно остановилась и оглянулась на отца.

Джоанна, растерянно молчавшая все время, даже испугалась, когда увидела на лице дочери выражение злобы и мстительности.

– Ты мне преподал хороший урок, папа, – угрюмо произнесла Эверил. – Но не думай, что я тебе благодарна за него! Я... Я тебя ненавижу!

Эверил вышла вон и с яростью хлопнула дверью. Джоанна шагнула было за нею, но Родни удержал ее.

– Не надо. Пусть побудет одна, – тихо произнес он. – Ты что, не понимаешь? Мы победили!

Глава 8

На этом все и кончилось.

Эверил ходила тише воды и ниже травы, на вопросы отвечала односложно или не отвечала совсем, если видела, что можно обойтись и без слов. Она очень похудела и побледнела лицом.

Месяц спустя она выразила желание уехать в Лондон и поступить на курсы секретарей.

Родни согласился сразу, Эверил покинула родителей безо всякого видимого сожаления и печали. Вероятно, разлука с родителями ее совсем не огорчала.

Когда, три месяца спустя, она приехала домой на каникулы, то выглядела совершенно нормальным человеком и, похоже, вела в Лондоне отнюдь не затворническую жизнь.

Джоанна, наблюдая за дочерью, чувствовала огромное облегчение, о чем не замедлила сообщить Родни.

– Ну вот, видишь, дорогой, все кончилось благополучно. Я ни на минуту не допускала мысли, что у нее серьезные чувства! Я так и знала, что у нее обыкновенный девический каприз!

Родни усмехнулся и снисходительно посмотрел на нее.

– Бедная моя Джоанна! – со вздохом произнес он свою сакраментальную фразу, смысл которой для Джоанны так и остался непонятным, хотя она чувствовала в ней оскорбительную нотку.

– Но ты ведь не будешь спорить, что все волнения оказались временными, не так ли, Родни? – с легким раздражением спросила она.

– Да, – кивнул он. – В те дни нам с тобой пришлось поволноваться, я согласен. Но ты-то, кажется, и не переживала всерьез, Джоанна?

– Что ты имеешь в виду? – вспыхнула она. – Я точно так же переживала в те дни, как и ты сам, как и наша Эверил!

– Вот как? – усмехнулся Родни, – Интересно..

Что ж, может быть, Родни и прав, подумала Джоанна. По крайней мере теперь между отцом и дочерью установились достаточно прохладные отношения. А ведь прежде они были большими друзьями! Теперь их отношения можно было назвать формальной вежливостью, не более того. Но, с другой стороны, такая Эверил, отчужденная, необщительная, строгая, умеющая сама держаться на дистанции и умеющая держать на дистанции других, больше нравилась матери.

«Пожалуй, она теперь меня больше уважает, когда пожила без родителей!» – думала Джоанна.

Сама Джоанна была очень рада приезду Эверил.

Нынешнее спокойствие дочери, ее холодный здравый смысл воспринимались Джоанной как залог успеха в будущей роли хозяйки дома, которую она от всей души желала своей дочери.

Но поводов для волнения и беспокойства у Джоанны и Родни оставалось еще предостаточно: теперь уже подросшая Барбара претендовала на лавры «трудной дочери».

Больше всего Джоанну раздражали вкусы дочери, проявлявшиеся в выборе друзей. Казалось, девушка не делала совершенно никаких различий между своими сверстниками! Все они предоставлялись ей добрыми, веселыми, умными, щедрыми, и все, разумеется, были от нее без ума, – а это для нее, очевидно, как считала Джоанна, самое главное! В Крайминстере было великое множество умных, добропорядочных девушек, но Барбара, наверное, из духа противоречия, не желала дружить ни с одной из них.

– Мам, они все такие глупые, ты представить себе не можешь! О чем я буду с ними разговаривать?

– Чепуха, Барбара. Я уверена, что и Мэри, и Элисон чудесные девушки и очень умные.

– Но у них нет никакого вкуса, мама! Представь себе, они носят сеточки на волосах!

Джоанна в ошеломлении смотрела на дочь, пытаясь понять, в чем тут Барбара, увидела безвкусицу.

– А что такого, Барбара? – недоумевала она. – Разве это некрасиво?

– Да как ты не понимаешь? Это же своеобразный символ!

– Я думаю, ты говоришь абсолютную чепуху, дорогая. А почему ты не дружишь с Памелой Грэйлинг? Ведь ее мама очень дружна со мной. Почему бы тебе не встречаться с нею чаще?

– Ох, мамочка, она такая зануда! Она мне совсем не интересна.

– Вот как? А мне казалось, что Памела, напротив, очень умная, красивая и интересная девушка.

– Да, красивая и занудная. И вообще, какое мне дело до того, что ты о ней думаешь? Мне достаточно того, что о ней думаю я.

– Не груби мне, Барбара.

– А я не грублю. Я просто хочу сказать что будь ты на моем месте, ты бы тоже не стала с нею дружить. Мне больше нравятся Бетти Ирл и Примроуз Дин. Но ты же всегда нос воротишь, стоит мне лишь только пригласить их к чаю.

– Но, дорогая, эти девушки такие страшненькие! У Бетти отец содержит этот свой ужасный экскурсионный автобус и весь просто насквозь пропах бензином! К тому же, он совершенно не выговаривает звук «ха».

– Зато он зарабатывает много денег, мамочка.

– Деньги – это еще не все, Барбара. Бывает, что...

– В общем так, мама, – решительно оборвала ее Барбара. – Скажи: я имею право выбирать себе друзей или не имею такого права?

– Конечно, имеешь, Барбара. Кто же спорит. Но ты должна прислушиваться к моим советам. Ты еще очень молодая и неопытная.

– Значит, не имею. Все понятно, Так бы сразу и сказала! Получается, что я не имею права даже на такую малость! Ты устроила у нас в доме настоящую тюрьму!

Как назло, в эту минуту в дом вошел вернувшийся с работы Родни.

– Кто устроил из нашего дома тюрьму? – захохотал он с порога.

– Это мама устроила из нашего дома тюрьму! – возмущенно закричала Барбара, чувствуя, что к ней пришло подкрепление.

И, конечно же, вместо того, чтобы отнестись к этому разговору со всей серьезностью и как следует отчитать капризную девчонку или на худой конец поговорить с нею по душам, Родни все обратил в шутку.

– Бедная ты наша узница! – весело воскликнул он. – Прямо-таки чернокожая рабыня!

– Да, я такая и есть! – пыталась сохранить остатки серьезности и обиды Барбара, но неудержимая волна

веселья уже подхватила ее.

– Чернокожая-чернорожая! – хохотал Родни. – Может быть, просто неумытая? Ха-ха-ха! Будь я премьер-министром, я бы ввел семейное рабство для подрастающих дочерей по всей Англии! Вот и мама поддерживает мой законопроект! Правда, Джоанна?

Барбара, не сдержав распивавшего ее смеха, бросилась к отцу, обняла его и расхохоталась.

– Папочка, дорогой, ты такой забавный! Никак невозможно долго сердиться да тебя! – проговорила она.

Впрочем, Барбара вообще ни на кого не могла долго сердиться.

– Развели тут телячьи нежности, – заворчала Джоанна, слегка недовольная, что дочь чаще бросается на шею отцу, нежели матери.

– Не принимай близко к сердцу, Джоанна, – со смехом утешил ее Родни, прекрасно понимавший причину ворчливого тона своей жены. – Просто у девчонки свои капризы.

– Да я-то ничего, – вздохнула Джоанна. – Меня вот беспокоят ее друзья.

– В этом возрасте они все любят яркое – то, что сразу бросается в глаза. Это пройдет. Не беспокойся, Джоанна, – сказал Родни.

«Легко сказать, не беспокойся! – с раздражением

подумала Джоанна. – Да что было бы со всеми нами, со всей семьей, если бы я не беспокоилась?» Нет, Родни всегда легкомысленно относился к семье и к своей роли отца троих детей. Он никогда не понимал ее материнских чувств.

Но беспокойство и тревога Джоанны по поводу выбора дочерью подруг оказались пустяками по сравнению с тем, что она стала чувствовать, когда у Барбары дошло до знакомств с молодыми людьми.

Особенно много попортили ей нервов Джордж Хармон и этот, чрезвычайно неприятный, юный отпрыск Уилморов, известного семейства городских адвокатов, соперничающих со Скудаморами. Джоанна подозревала, что во многих делах, за которые брались и которые выигрывали Уилморы, существовала некая тайная подоплека сомнительного характера, не позволяющая взяться за это дело такому достойному и честному адвокату, как ее муж. Впрочем, и сам юный Уилмор вызывал у Джоанны сильное предубеждение тем, что частенько его видели пьяным, что слишком много говорил и не любил слушать, что слыл заядлым любителем лошадиных бегов и даже, как поговаривали, проигрывал в тотализатор на ипподроме приличные суммы денег. Именно с ним, с Томом Уилмором, Барбара исчезла тогда, в ночь на Рождество, из городского танцевального зала, где устраивался благо-

творительный вечер с концертом и танцами. Они появились пять танцев спустя, подозрительно взъерошенные, воровато оглядываясь, как два преступника. Смешавшись с танцующими, они продолжали кружиться как ни в чем не бывало, и лишь юный Уилмор бросал боязливые и вместе с тем нахальные взгляды в ту сторону, где Джоанна сидела за одним столиком с организаторами этого вечера.

Скорее всего, Барбара с юным Уилмором сбежали на чердак, где втихомолку целовались, наслаждаясь безнаказанностью и не думая о порицании. Так ведут себя лишь крайне невоспитанные девушки, сказала Джоанна Барбаре, чрезвычайно расстроенная выходкой дочери.

– Мамочка, не будь такой ханжой! Это же глупо! – воскликнула дочь, выслушав материнские нравоучения.

– Я вовсе не ханжа! – взорвалась Джоанна. – Хотя позволь тебе заметить, Барбара, что старые добрые взгляды на поведение молодых девушек имеют под собой гораздо больше здравого смысла, нежели ты думаешь!

– Мамочка, в самом деле, ну что в этом такого? Все в городе прекрасно знают, что я всегда провожу уикенды с Томом Уилмором!

– Да, но я слышала, что тебя видели в пивной с

Джорджем Хармоном!

– Когда? В какой? – запальчиво воскликнула Барбара.

– Тебя видели в «Собаке и утке».

– Да мы вовсе и не заходили туда. Наверное, мы просто шли мимо и смешались с толпой, выходявшей из пивной!

– Как бы то ни было, – укоризненно посмотрела Джоанна на дочь, – молодой девушке непозволительно вести себя подобным образом. Мне вовсе не нравятся девушки, которые смолоду узнают вкус спиртного.

– Да мы с Джорджем только попробовали пива! Вот и все! А потом весь вечер играли в дартс.

– Мне все равно это не нравится, Барбара. Чтобы такого больше не было, ты меня поняла? И вообще, должна тебе сказать, что мне вовсе не нравятся эти твои друзья, Джордж Хармон и Том Уилмор. Прошу тебя, больше не приглашай их к нам в дом. Ты поняла меня?

Джоанна строго посмотрела на дочь.

– Хорошо, мамочка. Это твой дом. Ты можешь приказывать все, что хочешь.

– Не понимаю, что ты в них нашла?

Барбара пожала плечами.

– Я не знаю. Просто они забавные. С ними интерес-

но.

– В общем, договорились, Барбара: больше ты их приглашать к нам в гости не будешь. Ты слышишь?

Но некоторое время спустя Джоанна была чрезвычайно расстроена и огорчена тем, что сам Родни пригласил этого юного нахала Джорджа Хармона к ним на воскресный обед. От Родни она такого не ожидала! За столом она вела себя с ледяной учтивостью, чем привела гостя в страшное смущение, несмотря на то, что Родни изо всех сил старался ободрить молодого человека, развеселить его, разговорить, словом, дать ему возможность чувствовать себя в своей тарелке. Но Джордж Хармон так и не смог взять себя в руки, говорил то громко, почти кричал и размахивал руками, то вдруг умолкал и еле мямлил что-то невразумительное, то неожиданно раздражался хвастливой речью, то вдруг начинал в чем-то оправдываться, из-подлобья взглядывая на миссис Скудамор, которая чуть ли не в упор «расстреливала» молодого человека своим беспощадным, пронзительным взглядом.

Вечером, когда гость ушел, Джоанна устроила мужу допрос с пристрастием.

– Родни, что это значит? Ты же знаешь, что я запретила Барбаре приводить к нам домой этого паршивца!

– Да, Джоанна, я знаю об этом. Но, мне кажется, ты не совсем права. Наша Барбара отнюдь не отли-

чается рассудительностью. Она принимает людей такими, какими они ей себя подают. Она еще не умеет отличать хлам от настоящей ценности. Наблюдая за людьми в необычной обстановке, она никогда не научится правильно их оценивать. Вот почему ей необходимо посмотреть на человека в привычной ей обстановке, например, у себя дома. Она воспринимает молодого Хармона как сильную и необыкновенную личность, хотя на самом деле он представляет собой совершенно глупого хвастливого молодого человека, который много пьет и ни одного дня в своей жизни как следует не поработал.

– Я как раз это ей и говорила, но только, может быть, другими словами!

Родни улыбнулся.

– Дорогая моя! Ты же сама видишь, что ничего из того, что мы с тобой ей говорим, не оказывает на нее никакого действия. Молодые никогда не слушают стариков.

В справедливости слов Родни Джоанна убедилась, когда к ним в очередной раз приехала Эверил.

В этот раз к обеду пригласили Тома Уилгмора. Рядом с холодной, насмешливой Эверил Том очень сильно проигрывал.

Потом, когда гость ушел, Джоанна случайно услышала обрывок разговора между сестрами:.

– Тебе он не понравился, Эверил? – спросила Барбара.

Эверил пренебрежительно дернула плечами.

– На мой взгляд, он просто ужасен! Барбара, у тебя совершенно нет никакого вкуса! Как ты могла его пригласить?

После этого Уилмор сошел со сцены навсегда, и некоторое время спустя Барбара, переменившая свои взгляды, уже говорила:

– Том Уилмор? Ох, он так ужасен!

Джоанна устраивала теннисные турниры среди знакомых, приглашала гостей, стараясь развлечь Барбару, но девушка стойко отказывалась принимать участие в этих увеселениях.

– Не надо так суетиться, мама! Вечно ты стараешься, чтобы дома у нас стояла суетолока. Я терпеть не могу толпу! И потом, ты всегда приглашаешь таких противных стариков!

Джоанна отвечала дочери, что это вовсе не старики, а люди того же возраста, что и ее родители, но все было бесполезно. Девушка или отмалчивалась или взрывалась короткой гневной тирадой, которая иногда заканчивалась слезами.

Джоанне надоело возиться со скучающей дочерью, и однажды она так ей сказала:

– Ну вот что, дорогая. Все! Хватит! Я умываю руки!

Ты сама не знаешь, какого тебе рожна еще надобно!
– Никакого. Я просто хочу быть одна, – ответила ей Барбара, удивленная и отчасти напуганная материнской резкостью.

Барбара в самом деле была самым трудным ребенком, сказала как-то Джоанна мужу. Родни согласился, лишь слегка нахмурил брови.

– Если бы она сама могла сказать, что ей еще надо! – продолжала Джоанна.

– Она и сама этого не знает. Она ведь еще очень юная, ты понимаешь, Джоанна?

– Вот потому-то и надо кое-какие вопросы решать нам с тобой, а не бросать Барбару на произвол судьбы.

– Нет, моя дорогая, так она никогда не научится ходить собственными ногами. Пусть приглашает кого хочет, пусть приводит к нам домой своих друзей. Только не надо ничего организовывать. Молодежь этого не терпит. Она видит в этом посягательство на ее права.

«Ну и человек!» – подумала Джоанна о муже, доведенная до белого каления. Всегда готов оставить все как есть и бросить детей на произвол судьбы! Ох, Родни! Он и раньше был таким безалаберным, а теперь, к старости, стал еще безалабернее! Не то что она сама! Нет, себя Джоанна считала в высшей степени практичной натурой. А еще говорят про Родни,

что он якобы тонкий и проницательный адвокат!

Джоанне вспомнился вечер, когда Родни вычитал в газете объявление о свадьбе Джорджа Хармона и Примроуз Дин.

– Эй, Барбара, – с ехидной улыбкой сказал Родни. – А ведь это твоя бывшая любовь!

Барбара подняла брови и захохотала.

– Сама не понимаю, как я могла им увлекаться! – сказала она. – Он же такой ужасный! Кошмар!

– Я всегда считал, что этот молодой человек ничто лишен способности располагать к себе людей. Не представляю, что ты в нем увидела?

– Я и сама не знаю! – смеялась восемнадцатилетняя Барбара над собою семнадцатилетней. – Но, кроме шуток, папа, я была страшно уверена, что искренне люблю его, представляешь? Я думала, что вы с мамой хотите нас разлучить, и если бы вы добились своего, то... Я уже заранее все решила, понимаешь? Я сунула бы голову в газовую духовку и покончила с собой.

– Ну прямо как Джульетта!

– Поверь, папа, тогда мне было не до шуток, – укоризненно покачав головой, серьезно сказала Барбара. – Что еще остается делать, если дальше жить невыносимо? Только покончить с собой!

– Перестань говорить глупости, Барбара! – сер-

дито воскликнула Джоанна, не в силах дальше хранить молчание. – Ты сама не знаешь, что за чушь ты несешь!

– Ох, мамочка, я и забыла, что ты здесь! – улыбнулась Барбара. – Уж ты-то, конечно, никогда не решилась бы на что-нибудь подобное. Ты всегда такая осмотрительная и разумная. Ты всегда держишь себя в руках, что бы ни произошло.

– Надеюсь, что это так на самом деле, – с раздражением произнесла Джоанна, едва удерживая нарастающий гнев.

– Ты не должен потворствовать противной девчонке и поощрять ее глупости! – сказала она Родни, когда Барбара вышла из гостиной.

– Почему бы девочке не сказать о том, что ее в прошлом так сильно волновало? – пожал плечами Родни.

– Разумеется, она бы никогда не решилась на что-нибудь подобное, о чем сейчас говорила. Но все-таки как ужасно все это слышать мне, матери!

– Ты и вправду так думаешь? – спросил Родни и посмотрел на Джоанну так, что у нее заняло на душе.

– Но насчитаешь же ты в самом деле, что она... Джоанна растерянно посмотрела на мужа.

– Нет, конечно же, нет. Теперь, когда она уже взрослая, уравновешенная и все понимает, об этом не может быть и речи. Так что постарайся больше не пе-

реживать, – усмехнулся Родни, – Но ты сама видела, какая она была чувствительная и эмоционально неустойчивая год назад.

– Но... Родни, это же смешно! Из-за такого паршивца, как Хармон!..

– Это смешно нам с тобой, потому что у нас есть чувство меры. Но Барбаре это не смешно. Она всегда была искренней до конца. Она не может беспристрастно смотреть на вещи, у нее нет чувства юмора. И в сексуальном отношении она развита не по годам...

– Родни, в самом деле! Что ты себе позволяешь? Ты говоришь о ней, как о девице, не вылезавшей из полицейского участка! – с возмущением воскликнула Джоанна.

– В полицейских участках тоже сидят живые люди, не забывай об этом, Джоанна.

– Уж во всяком случае такие девушки, как наша Барбара, туда не попадают!

– Ты так думаешь? – усмехнулся Родни.

– Родни, дорогой, давай прекратим этот глупый разговор!

Родни вздохнул.

– Конечно. Разумеется. Но я от всей души молюсь, чтобы наша Барбара действительно встретила хорошего молодого человека и искренне полюбила его.

Некоторое время спустя после этого разговора Джоанне показалось, что небеса услышали молитву Родни, когда в Крайминстер вернулся из Ирака молодой человек по имени Уильям Врэй. Он остановился у своей тети, миссис Герриот.

Джоанна увидела его первой, неделю спустя после его приезда. Уильям пришел к ним однажды после обеда, когда Барбары не было дома. Джоанна оторвала взгляд от письменного стола и с удивлением посмотрела на высокого, крепко сложенного молодого человека с квадратным подбородком, порозовевшим от волнения лицом и твердым взглядом широко открытых голубых глаз.

Порозовев еще сильнее, Билли Врэй пробубнил себе под нос, что он племянник миссис Герриот и что он... э-э-э... принес ракетку мисс Скудамор, которую... э-э-э – мисс Скудамор оставила вчера на корте.

Быстро справившись с удивлением, Джоанна приветливо заговорила с молодым человеком.

Барбара такая рассеянная, сказала она, что может оставить свои вещи где угодно. Сейчас ее нет дома, но, по всей вероятности, скоро она вернется. Мистер Врэй может подождать ее, а пока, не выпьет ли он чаю?

Мистер Врэй согласился, и, кажется, не без удовольствия. Джоанна тут же позвонила слугам и распо-

рядилась приготовить чай, после чего принялась расспрашивать мистера Врэя о его тетушке.

Самочувствие миссис Герриот занимало их минут пять, после чего разговор несколько приостановился. Было видно, что мистер Врэй чувствует себя несколько беспомощно. По-прежнему красный как рак, он сидел прямо, не касаясь лопатками даже спинки стула. На лице его отражались приступы мучительной неловкости, владевшей молодым человеком. К счастью, чай предоставил ему еще один повод для разговора, которого хватило еще на несколько минут относительной непринужденности.

Джоанна увлеченно болтала с молодым человеком, хотя и с некоторым чувством неловкости, но ее спас Родни, в этот день вернувшийся домой с работы раньше обычного. Родни, в отличие от мистера Врэя и самой Джоанны, не выказал ни малейшего смущения. Он завел с молодым человеком разговор об Ираке и быстро вывел гостя из состояния мучительной неловкости. Постепенно Билли Врэй разговорился, лицо его перестало краснеть и приняло нормальную окраску. Вскоре, совершенно освоившись, молодой человек оживленно рассказывал Родни о самых занятных обстоятельствах его пребывания на Ближнем Востоке. Через некоторое время Родни увел его к себе в кабинет. Шел уже седьмой час, когда Билли Врэй ре-

шил, что пора прощаться.

– Чудесный парень! – сказал Родни, когда гость ушел и хозяйева дома остались одни.

– Да, неплохой, – согласилась Джоанна. – Только немного застенчивый.

– Пожалуй, на первый взгляд это и так, – согласился Родни. – Но не думаю, чтобы он страдал излишней застенчивостью в обыденной своей жизни.

– Он так долго сидел у тебя в кабинете!

– Да, больше двух часов.

– Наверное, он тебе изрядно надоел?

– Нет. Напротив, я даже рад был поговорить с ним. Он очень сообразительный, этот молодой человек. У него оригинальный взгляд на вещи. Он обладает философским складом ума. И кроме того, у него довольно твердый характер. Словом, он понравился мне во всех отношениях.

– Да уж, наверное, он понравился тебе, если ты проговорил с ним два часа! – с легкой досадой произнесла Джоанна.

Родни с удивлением посмотрел на жену.

– Он сидел у нас не потому, что хотел со мной поговорить, – начал оправдываться Родни. – Он ожидал Барбару. Разве ты не видишь, что он по уши влюблен в нашу дочь? Бедный парень! Он едва справился со смущением. Вот почему он был красный, как свекла.

Ему было нелегко заставить себя прийти сюда. А когда он все-таки пришел, то в награду не получил даже улыбки от своей зазнобы. Явный случай так называемой любви с первого взгляда.

Барбара явилась домой когда уже пора было садиться за ужин.

– К нам приходил один из твоих приятелей, Барбара, – сказала Джоанна. – Племянник миссис Герриот. Он принес твою ракетку.

– Билли Врэй, да? Значит, он все-таки отыскал ее! А я думала, что потеряла ее совсем.

– Он долго сидел у нас, но так тебя и не дождался, – с лукавой улыбкой сказала Джоанна.

– Жаль, что он не дождался меня. Мы с Грабби ходили в кино. Такой глупый фильм! Билли, наверное, до чертиков вам надоел?

– Нет. Напротив, – сказал Родни. – Мне он даже понравился. Мы разговаривали с ним о ближневосточной политике.

– Жаль, что меня не было дома, – искренне вздохнула Барбара. – Я бы с удовольствием послушала его рассказы об этих местах. Я так мечтаю попутешествовать, а сама всю жизнь прожила в Крайминстере! Во всяком случае, Билли вносит разнообразие в мою жизнь.

– Если тебе скучно жить, поступи на работу, – посо-

ветовал Родни.

– Скажешь тоже: на работу! – сморщила нос Барбара. – Ты же знаешь, папочка, что я не люблю работать!

– Как и все смертные! – усмехнулся Родни. Барбара бросилась на шею отцу и крепко обняла его.

– Зато ты слишком много трудишься, папочка! Я всегда говорила тебе, что ты слишком много работаешь. – Наконец она освободила отца. – Я позвоню Билли. Он вроде бы говорил, что зайдет сегодня вечером к Марсденам...

Родни посмотрел Барбаре вслед, когда она направилась к телефону, расположенному на столике в дальнем углу гостиной. Джоанна заметила его взгляд, странный, полувопросительный, неопределенный.

Да, Билли Врэй понравился ему. Вне всякого сомнения, Билли понравился ему с первого взгляда. Тогда, почему он с таким беспокойством посмотрел на дочь, когда Барбара объявила родителям о своей помолвке с Билли. Барбара сказала, что после свадьбы они сразу же уедут в Багдад.

Билл Врэй был молод, хорошо воспитан, имел свое состояние и мог рассчитывать на хорошую служебную карьеру. Почему же во взгляде Родни сквозило столь явное беспокойство? Почему он в разговоре с Барбарой вскользь посоветовал не спешить со свадьбой? Почему он с тех пор ходил с хмурым лицом, с

озадаченным, тревожным видом?

А потом, перед самой свадьбой, у него случилась эта вспышка недовольства и раздражения, когда он горячо твердил, что решительно против свадьбы, что Барбара еще слишком юна для замужества.

Но как бы то ни было, Барбара вскоре уговорила отца не возражать против ее свадьбы с Билли Врзем; шесть месяцев спустя она вышла замуж за своего Билли и уехала с ним в Багдад. Вскоре после этого и Эверил объявила о своей помолвке с биржевым брокером, весьма состоятельным человеком по имени Эдвард Гаррисон-Уилмотт.

Ее жених оказался приветливым, милым мужчиной приблизительно тридцати четырех лет с очень большим состоянием.

Итак, думала Джоанна, кажется все складывается самым лучшим образом. Родни был вполне доволен выбором дочери, но держал свое мнение при себе.

– Да, да, я очень рад за тебя. Он прекрасный парень, – только и сказал он, когда Эверил спросила его, что он думает о ее женихе.

После свадьбы Эверил уехала к мужу, и Родни с Джоанной остались одни в пустом доме.

Тони закончил свой агрономический колледж, благополучно сдал экзамены, во время которых заставил родителей изрядно поволноваться, и уехал в Южную

Африку, в Родезию, где у одного из клиентов Родни была большая апельсиновая плантация.

Тони писал им жизнерадостные письма, хотя и не очень длинные. Потом от него пришло письмо, в котором он извещал их о своей помолвке с девушкой из Дурбана. Джоанну весьма расстроила мысль, что ее сын женится на девушке, которую они в глаза не видели. Невеста была бесприданницей, хотя, сказала Джоанна мужу, что они могут знать об этой девушке? Абсолютно ничего.

Родни ответил, что Тони сам выбрал хомут на свою шею и что во всяком случае надо надеяться на лучшее. Глядя на фотографию, которую им все-таки прислал Тони, они решили, что его невеста красивая девушка, которая, как они узнали, познакомилась со своим будущим мужем еще по дороге в Родезию.

– Ну теперь уж точно они проживут всю жизнь вдалеке от нас и вряд ли будут часто приезжать к нам в гости, – вздохнула Джоанна. – Нет, нам все-таки следовало настоять, чтобы Тони пошел работать в адвокатскую контору. Я тебе в свое время не раз говорила об этом.

Родни улыбнулся и ответил, что ему плохо удастся заставлять людей делать то, чего они не хотят.

– Нет, в самом деле, Родни, ты должен был заставить его! И тогда бы он жил рядом с нами. Так делают

все порядочные родители.

Родни ответил, что, пожалуй, она права. Но, добавил он, это было бы весьма рискованно.

Рискованно? Джоанна сказала, что не понимает его. О каком риске он говорит?

Родни улыбнулся и ответил, что он имел в виду риск сделать мальчика несчастным.

Джоанна сердито заметила, что иногда эти рассуждения мужа о счастье выводят ее из терпения. Можно подумать, что никто ни о чем другом и не помышляет. Счастье – это не самое важное в жизни, сказала она. Есть вещи и поважнее.

– Например? – спросил Родни.

– Например, долг, – после секундного замешательства ответила Джоанна.

Родни возразил, что не понимает, почему профессию адвоката надо считать долгом.

С легким раздражением Джоанна ответила, что он прекрасно понимает, о чем она говорит. Долг Тони состоит в том, чтобы быть благодарным своим родителям и не разочаровывать их.

– А Тони меня несколько не разочаровал! – возразил Родни.

– Уж во всяком случае, – воскликнула Джоанна.

Родни совсем не хотел, чтобы его сын жил вдали, на другом конце света, так что с ним и не увидеться.

– Да, – со вздохом произнес Родни, – признаться, я очень скучаю по Тони. Он всегда был такой милый, такой ласковый. Да, я очень скучаю по нему...

– Вот и я говорю! – воскликнула Джоанна. – Тебе следовало бы проявить твердость.

– Джоанна, – сказал Родни и печально посмотрел на жену. – В конце концов это его собственная судьба, а вовсе не наша с тобой. Нашу с тобой жизнь мы уже прожили. Хорошо или плохо, но мы уже почти прожили ее.

– Да, – согласилась Джоанна, – мы почти прожили свою жизнь и, я полагаю, хорошо.

Она задумалась на минуту.

– Да, мы очень хорошо прожили свою жизнь, – добавила она, – мирно и спокойно во всяком случае.

– Я рад этому, – кивнул Родни.

Он с улыбкой посмотрел на Джоанну. У Родни была чудесная улыбка, ласковая и чуть насмешливая. Иногда он смотрел на жену так, словно улыбался чему-то, чего она сама не видела.

– Секрет в том, – поучительно сказала Джоанна, – что мы с тобой очень хорошо подходим друг другу.

– Пожалуй, да. Мы очень редко ссорились с тобой.

– И потом, – добавила Джоанна, – нам очень повезло с детьми. Было бы ужасно, если бы они выросли плохими людьми или чувствовали бы себя несчаст-

НЫМИ В ЖИЗНИ.

– Забавная ты у меня! – с улыбкой произнес Родни.

– Но это в самом деле, Родни, очень бы нас расстроило, если бы наши дети были несчастливы в жизни! – сказала Джоанна. Родни пожал плечами.

– Не думаю, Джоанна, чтобы ты слишком долго расстраивалась по этому поводу.

– Конечно, – согласилась Джоанна, – у меня очень отходчивый характер. И вообще я считаю, что человек не должен давать волю своим чувствам.

– Даже здоровым и положительным? – с улыбкой поинтересовался Родни.

Джоанна тоже улыбнулась.

– Ну почему же, – возразила она. – Разве не приятно видеть, что кто-то добился успеха?

– Да, – вздохнул Родни. – Пожалуй, это приятно.

Джоанна внимательно посмотрела на мужа, взяла его руку и ласково сжала.

– Не скромничай, Родни. Ни у кого из адвокатов во всем Крайминстере нет такой широкой и состоятельной клиентуры, как у тебя. У тебя клиентов гораздо больше, чем было в свое время у дядюшки Генри.

– Да, грех пожаловаться, дела фирмы идут хорошо, – согласился Родни.

– Ас новыми партнерами пришли бы и новые денежные средства, не так ли? Что ты думаешь по это-

му поводу?

Родни покачал головой.

– Ох, нет. Нам больше нужны не деньги, а новые головы. И Олдерман, и я – оба мы уже стареем.

Да, подумала она, это правда, За последние годы в пышной шевелюре у Родни прибавилось много седины.

Джоанна встрепенулась, посмотрела на часы.

Утро миновало довольно быстро. В голову ей уже не приходили расстраивающие, неприятные, хаотические мысли, которые вчера так несвоевременно завладели ее воображением.

Ну что ж, это со всей очевидностью доказывает, что ключом ко всему является дисциплина. Надо просто привести в порядок собственные мысли и позволять памяти вызывать лишь те воспоминания, которые приятно успокаивают. Сегодня утром именно так она и сделала, и теперь убедилась, как быстро и безболезненно прошло утро. Через час или полтора позвонит на ленч. Может быть, следует выйти на недолгую прогулку, не отходя далеко от гостиницы? Недолгая прогулка будет способствовать хорошему аппетиту, тем более что здесь подают такую тяжелую, горячую и жирную пищу.

Джоанна поднялась в номер, надела свою войлоч-

ную шляпу и вышла на улицу.

Во дворе мальчишка-араб стоял на коленях лицом в ту сторону, где по его представлениям должна была располагаться Мекка, то и дело кланялся, тычась лбом в сухую пыль, и что-то певуче бормотал высоким гнусавым голосом.

На крыльцо вышел индус, остановился у Джоанны за спиной.

– Он совершает свой полуденный намаз, – поучительным тоном экскурсовода произнес он над самым ее ухом.

Джоанна кивнула. Это она видела и сама, прекрасно понимая, чем был занят мальчишка.

– Он говорит, что Аллах милостив, Аллах очень милосерден, – добавил индус.

– Я знаю, – сказала Джоанна и направилась от гостиницы в ту сторону, где спутанные витки колючей проволоки обозначали границу и огораживали железнодорожную станцию.

Ей и вспомнился случай, когда шестеро или семеро арабов пытались вызволить заглохший форд, увязший в рыхлом сыпучем песке по самые ступицы. Арабы суетились, мешали друг другу и тянули машину в разные стороны. Уильям объяснил Джоанне, что в дополнение к этим их энергичным, но совершенно бесполезным усилиям, арабы непрерывно взывают

к Аллаху, восклицая то и дело: «Аллах велик! Аллах милосерден!»).

Аллаху непременно следовало бы вмешаться в такое дело, подумала Джоанна, поскольку помочь этим несчастным, тянущим в разные стороны тяжелый автомобиль, могло одно только чудо!

Самое забавное было в том, что все эти арабы кажутся на вид совершенно счастливыми и вполне довольными собой. «Все в воле Аллаха!» – говорят они и не прилагают ни малейших умственных усилий, чтобы помочь самим себе. Нет, Джоанна не хотела бы быть такой. Каждый человек, считала она, должен думать о завтрашнем дне и строить планы на будущее. Впрочем, если живешь в какой-нибудь дыре вроде этого самого Телль-Абу-Хамида, строить планы и думать о завтрашнем дне нет никакой необходимости. Так что вера в Аллаха оказывается тут как нельзя кстати.

Если провести здесь долгое время, думала Джоанна, то наверняка забудешь все: и какой сегодня день, и какой месяц.

«А какой сегодня день? – вдруг спросила себя Джоанна. – Так, так, сейчас вспомню... Кажется, четверг... Да, четверг! Меня привезли сюда в понедельник вечером...»

Тем временем она уже подошла к самому заграж-

дению из колючей проволоки и увидела за нею узкую дорожку и человека в мундире, с винтовкой. Облокотившись на огромный деревянный ларь, солдат, очевидно, охранял либо железнодорожную станцию, либо границу, либо себя самого.

Джоанне показалось, что солдат задремал, и она решила, что лучше потихоньку уйти отсюда поскорее, пока он не проснулся и в сонной одуре не застрелил ее. Подобные случаи вполне возможны в такой глухой дыре, как Телль-Абу-Хамид.

Она ускорила шаги, стараясь не шуметь, и вскоре обогнула гостиницу и скрылась за углом. Таким образом, прогулка вокруг гостиницы помогла ей провести время и избежать неприятных ощущений, связанных, как она думала, с агорафобией. («Опять я вспомнила об этой агорафобии!»)

«Итак, – с удовольствием подумала Джоанна, – утро прошло вполне благополучно». Она сумела не допустить, чтобы ею овладели тревожные мысли, которые так взбудоражили ее вчера, и все утро думала лишь о приятном. О чем же она думала? О свадьбе Эверил с ее Эдвардом, таким солидным, таким надежным и таким состоятельным. О великолепном доме Эверил в Лондоне, просторном и удобном! Она думала о замужестве Барбары, о Тони... Впрочем, мысли о Тони вряд ли назовешь совсем приятными, хо-

тя, кто его знает, может быть, это даже и к лучшему. В самом деле, наверное, все-таки главное в том, как чувствует себя сам Тони и доволен ли он своим выбором. Но все же ему следовало бы остаться в Крайминстере и поступить в адвокатскую контору «Олдерман, Скудамор и Уитни». Тогда бы он женился на девушке из Англии, а не из какого-то Дурбана, жил где-нибудь неподалеку и следовал по стопам отца.

Бедный Родни! В его шевелюре уже появилось много седины именно от того, что рядом нет сына, который мог бы заменить его в деле.

Беда в том, что Родни всегда слишком мягко относился к Тони. Надо было приструнить своевольного мальчишку! Топнуть на него ногой! Нет, твердость просто необходима в воспитании, особенно если речь идет о мальчиках. «Куда смотрел Родни? – думала сейчас Джоанна. – Ведь он прекрасно видел, что я не в состоянии удержать в своих руках их всех!» Тут Джоанна почувствовала теплую волну самооправдания. Интересно, понимает ли Родни, сколько она сделала для него?

Джоанна всмотрелась в плывущую линию далекого горизонта. Станный эффект! Эффект текущей воды. Конечно же, это мираж, подумала она.

Да, это был мираж... Но озеро среди песков, полное голубой воды, выглядело так естественно, так на-

турально, что она была готова поверить в его реальность. Она даже как будто видела деревья и коттеджи вокруг озера! И все казалось таким натуральным, таким конкретным, что ей вдруг очень захотелось попасть туда.

Если несуществующее озеро выглядит так реально, подумала она, что заставляет поверить в свою реальность, то какова на самом деле реальность?

Миражи, подумала она, везде миражи... Само это слово кажется значительным, настоящим и не допускает сомнений в ложности того, что оно обозначает.

О чем же она думала, перед тем как увлечься зрелищем миража? Да, разумеется, о Тони и о том, какой он эгоистичный и недалёковидный.

Отношения с Тони у нее всегда складывались очень трудно. Он постоянно был такой рассеянный, такой мягкотелый и уступчивый, но тем не менее в его уступчивости, в его вежливой мягкости, в его улыбчивости скрывалась настоящая твердость характера, даже упрямство. Внешне соглашаясь с ее доводами, он поступал по-своему. Скорее всего он никогда не любил свою мать, Джоанна чувствовала это. Он больше тянулся к отцу.

Джоанна припомнила случай, когда семилетний Тони посреди ночи вдруг встал с постели и пришел в спальню к отцу.

– Знаешь, папа, кажется, вечером за ужином среди грибов мне попалась поганка, – совершенно естественным тоном объявил он ничего не понимавшему спросонок отцу. – У меня так болит живот! Наверное я сейчас помру. Поэтому я и пришел, чтобы умереть при тебе.

На самом деле, как оказалось, дело было совсем не в поганке. Просто у мальчика случился острый приступ аппендицита, что, конечно же, само по себе не очень приятно. Родни тут же позвонил в госпиталь, за мальчиком приехала машина и через несколько часов он уже лежал на операционном столе. Но Джоанну в этой, в общем-то обыденной, ситуации задело то, что Тони пришел к отцу, а не к ней. Семилетнему сыну естественнее было бы прийти за помощью к своей матери.

Да, Тони оказался трудным ребенком. В чем он только себя не пробовал! В школе он учился с ленцой, а в играх со сверстниками был неловок и неповоротлив, потому мальчишки старались не приглашать его в свои компании. И хотя он был хорош собою, спокоен характером и приветлив, Джоанна все-таки терпеть не могла его жуткую привычку теряться на прогулках, да и дома тоже. Порой его приходилось искать часами!

– Все дело в защитной окраске, – смеялась Эверил. – У каждого из нас есть свойство принимать

окраску окружающих предметов, когда нас разыскивает мама, чтобы поручить какую-нибудь работу. Но у Тони эта особенность развита как ни у кого!

Джоанна не совсем понимала, что дочь имеет в виду, но молчаливая скрытность маленького сына ее бе-сила и пугала.

Джоанна взглянула на часы. Нет никакой необходимости так спешить, подумала она. Сейчас она вернется к гостинице. Да, утро получилось самое чудесное: ни неприятных приключений, ни неприятных мыслей, ни приступов агорафобии...

Внутренний голос говорил ей: «Джоанна, ты думаешь в точности как больничная сиделка! Кто ты есть, как ты думаешь? Невменяемая? Умственно неполноценная? Нет, ты так о себе не думаешь! Тогда почему ты, ощущая такую гордость за себя, такое самодовольство, тем не менее чувствуешь большую усталость? В самом ли деле это утро выдалось такое приятное и спокойное для тебя? Не обманываешься ли ты?»

Джоанна заторопилась к гостинице, чувствуя, что вот-вот вся приятность этого утра пропадет и раздражающие мысли вновь захватят ее.

Войдя в столовую, она с удовольствием заметила некоторую перемену в блюдах, поданных на ленч. Перемена состояла в том, что на столе стояла тарелка,

полная, груш! Разумеется, это тоже были консервы.

После ленча она поднялась в спальню и легла в постель.

Если бы только ей удалось уснуть и проспять до самого чая!

Но сон не приходил. Мозг ее был возбужден и требовал пищи. Она лежала с закрытыми глазами, но все ее тело было напряжено, словно ожидало чего-то, словно было настороже, готовое защитить себя от какой-то неведомой опасности. Все ее мышцы были напряжены.

«Я должна расслабиться, – подумала Джоанна, – я должна расслабиться».

Но расслабиться ей никак не удавалось. Все ее тело было напряжено, словно стальная пружина. Сердце бешено колотилось в груди. В возбужденном мозгу проносились лихорадочные бессвязные мысли. Такое состояние напомнило ей давно забытое, но хорошо знакомое прежде ощущение. Она мучительно старалась определить его, и наконец нашла верное сравнение – она чувствовала себя точно так же в кабинете у дантиста.

Главным в ее ощущениях было ожидание некой грозящей ей неприятности, предчувствие это занимало все ее мысли, словно она старалась приготовить себя к суровому испытанию.

Но что за испытание ожидало ее?

Что же должно было произойти?

Все эти ящерицы – неприятные воспоминания, сидели по своим норам и не высовывали носа. И все-таки у нее было ощущение приближающейся грозы. Своего рода затишье перед бурей. Ожидание чего-то страшного...

Святые небеса, ее вновь охватило смущение и неуверенность?

Она вспомнила мисс Гилби, ее слова о дисциплине, о духовном возрождении.

Возрождение! Да, она непременно должна хорошенько поразмыслить. Она непременно должна поразмыслить о... о чем? Может быть, о теософии? Или о буддизме?

Нет, она должна обратиться к своей вере. Она должна обратиться к Богу. Ей обязательно надо поразмыслить о любви к Богу. Боже... Отец наш сущий на небесах...

Она вспомнила своего отца, его ровно подстриженную шкиперскую каштановую бородку, его глубокие, в прищуре, голубые глаза, его любовь ко всему, что напоминало о кораблях в море. Сторонник самой строжайшей дисциплины, ее отец был самым типичным адмиралом в отставке. Джоанна вспомнила свою мать, высокую, стройную, рассеянную, неопрят-

ную женщину, с беззаботными ласковыми манерами, благодаря которым никто не мог долго сердиться на нее, если даже она бывала совершенно невыносима.

Ее мать была настолько рассеянна, что могла прийти на званый ужин в перчатках разного цвета и криво надетой юбке, со шляпой, сидящей набок на копне пепельных волос, и при всем этом чувствовать себя совершенно счастливой и безмятежной, не замечающей неполадок в собственном туалете. Джоанну обычно возмущал гнев отца, отставного адмирала, почему-то направленный всегда на дочерей и никогда – на жену.

– Неужели вам трудно присмотреть за мамой? – возмущался старый адмирал. – Как вы могли позволить ей появиться в обществе в таком виде? Знайте же, я не потерплю такой расхлябанности! – гремел его голос, когда отец отчитывал дочерей.

– Но, папочка, – пугливо возражали трое девушек рассерженному отцу, – мы привели ее в полный порядок перед самым выходом.

Отец, строго отчитав их, уходил, а девушки жаловались друг дружке: за мамочкой невозможно уследить! В самом деле, за нею нужен глаз да глаз!

Джоанна очень любила свою мать, но, конечно же, ее любовь к матери не ослепляла ее, и она прекрасно видела, что ее мать на самом деле – очень уставшая, рассеянная женщина, неспособная ни в чем при-

держиваться порядка, а порою она просто неряшлива, что вряд ли искупалось ее добросердечием и искренностью.

Джоанна испытала легкое потрясение, когда после смерти матери разбирала ее бумаги и наткнулась на письмо отца, написанное по случаю двадцатой годовщины их брака.

«Дорогая моя, я глубоко опечален тем, что не могу быть рядом с тобой, в этот день. В своем письме я бы хотел тебе рассказать о том, что твоя любовь означала для меня все эти годы, а также о том, что с каждым днем ты становишься для меня все дороже и дороже. Твоя любовь стала благословением всей моей жизни, и я глубоко признателен Господу за то, что встретил тебя...»

Джоанна прежде даже и не подозревала, что ее отец может испытывать к ее матери такие глубокие чувства.

В декабре у них с Родни будет двадцатипятилетний юбилей их совместной жизни, подумала Джоанна. Серебряная свадьба. Как было бы прекрасно, если бы Родни тоже написал ей такое письмо!

Джоанна тут же представила себе это письмо.

«Дорогая моя Джоанна! Я чувствую, что в этот день я должен написать тебе о том, что всем в своей жизни я обязан тебе! Я хочу сказать тебе, как

много ты значила для меня всю мою жизнь. Я уверен, ты не представляешь себе, каким благословением для меня оказалась твоя любовь!»

Нет, это нереально, подумала Джоанна, выбрасывая прочь из головы воображаемые строки. Даже представить невозможно, чтобы Родни подумал о таком письме, хотя он и очень любит ее!.. А он очень любит ее?.. Он вообще хоть немножечко любит ее?..

Почему этот вопрос повторяется у нее в голове, словно эхо? Почему у нее по спине пробежал холодок, заставив вздрогнуть? И вообще, о чем она думала, прежде чем возник этот вопрос, который вовсе не собиралась задавать себе?

«Конечно же! – Джоанна, смущенная и встревоженная, пришла в себя. – Кажется, я попыталась вызвать самых могущественных и неуправляемых духов прошлого? Лучше бы вместо этого я подумала о простых, земных заботах, об отце и о матери, которые умерли много лет назад».

Они умерли и оставили ее одну.

Совершенно одну в пустыне. Одну в этой похожей на тюрьму гостинице.

Где совершенно не о чем подумать, разве что только о себе.

Джоанна рывком поднялась с кровати. Нечего разлеживаться в постели, если все равно не можешь

уснуть!

Ей уже была ненавистна эта комната с голыми стенами, с окнами, завешанными тюлевыми занавесками. Джоанне казалось, что вся обстановка сжимает ее как тисками, унижает, превращает в мелочь, в насекомое. Ей захотелось оказаться в большом, просторном, наполненном светом и воздухом зале, со светлыми, радующими глаз обоями из кретона и с длинными яркими шторами, и чтобы в камине, гудя и потрескивая, горел огонь, и чтобы вокруг нее были люди, спокойные и радостные, которые пришли повидаться с нею, и чтобы ей самой хотелось их видеть, касаться их рук и разговаривать с ними...

Ох, скорее бы пришел поезд, подумала она, или машина, или вообще что-нибудь...

– Я больше не могу сидеть здесь! – громко воскликнула Джоанна. – Я не могу оставаться здесь, среди этих голых стен!

Но тут же она поняла, что разговаривает сама с собой, причем вслух, и это показалось ей очень плохим признаком.

Она спустилась в столовую, выпила чашку чая и отправилась на воздух, Гулять ей не хотелось, но сидеть в помещении и думать невесть о чем она больше не могла.

Лучше всего, решила Джоанна, если она прогуля-

ется около гостиницы и при этом совсем ни о чем не будет думать. Если она снова начнет размышлять, то наверняка опять расстроится! Посмотрите на этих людей, которые живут здесь, – индус, мальчишка-араб, повар. Скорее всего они просто живут и ни о чем не думают!

Иногда я сижу и мыслю,
А порою – просто сижу.

Откуда это? И что за восхитительный образчик жизни представлен в этих строках!

Не надо ни о чем думать, надо просто ходить. Но только не очень удаляться от гостиницы, как в прошлый раз, когда она чуть не заблудилась. В конце концов можно описывать вокруг гостиницы широкие круги. Круг за кругом. Как скотина на привязи. Нет, это унижительно. Но это так! Надо быть с собою осторожной, очень осторожной! Иначе...

Иначе что? Она не знала сама. Она понятия не имела, какая опасность грозит ей, но чувствовала ее.

Итак, ей нельзя думать о Родни, об Эверил, о Тони. Ей нельзя думать о Барбаре. Ей нельзя думать о Бланш Хаггард. Ей нельзя вспоминать об алых бутонах рододендрона. Да, об алых бутонах рододендрона ей нельзя вспоминать ни в коем случае! Ей нельзя

вспоминать стихи...

Ей нельзя думать о самой себе, Джоанне Скудамор. Но это же она сама! Как она может не думать о себе?..

«Если тебе не о чем подумать, кроме как о себе, то что ты сможешь выдумать о себе нового?»

– Знать ничего не хочу! – громко сказала Джоанна.

Звук собственного голоса поразил ее. Интересно, о чем это она не хочет знать?

Это настоящая битва, подумала она. И я ее проигрываю!

Битва, но с кем? С чем?

«Собственно, это неважно, – подумала она. – Знать ничего не хочу, и все!»

Надо остановиться на этой мысли. Хорошая фраза: «Знать ничего не хочу!»

У Джоанны возникло странное чувство, словно кто-то идет за нею следом. Кто-то, кого она знала очень хорошо. И если она сейчас обернется...

Джоанна рывком обернулась, но никого не увидела. За спиной никого не было.

И все-таки Джоанну не оставляло чувство, что ее кто-то преследует. Это чувство напугало ее. Родни, Эверил, Тони, Барбара – никто из них не мог помочь ей, никто из них не хотел помочь ей. Никто о ней не думал.

Лучше ей вернуться в гостиницу и избавиться от то-

го, кто шпионит за нею, кто бы это ни был.

У крыльца ее встретил индус, Джоанну чуть покачнуло, когда она проходила мимо. Индус внимательно посмотрел на нее.

– Что случилось? – тут же спросила она.

– У мэмсахиб нездоровый вид, – почтительно проговорил индус. – Может быть, у мэмсахиб температура?

Вот в чем дело! Конечно же, у нее просто высокая температура! Как она не подумала об этом раньше?

Джоанна поспешила в спальню. Надо немедленно измерить температуру и принять хинин. У нее где-то было с собой немножечко хинина для такого случая.

Она достала из сумки термометр и сунула под язык.

Высокая температура! Конечно же, у нее высокая температура. Рассеянность, беспочвенные опасения, нервное возбуждение, сердцебиение... Просто она заболела вот и все!

Бедный организм! Она так ослабела за время путешествия. По приезде домой она обязательно займется оздоровительной гимнастикой.

Джоанна вынула изо рта термометр и посмотрела на шкалу.

Тридцать шесть и пять. У нее не было высокой температуры, термометр показал даже чуть-чуть ниже нормальной.

Кое-как она провела этот вечер. Теперь она уже всерьез была обеспокоена собственным состоянием, Нет, причина заключалась не в солнечном ударе и не в повышенной температуре. Причину скорее всего надо искать в расстроенных нервах.

«Нервы шалят!» – обычно говорят люди. Да она и сама нередко говорила так о ком-нибудь. Но у нее то ничего подобного никогда не ощущалось. Теперь же она знает, как это бывает на самом деле. Действительно, нервы шалят! Нервы, черт бы их побрал! Оказывается, ей просто нужен хороший доктор, добрый симпатичный доктор, а также домашняя обстановка и ласковая умелая сиделка, которая бы всегда была рядом и не отходила от нее ни на шаг. «Врач запретил оставлять миссис Скудамор одну!» А вместо этого она теперь сидит в четырёх стенах, в этой выбеленной тюрьме, посреди пустыни, вместе с полуграмотным индусом и дебильным мальчишкой-арабом, да еще с поваром, который из всей кулинарной науки знает лишь как варить рис, открывать консервные банки с лососем и бобами, да варить вкрутую куриные яйца. «Нет, это мне не подходит, – подумала Джоанна, – совершенно не подходит для моей болезни...»

После ужина она поднялась в спальню и доста-

ла пузырек с аспирином. В пузырьке оставалось всего шесть таблеток. Джоанна безрассудно вытряхнула все шесть таблеток на ладонь и проглотила. Конечно, разумнее было бы оставить хоть немного на завтра, но она чувствовала, что должна сделать что-то значительное. «Нет, теперь уже я никогда не отправлюсь в путешествие без достаточного запаса снотворного», – подумала она.

Она разделась и легла в постель, чувствуя легкий страх перед возможной бессонницей и перед неприятными мыслями.

Очень странно, но она уснула почти сразу.

В эту ночь ей снилось, что она оказалась в большой тюрьме с длинными запутанными коридорами. Она пыталась выбраться оттуда, но не могла найти дорогу, хотя все время знала, что выход отсюда ей хорошо знаком...

«Ты обязательно должна вспомнить, – повторяла она себе, – ты обязательно должна вспомнить».

Утром она проснулась совершенно спокойной, хотя и очень утомленной.

– Ты обязательно должна вспомнить, – сказала она себе.

Она встала с постели, оделась и отправилась завтракать.

Она чувствовала себя в полном порядке, хотя была

немного рассеяна.

Наверное, скоро все начнется сначала, со вздохом подумала она. – Ох, ничего с этим не поделаешь!

Съев завтрак, она долго сидела за столом без движения, понимая, что надо встать и куда-нибудь идти, и все-таки не уходила.

Она старалась думать о чем-нибудь конкретном и старалась не думать. И то и другое утомляло ее.

Ей вспомнился офис адвокатской конторы «Олдерман, Скудамор и Уитни». Многочисленные шкафы, набитые папками с документами с белыми бирками. «Имение сэра Джаспера Фолкса, покойного». «Полковник Этчингам Уильямс...» Все это напоминало ей театральный реквизит.

В ее воображении встало лицо Питера Шерстона, строгое и сосредоточенное. Он сидит за столом и читает бумаги. Как он похож на свою мать! Нет, не совсем, у него глаза отца, Чарльза Шерстона. Быстрые, вороватые, черные глаза, в которых трудно увидеть его настоящие мысли. «На месте Родни я бы не очень доверяла этому молодому человеку», – подумала она.

Как забавно, что это пришло ей в голову именно сейчас!

После того, как умерла Лесли Шерстон, Чарльз совершенно опустился. Он быстро пристрастился к ал-

коголю и не раз напивался чуть ли не до потери сознания. Детей забрали к себе родственники. Третий ребенок, крохотная девочка, умерла, когда ей не исполнилось и шести месяцев.

Джон, старший сын, пошел работать лесником и уехал куда-то в глушь. Теперь он жил где-то в Бурме. Джоанне вспомнилась сама Лесли и ее ковры ручной работы. Если Джон пошел в мать, тогда он любит все, что растет на земле и теперь должен быть совершенно счастлив. Она слышала от кого-то, что дела у него идут хорошо.

Второй сын Шерстонов, Питер, пришел к Родни и сказал, что хотел бы работать у него в конторе.

– Мама сказала мне, что вы обязательно сможете помочь, сэр, – избегая взгляда Родни, проговорил юноша.

Он был привлекательным, решительным, улыбочивым и мягким. Джоанна всегда думала, что природа отпустила юноше привлекательности на двоих.

Родни был рад принять мальчика к себе. Это немного сглаживало тот огорчительный факт, что его собственный сын предпочел другую профессию, уехал куда-то за море и почти полностью прервал отношения с родителями.

Со временем Родни стал смотреть на Питера почти как на сына. Юноша часто бывал у них в доме и всегда

был вежлив и почитателен с Джоанной. У него были свободные приятные манеры, совсем не такие, как у его отца.

Но однажды Родни вернулся домой с весьма обеспокоенным видом. В ответ на расспросы он неприязненно отвечал, что ничего не случилось, просто он очень устал. Но неделю спустя он не выдержал и обмолвился, что Питер уезжает от них: молодой често-зек решил поступить на работу в авиастроительную компанию.

– Ох, Родни, почему он так решил? – недоумевала Джоанна. – Ты ведь так хорошо относился к нему! Мы оба очень его полюбили!

– Да, приятный парень, – отстраненно заметил Родни.

– Так в чём же дело? – не отставала Джоанна. – Он стал лениться?

– Ох, нет, у него хорошая голова, и он совсем не ленив. Представляешь, он очень хорошо запоминает числа.

– Как его отец?

– Да, как его отец. Но, видишь ли, – печально вздохнул Родни, – современная молодежь тянется к новым открытиям, к новой технике, к самолетам.

Но Джоанна его не слушала. У нее в душе зашевелилось подозрение, мгновенно вызвавшее вереницу

мыслей. Уж слишком неожиданно Питер Шерстон решил уехать от них.

– Родни, может быть, с ним что-то не так? – помолчав, спросила она.

– Что не так? Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду... Может быть, он как его отец? Лицом он похож на Лесли, но взгляд у него, как у отца, бегающий и непроницаемый. Ох, Родни, неужели это правда? Питер что-то натворил?

– Нет, – не глядя на нее, глухо проговорил Родни. – Но у него есть причина уехать.

– Какая-нибудь махинация со счетами? Он украл деньги?

– Я же сказал, что нет! – раздраженно проговорил Родни. – Ничего особенного, это неважно.

– Ага, я так и знала! Он такой же нечестный, как и его отец! У него плохая наследственность, – с торжеством заключила Джоанна и хотела добавить насчет яблока, которое падает недалеко от яблони.

– Нет, с этим у него все в порядке, – буркнул Родни. – Но он очень странный, он все делает не так.

– Ты хочешь сказать, что он такой же рассеянный, как была Лесли? Да, я всегда считала, что она не очень сообразительная женщина, не правда ли?

– А я считаю, что это не так и она была очень умным человеком! – сухо отрезал Родни, – Она знала свою

работу и прекрасно справлялась с ней.

– Бедная женщина! – вздохнула Джоанна.

– Не смей ее жалеть! – неприязненно бросил Родни. – Это меня раздражает.

– Но, Родни, дорогой, – пролепетала Джоанна, видя, что в эту минуту с мужем лучше не спорить, – весь город знал, что у нее была очень грустная жизнь.

– А я так не думаю, – упрямо возразил Родни.

– А как она умерла? Ты помнишь ее смерть?

– Давай-ка лучше, дорогая, прекратим этот разговор! – сердито сказал Родни и отвернулся.

Каждый человек боится рака, подумала Джоанна. Людей пугает даже само слово, и они избегают его. Вместо него употребляют что угодно: злокачественная опухоль, серьезная операция, неизлечимая болезнь, что-то внутреннее, наконец. Даже Родни не любит, когда разговор заходит на эту тему. В общем, это понятно, думала она. Никто не знает, что ему грозит и чем кончится раковое заболевание – жизнью или смертью. Рак нападает порою даже на самых здоровых людей. Он поражает и тех, кто в своей жизни ни разу не болел!

Джоанна вспомнила тот день, когда она услышала страшную новость от миссис Ламберг. Это было на рыночной площади.

– Вы слышали, дорогая моя? Бедная миссис Шер-

стон?

– А что с нею?

– Умерла! Желудок. – Миссис Ламберг понизила голос. – Я уверена, что-то внутреннее, Операция была бесполезна. Она страдала от ужасной боли, я слышала. Но она держалась очень мужественно. Она не оставляла работу, пока не слегла совсем. Это случилось за две недели до ее смерти. Она никому ничего не говорила, а тем временем ее как можно скорее надо было класть на операционный стол. Жена моего племянника видела ее два месяца назад. Она уже тогда выглядела очень больной и была худой, как тростинка. Но она держалась очень хорошо, улыбалась и шутила. Я думаю, что люди никогда не верят в серьезность своей болезни. Да, у нее была очень грустная жизнь. Бедная женщина! Осмелюсь сказать, смерть принесла ей облегчение.

Джоанна тут же поспешила домой и рассказала все Родни. Родни спокойно ответил ей, что все знает. Дело в том, что он является исполнителем ее последней воли, сказал Родни, поэтому ему сообщили о смерти Лесли в первую очередь.

Лесли Шерстон не оставила почти никакого наследства. Все, что осталось, было поделено между ее детьми. Ее завещание особенно тронуло весь Крайминстер тем, что она распорядилась перевезти ее

прах в Крайминстер и там предать погребению. «Потому что в этом городе я была очень счастлива», – говорилось в завещании.

Итак, Лесли Аделина Шерстон нашла вечный покой на кладбище за церковью Святой Марии, в Крайминстере.

Странное пожелание, как могут подумать некоторые, принимая во внимание, что именно в Крайминстере ее мужа привлекли к суду и отправили в тюрьму за растрату банковских средств. Но другие говорили, что такое пожелание вполне естественно. Все-таки перед этим она жила без забот, очень обеспеченно, и поэтому свой отъезд из Крайминстера она скорее всего восприняла как изгнание из райского сада.

Бедная Лесли! Трагедия коснулась всей ее семьи, потому что ее младший сын Питер, который оставил работу у Родни в адвокатской конторе, закончил школу пилотов, стал летчиком-испытателем и погиб в авиакатастрофе.

Родни чрезвычайно тяжело переживал его гибель. Он почему-то винил себя в смерти Питера.

– Послушай, Родни, – утешала его Джоанна, – я не понимаю, причем тут ты, почему ты считаешь себя виноватым в его смерти? Ты же ничего не сделал!

– Лесли перед смертью отправила его ко мне, – горестно качал головой Родни, – она сказала, что я дам

ему работу и буду заботиться о нем.

– Ты так и сделал. Ты принял его к себе на работу, ты заботился о нем.

– Да, я понимаю, – вздохнул Родни.

– Правда, потом он предпочел все-таки уехать, и ты не смог предостеречь его от беды, но что ты мог поделать? Он сам того захотел. Тебе не в чем винить себя.

– Нет, нет, дорогая, ты неправа, – горестно возражал Родни. – Разве ты не понимаешь, почему Лесли отправила его именно ко мне? Да потому, что она понимала: у него слабый характер, ему свойственна некоторая рассеянность, характерная для всех Шерстонов. С Джоном все в порядке, у него не такой характер, но Питер... Она доверила мне своего сына, чтобы я предохранил его от рискованных поступков. У него был своеобразный характер. В нем смешались изворотливость Чарльза Шерстона и достоинство Лесли. Его командир написал мне, что он был лучшим пилотом в их отряде, совершенно бесстрашным и очень мудрым – он так и выразился – в отношении к технике. Мальчик согласился провести испытания нового секретного двигателя. Все знали, что это опасно. И вот произошла катастрофа.

– Да, он погиб смертью героя, – вздохнула Джоанна. – Это героическая смерть.

Родни мрачно посмотрел на жену.

– Все так, Джоанна, – произнес он. – Но ты бы говорила об этом совсем по-другому, если бы твой собственный сын погиб в катастрофе. Ты была бы довольна, если бы Тони погиб такой смертью героя?

Джоанна растерянно посмотрела на него.

– Но... Но Питер не наш сын. Это совсем другое дело.

Родни махнул рукой и отвернулся.

– Да нет, я ничего не говорю. Я просто думаю, какое горе было бы для Лесли, доживи она до этого дня, – глухо проговорил он.

Джоанна встала из-за стола, сделала несколько шагов по гостиной.

Почему Шерстоны то и дело возникают в ее мыслях, как будто они тут, рядом? У Джоанны есть и другие знакомые, которые значат для нее гораздо больше, чем семья Шерстонов.

К слову сказать, ей всегда не нравилась Лесли Шерстон. Ей просто было жаль эту женщину, вот и все. Бедная Лесли теперь нашла вечный покой под тяжелой мраморной плитой.

Джоанна вздрогнула. «Я замерзла, – подумала она, – что-то стало холодно. Как в могиле. И кто-то ходит надо мной».

Странно, но она легко представила себя на месте

Лесли Шерстон!

Там, в могиле у Лесли, подумала она, холодно и темно. Ох, лучше я выйду поскорее на солнышко. Больше не хочу оставаться здесь, в четырех стенах, Эти стены навевают мне грустные мысли.

Джоанна направилась к двери. Но в воображении у нее все еще стояла перед глазами могила Лесли Шерстон, и алый тяжелый бутон рододендрона, выпавший у Родни из петлицы, лежал на мраморной плите.

И ветры злые рвут бутоны мая...

Глава 9

Джоанна чуть ли не бегом вышла из гостиницы. Сразу же от крыльца она направилась мимо кучи мусора, едва взглянув на куриц и мальчишку-араба, дремавшего во дворе.

Здесь, под открытым небом, под ярким солнцем ей стало легче.

Теперь ее страшила прохлада внутренних комнат и хотелось тепла.

Уйти от всего этого куда глаза глядят.

А собственно, что она имеет в виду, когда думает, что хорошо бы уйти ото всего этого?

Неожиданно рядом с нею возник призрак мисс Гилби, говорившей непререкаемым тоном:

– Побольше дисциплины в мыслях, Джоанна! Точнее подбирай выражения. Заставь свой мозг хорошенько обдумать исходные посылки, на которых ты будешь строить рассуждения. Определи наконец, отчего именно ты хочешь избавиться.

Но Джоанна не знала сама. У нее не было ни малейшего представления, от чего ей надо избавиться.

Ею владел неопределенней страх, некое грозное предчувствие преследовало ее.

Словно что-то неотвратимое поджидало ее, и ей

ничего не оставалась делать, как только хитрить с собой, лгать себе и изворачиваться.

«В самом деле, Джоанна Скудамор, – мысленно обратилась она к себе, – вы ведете себя очень странным образом!»

Но она понимала, что словами она себе не поможет. Что-то с нею было не так. Дело вовсе не в агорафобии. (Кстати, она правильно называет эту болезнь? Ее почему-то тревожила собственная неточность в отношении этой болезни). Нет, агорафобия ни при чем, потому что в этот раз она убежала как раз от прохладного, замкнутого помещения, стремясь выбраться на открытое пространство, где много солнечного света и тепла. Здесь, на открытом воздухе, она почувствовала себя гораздо лучше.

Скорее! К свету и солнцу! Прочь от этих мыслей!

Да, она слишком долго просидела в четырех стенах, под этим низким потолком, который делает спальню похожей на могильный склеп.

Могила Лесли Шерстон, и Родни с красным бутоном рододендрона...

Лесли... Родни...

Прочь...

К солнцу, к свету...

В спальне так холодно, так темно...

Холод и одиночество...

Джоанна поежилась и ускорила шаги. Прочь от этого ужасного мавзолея, который она почему-то приняла за гостиницу. В нем так мрачно, так тоскливо...

В таком месте легко вообразить, себе привидение. Что за глупая мысль? Это же практически новое здание, которое сдали в эксплуатацию года два назад, не более.

В новых домах не водятся приведения, это известно каждому.

Нет, если в гостинице завелись привидения, это значит, что она, Джоанна Скудамор, привезла их с собой, как тараканов.

Да, не очень приятная мысль.

Она еще ускорила шаги.

«Во всяком случае, – думала она, – теперь-то уж со мною никого нет. Никто не шпионит за мной. Я совершенно одна. Здесь даже некого встретить!»

«Я как... Кто это был? Стэнли или Ливингстон? Они встретились в джунглях Африки».

– Какая встреча! Доктор Ливингстон, я полагаю?

Ничего подобного. Здесь она может столкнуться лишь с одним человеком – с собой, Джоанной Скудамор.

Как смешно!

– Джоанна Скудамор? Какая встреча!

– Очень рада вас видеть, миссис Скудамор!

В самом деле, очень забавная мысль. Встретить себя...

Встретить себя?

О, Господи! Как она испугалась!

Она ужасно испугалась.

Ее ходьба давно уже перешла в бег. Она, спотыкаясь и запинаясь, бежала вперед. Ее мысли спотыкались в такт шагам.

..Я так перепугана!..

...О Боже, как я напугана!..

...Если бы кто-нибудь был рядом! Кто-нибудь был рядом со мной...

Бланш, подумали она. Я хочу, чтобы здесь была Бланш.

Да, Бланш – единственная, кого она хотела увидеть.

Никого не надо, ни родных, ни близких. Ни друзей.

Одну только Бланш...

У Бланш легкий, добродушный нрав. Бланш добрая. Ее ничем не удивишь и не испугаешь.

Во всяком случае, Бланш хорошо о ней думает. Она считает, что Джоанна добилась успеха в жизни. Бланш любит ее.

Джоанна оглянулась, но вокруг никого не было.

Так вот оно! Эта мысль была с нею все время. Это было то, что знала настоящая Джоанна Скудамор. То,

что она знала всегда... Ящерицы высунули головы из своих норок...

Истина...

Маленький кусочек истины, словно ящерица, выглядывавшая из норки, говоря: «Я здесь. Ты меня знаешь. Ты знаешь меня очень хорошо. Не притворяйся, будто не знаешь меня».

Да, она знала всё эти мысли, потому что они были частью ее самой.

Она могла узнать каждую из них. Они смотрели на нее, усмехались ей.

Все это были кусочки, осколочки истины. Это они то и дело показывались ей на глаза, начиная с того дня, как она приехала сюда. От нее требовалось лишь одно— собрать их воедино.

И тогда получится полная история ее жизни, настоящая история жизни Джоанны Скудамор. Вот она, ее история, ожидает ее...

Прежде у нее просто не было случая подумать о своей жизни. Она безо всякого труда заполняла ее незначительными пустяками так, что времени для самопознания просто не оставалось.

Как это сказала Бланш?

«Если тебе не о чем думать, разве что о себе, то, интересно, что ты узнаешь о себе?»

И какой высокомерный, какой презрительный, ка-

кой глупый был ее ответ!

«Разве может человек открыть в себе то, чего он не знает заранее?»

«Иногда мама, я думаю, что ты вообще ни о ком ничего не хочешь знать»...

Так сказал ей Тони.

Как Тони был прав!

Она ничего не знает о собственных детях, а также о Родни. Она их любит, но ничего о них не знает.

Она должна все узнать.

Если ты любишь людей, ты должен знать о них все.

Ты о них ничего не знала, потому что было намного легче верить в хорошее, принимать желаемое за действительное и не расстраивать себя тем, что было на самом деле.

Как Эверил. Но Эверил страдала, и ей от этого больно.

Но она не хотела знать, что Эверил страдала... Эверил всегда презирала ее... Эверил с юных лет научилась не замечать ее, смотреть сквозь нее. Эверил, которую жизнь сломала и покалечила и которая даже сейчас, наверное, все еще оставалась душевно надломленной.

Но у нее, даже такой сломленной, есть достоинство.

Это то, чего Джоанне всегда не хватало. Достоин-

ства.

«Достоинство – это еще не все», – сказала она.

«Не все?» – переспросил Родни и усмехнулся.

Родни был прав...

Тони, Эверил, Родни – все они ее обвиняли.

А Барбара?

Что же было не так с Барбарой? Почему доктор был так неразговорчив? Что они все от нее скрывали?

Что натворила ее малышка, ее непослушная, безрассудная девочка, которая вышла замуж за первого встречного и ушла с ним, бросив родительский дом?

Да, именно так, именно это Барбара и сделала. В родном доме она была несчастна. Она была несчастна, потому что Джоанна ничего не сделала, чтобы дом был счастливым для детей.

Она никогда по-настоящему не любила Барбару и не понимала ее. Бесцеремонно и эгоистично она сама определяла, что хорошо для Барбары, а что плохо, не считаясь ни с вкусами девочки, ни с ее желаниями. Она изгоняла ее друзей, позорила их в глазах дочери. Неудивительно, что мысль о замужестве и Багдаде для Барбары стала мыслью о единственной возможности освободиться.

Она вышла замуж за Билли Врэя торопливо, наспех, под влиянием минутного чувства, совершенно не испытывая к нему любви, как сказал Родни. И что

же из этого вышло?

Что же произошло там в Багдаде? Любовная интрига? Неудачная любовная интрига? Вероятнее всего, в этом замешан майор Рейд. Да, если это так на самом деле, то очень легко объяснить замешательство Билли и Барбары, когда Джоанна упомянула о нем. Только такой проходимец, думала Джоанна, и мог очаровать глупую девочку, которая еще не успела как следует повзрослеть.

И тогда, обманутая, в приступе крайнего отчаяния, к которому она была склонна с раннего детства, она утратила всякое чувство меры и попыталась лишиться себя жизни. Да, видимо, все произошло именно так.

Джоанна застала Барбару больной, очень больной, опасно больной.

Интересно, а знал ли об этом Родни? Он явно пытался отговорить ее от поездки в Багдад.

Нет, Родни не мог этого знать. Иначе он обязательно все бы ей рассказал, А впрочем, нет. Вряд ли он стал бы рассказывать ей о подобных вещах. Как бы то ни было, муж всеми силами старался уговорить ее отказаться от поездки.

Но Джоанна уже решила. Она чувствовала, что не может вынести неизвестности и оставаться вдали от своей бедной заболевшей девочки. Она так и сказала Родни.

Да, с ее стороны это было искреннее душевное движение.

Но только... Может быть, все-таки это было лишь частью истины?

Может быть, она просто была увлечена мыслью о путешествии, о новизне впечатлений, предвкушением знакомства с неизвестными уголками мира? Может быть, ей нравилось играть роль заботливой матери? Может быть, она хотела видеть в себе искреннюю, пылкую натуру, стремящуюся на помощь к своей больной дочери, к своему убитому горем зятю? Как достойно, как любезно с твоей стороны, мамочка, сказали бы ее дети, бросив все, немедленно приехать к нам!

На самом деле, конечно же, они вовсе не были рады видеть ее! Откровенно говоря, они были напуганы. Они предупредили доктора, чтобы тот придержал язык, и сделали все возможное, чтобы она не узнала правду. Они не хотели сказать ей правду потому, что они ей не доверяли. Барбара не доверяла ей. Во что бы то ни стало скрыть все от матери – вот о чем думала она в те дни, пока Джоанна гостила у них в Багдаде.

Какое облегчение они почувствовали, когда Джоанна объявила о том, что ей пора возвращаться домой. Но они очень хорошо скрыли свои чувства за вежливыми протестами, упрашивая ее погостить еще. А ко-

гда она и в самом деле высказала мысль, что неплохо бы немного задержаться, то Уильям немедленно и энергично переубедил ее.

В действительности, единственное доброе дело, которому она помогла осуществиться своим торопливым приездом к ним в Багдад, заключалось, наверное, в том, что духовно разъединенные Барбара и Уильям объединились в общем усилии поскорее избавиться от нее и сохранить свою тайну. Странно, конечно, если это и в самом деле единственный добрый результат ее визита. Джоанна вспомнила, как часто Барбара, все еще слабая, лежа в постели, умоляюще глядела на Уильяма, и Уильям с напряженным лицом начинал торопливо объяснять какие-то непонятные, запутанные обстоятельства, изо всех сил стараясь замазать бестактные вопросы Джоанны. И тогда Барбара смотрела на него благодарным и признательным взглядом.

Потом они пошли провожать Джоанну на вокзал. Они стояли на платформе и смотрели, как она садится в поезд. Выглянув из окна вагона, Джоанна увидела, как Уильям держал Барбару за руку, а Барбара доверчиво прильнула к нему.

– Потерпи, дорогая. – наверное, с такими словами Уильям обращался к своей жене. – Еще немного, и она уедет...

А когда поезд ушел и увез Джоанну, они, наверное, вернулись домой, к себе в Ольвах, и стали играть с Мопси, потому что оба они любили больше всего на свете Мопси, эту милую крошку, маленькую смешную копию Уильяма, а Барбара, вероятно, говорила:

– Слава Богу, наконец она уехала, и мы снова остались одни.

Бедный Уильям! Он так любил Барбару! И был так несчастен! И всё-таки, несмотря ни на что, он сохранил к ней любовь и нежность.

– Можешь о ней не беспокоиться! – сказала Бланш, – Теперь с нею все будет в порядке. У них ведь ребенок.

Милая Бланш! Она старалась разуверить Джоанну в том, что для нее попросту не существовало!

А она, Джоанна, глупая и непроницательная женщина, еще питала к своей подруге эту дурацкую высокомерную жалость. Не Бланш достойна жалости и презрения, а она, Джоанна!

«Благодарю тебя, Господи, что я не такая, как эта женщина!»

Да... И она еще смела молить об этом Господа!

В эту минуту Джоанна была готова отдать все на свете, чтобы Бланш оказалась рядом с нею!

Она хотела, чтобы Бланш стояла рядом, добрая, ласковая, никогда в своей жизни никого не унижавшая

и не обидевшая ни одно живое существо.

Джоанна вспомнила, как вчера вечером молилась в гостинице, до глубины души обуянная высокомерным духом превосходства над прочими смертными.

Могла ли она молиться теперь, когда видела сама, что стоит посреди пустыни с обнаженной душой, без единого утешительного воспоминания? Слезы подступили у нее к горлу, она упала на колени.

...Боже! – молила она. – Помоги мне...

...Я схожу с ума, Боже...

...Не дай мне сойти с ума...

...Избавь меня от мыслей...

Ответом ей была тишина...

Тишина и солнечный свет...

И гулкие удары сердца в груди...

«Бог покинул меня», – думала она.

...Бог не хочет помочь мне...

...Я одинока, совершенно одинока...

В ответ – лишь жуткая тишина... Она в полном одиночестве...

Бедная, несчастная Джоанна Скудамор... Глупая, претенциозная, себялюбивая женщина...

Она одна во всей пустыне.

«Христос, – думала она, – тоже был одинок в пустыне».

Сорок дней и сорок ночей...

...Нет, никто не может вынести этого, никто...

Молчание. Солнце. Пустота...

На нее снова напал страх, страх пустого пространства, где человек был одинок...

Она вскочила на ноги. Ей непременно надо вернуться в гостиницу, непременно надо вернуться!

Индус... Мальчишка-араб... Тощие курицы... Пустые жестянки из-под консервов...

Род человеческий...

Она диким взглядом посмотрела вокруг. Гостиницы не было видно, как не было видно ни железнодорожной станции, ни даже далеких холмов, по которым она ориентировалась позавчера.

Очевидно, сегодня она зашла в пустыню дальше, чем прежде, так далеко, что вокруг нее все стало одинаковым, и она потеряла ориентиры.

К своему ужасу Джоанна поняла, что даже не представляет себе, в какой стороне находится гостиница.

Но холмы, те далекие холмы, они-то не могли исчезнуть! И все-таки вокруг нее до самого горизонта простиралась ровная пустыня. Далеко на окраине виднелись маленькие белые пятна. Что это? Холмы? Облака? Никто ей этого не скажет.

Джоанна поняла, что заблудилась, окончательно заблудилась...

Да, но она помнила, что шла на север, вот именно

на север!

Где же север?

Она посмотрела на солнце. Солнце висело прямо над ее головой, и по нему невозможно было определить направление.

Она потерялась. Она потерялась и теперь уже никогда не найдет дорогу обратно.

Неожиданно паника охватила, ее, и она бросилась бежать.

Сначала в одну сторону, затем в противоположную... В отчаянии, совершенно обезумевшая, несколько минут она бегала туда и сюда.

Она начала кричать, призывая на помощь.

– Помогите! Помогите!

Наконец она поняла, что никто ее не услышит, потому что она слишком далеко ушла в пустыню.

Песчаная земля поглощала ее голос и заглушала его, превращая в негромкое жалобное блеяние овцы. Она, как заблудшая овца, подумала Джоанна, как заблудшая овца...

Сбирает овец.

Господь мой, мой пастырь.

Родни, ее дом – зеленое пастбище, ее зеленое пастбище, ее долина...

– Родни! – звала она, кричала она. – Помоги мне! Помоги мне!..

Но Родни уходил от нее по платформе в другую сторону, распрямив плечи, гордо откинув голову назад, счастливый в предвкушении нескольких недель свободы, чувствующий себя снова молодым.

Он не слышал ее.

Эверил! Может быть. Эверил поможет ей?

– Я твоя мать, Эверил, я все делала только для тебя...

Нет, Эверил спокойно вышла из комнаты, сказав на пороге:

– Я ничем не могу помочь.

Тони! Вот кто ей поможет! Тони!

Нет, и Тони не мог ей помочь. Он уехал далеко-далеко, в Южную Африку.

Барбара... Но Барбара была очень больна. Барбара отравила себя.

«Лесли! – подумала она. – Лесли всегда поможет мне!»

Но Лесли умерла. Она страдала всю жизнь и наконец умерла.

Джоанна поняла, что у нее не осталось никого в целом свете.

Она снова пустилась бежать. Безнадежно. Отчаянно. Без малейшего представления о направлении. Она просто бежала, бежала, бежала... Пот ручьем лился у нее по лицу, заливал глаза, струился по шее,

обливал все ее тело...

«Это конец...» – подумала она.

Боже, подумала она, Боже... Здесь, в пустыне, ее мог встретить только Христос...

Христос мог указать ей дорогу в зеленый дол.

...Он мог повести ее со своими овцами...

...Заблудшую овцу...

...Раскаявшуюся грешницу...

...В тенистую зеленую долину...

...Но вокруг ярко сияло одно лишь солнце...

...Он мог повести ее к свету. К мягкому ласковому свету. Но жестокое солнце жгло ее своими лучами...

Зеленая долина, зеленая долина... Она непременно должна найти зеленую долину...

Она непременно должна вернуться на Хай-стрит, что пролегает посреди Крайминстера.

Она должна вырваться из пустыни.

«Сорок дней и сорок ночей».

Прошло всего три дня. Так что Христос наверное еще здесь.

«Боже, – молилась она, – помоги мне...»

Боже...

Но что это?

Там, справа, вдалеке, она разглядела на горизонте крошечное пятнышко! Это была гостиница! Она спасена!

Спасена... Колени ее подломились, Джоанна рухнула на землю.

Глава 10

Сознание медленно возвращалось к Джоанне... Она чувствовала себя очень усталой и очень больной. Она чувствовала себя слабой, как младенец. Но она была спасена. Гостиница находилась в той стороне. Теперь, когда она немного отдохнула, ей стало лучше. Она встала на ноги и, шатаясь, направилась в ту сторону.

Через некоторое время она остановилась отдохнуть и обдумать все случившееся с нею. Она думала обо всем сразу, воспринимая все целиком, не пытаясь анализировать и разбираться в деталях.

В конце концов Господь не оставил ее... Ее все-таки покинуло это ужасное сознание собственного одиночества...

«Но Мне надо все обдумать, – сказала она себе. – Я должна все основательно обдумать. Я должна взглянуть на всё открытыми глазами. Вот почему я здесь! Взглянуть на все открытыми глазами...»

Она непременно должна была узнать, раз и навсегда, что за человек, эта самая Джоанна Скудамор.

Вот для чего она оказалась здесь, в пустыне. Под этим ярким жгучим солнцем, которое поможет ей рассмотреть и понять саму себя. Этот яркий, льющийся с

неба свет осветит и покажет ей истину во всем, на что она прежде не хотела смотреть и что на самом деле в глубине души знала все время.

Вчера она получила в руки ключ к собственной душе. Наверное, лучше всего начать именно с него. Потому что именно тогда ее охватило чувство слепой паники. Так с чего же все началось?

Она начала читать стихи – вот с чего все началось.
Цветущею весной я скрылась от тебя...

Именно эта строка именно она заставила ее думать о Родни, и она сказала: «Но сейчас ноябрь...»

А Родни в тот вечер сказал: «Но сейчас октябрь...»

Это было вечером того дня, когда он сидел на гребне Ашелдона вместе с Лесли Шерстон. Они оба сидели в молчании, в четырёх футах друг от друга. И она еще подумала, увидев их, что они не очень похожи на близких друзей, не так ли?

Но теперь она понимала, да и тогда тоже должна была понять, почему они сидели не рядом.

Да просто потому, что они не осмеливались сесть рядом друг с другом...

Родии и Лесли Шерстон...

Не Мирна Рэддольф. О, вовсе не Мирна Рэндольф! Это она сама произвольно выдумала миф о Мирне Рэндольф, потому что в глубине души прекрасно понимала, что между Мирной и Родни ничего нет и быть

не может. Она воздвигла миф о притязаниях Мирны Рэндольф, словно дымовую завесу, чтобы скрыть то, что было в самом деле.

А частично – будь же честной хоть теперь, Джоанна! – а частично потому, что ей было легче смириться с Мирной Рэндольф, нежели с Лесли Шерстон.

Ее гордость была уязвлена в меньшей степени, когда она признала, что Родни увлекся Мирной Рэндольф, красивой и безмозглой сиреной, способной свести с ума любого мужчину, не обладающего сверхчеловеческой твердостью.

Но Лесли Шерстон!.. Лесли, которую не назовешь даже красивой, которая не могла похвастать молодостью, которая даже не умела как следует одеваться... Лесли со своей вечно усталой физиономией и забавной кривоватой улыбкой... Признать, что Родни влюблен в Лесли, причем влюблен с такой страстью, что даже не осмеливается сесть к ней ближе чем на четыре фута, – такого признания Джоанна позволить себе не могла и не хотела.

Безнадежная тоска, мука неутоленного желания, сила страсти, которую Джоанна никогда не знала... Все это было между ними в тот день, когда они сидели на вершине Ашелдона, и Джоанна все это очень хорошо поняла и потому торопливо ушла оттуда, воровато и стыдливо, ни на мгновение не позволяя себе

поверить в то, что почувствовала, и осознать все это как реальность...

Родни и Лесли сидели там в молчании и даже не смотрели друг на друга, потому что не осмеливались прочесть друг у друга в глазах собственные чувства.

Лесли так сильно любила Родни, что после смерти пожелала быть погребенной в городе, где жил он.

Джоанна вспомнила, как Родни, склонясь над мраморной плитой, сказал: «Не могу свыкнуться с мыслью, что Лесли Шерстон лежит под этой холодной мраморной плитой». И после этих слов у него из петлицы выпал бутон рододендрона, словно всплеск алой крови.

«Кровь сердца, – сказал он тогда. – Это кровь сердца».

А что он сказал после этого? Он сказал: «Я устал, Джоанна, я очень устал». А позднее, таким странным тоном: «Нам всем не хватает мужества.»

Конечно же, он думал о Лесли, когда говорил эти слова. Он думал о Лесли, о ее мужестве, о ее необыкновенном чувстве собственного достоинства.

«Достоинство, это еще не все...»

«Не все?»

Именно после этого у Родни сдали нервы; смерть Лесли оказалась для него слишком сильным ударом.

Теперь Лесли лежит на кладбище, слушает крики

чаек, абсолютно равнодушная к земной жизни, и, наверное, посмеивается над ее житейской суетой....

«Ты хоть что-нибудь знаешь о нашем отце?» – почувствовался ей презрительный голос Тони.

Нет, очевидно, она ничего не знала о своем муже. Она даже не подозревала, что от нее что-то могут скрывать! Впрочем, она ничего не знала потому, что не хотела ничего знать.

Лесли, в тот день, когда Джоанна случайно оказалась у нее в гостях, стояла, у окна и объясняла, почему она хочет ребенка от Чарльза Шерстона.

Родни вспоминая о Лесли, тоже стоял у окна. «Лесли никогда не останавливается на половине пути», – сказал он.

Что они там видели, в своих окнах, эти двое, когда стояли так и о чем-то думали? Что видела Лесли, кроме яблонь и анемонов в своем саду? Что видел Родни, кроме теннисного корта и пруда с золотыми рыбками? Может быть, они оба вспоминали накрытую голубой дымкой зеленую долину с темными пятнами леса на дальних холмах, которую они так долго рассматривали, сидя вместе на вершине Ашеддона?

«Бедный Родни. Бедный мой Родни! – вздохнула Джоанна.

У Родни всегда такая добрая, чуть насмешливая улыбка. Он иногда говорит ей: «Бедная моя, малень-

кая Джоанна!» Он всегда говорит это с доброй улыбкой, которая никогда не обижает ее.

Все-таки она всегда была ему хорошей женой. Разве не так?

Она всегда в первую очередь защищала его интересы...

Стоп! Разве это на самом деле так?

В воображении у нее вновь встало умоляющее лицо Родни, его грустные глаза. От почему-то считает, что у него всегда грустные глаза.

«Откуда я мог знать, что так возненавижу конторскую работу?» – сказал он ей.

«Как ты можешь знать, что я буду счастлив?» – хмуро спросил он ее.

Родни молил ее дать ему жить так, как он хочет, то есть, быть фермером.

Родни в рыночный день часами простаивал у окна в своем офисе, глядя на скот.

Родни с видимым удовольствием разговаривал с Лесли Шерстон о содержании скота, об уходе за ним и о сохранении породы.

Родни говорил Эверил: «Если человек не имеет возможности заниматься тем, что ему по душе, то это человек лишь наполовину».

Именно этого и добилась Джоанна в отношении Родни.

Джоанна лихорадочно пыталась защитить себя от суда собственной совести.

Ведь она думала, как сделать лучше! Человек просто обязан быть практичным! В конце концов, надо было подумать о детях! Все, что она делала, она делала не из эгоистических побуждений, а единственно ради семьи!

Но этот ее внутренний протест тут же замер перед неопровержимыми доказательствами собственной совести.

А разве она не эгоистка?

Разве она не возражала, причем в самой категоричной форме, против жизни на ферме? Она всегда, по ее словам, желала детям добра, но разве так получились на самом деле? Разве Родни был неправ, когда говорил ей, что она заставляет детей делать то, что прежде всего нужно ей самой?

Разве не он, как их отец, обладает преимущественным правом выбора, как жить детям? Мать им нужна лишь для того, чтобы они были здоровы, сыты, ухожены и чтобы с уважением и почтительностью воспринимали правила и примеры жизни, подаваемые их отцом, Разве не так?

Родни говорил, что жизнь на ферме пойдет на пользу детям.

Тони не скрывал, что был бы очень рад такой жизни.

Родни заметил, что не следует мешать Тони жить той жизнью, которая ему по душе.

– Я не люблю заставлять людей делать то, чего они не хотят, – сказал Родни.

Но сама Джоанна отнюдь не стеснялась заставлять Родни делать то, чего ему не хотелось.

«Но я люблю Родни! – с неожиданной острой болью подумала Джоанна. – Я люблю Родни. Не может быть, чтобы я не любила его!»

И вдруг она с отчетливой ясностью поняла, что тем более ее вина непростительна.

Она любила Родни и тем не менее так с ним обращалась!

Ее поведение можно было бы понять и извинить, если бы она ненавидела его.

Если бы даже она была к нему совершенно равнодушна, и то ее грех был бы не столь велик.

Но она любила его и все-таки, любя его, отняла у него его право, принадлежащее ему от рождения, – право выбирать собственный способ и образ жизни.

И вследствие того, что она беззастенчиво пользовалась своим исконным женским оружием: ребенок в колыбели, ребенок в ее чреве, – она отняла у него что-то такое, чего он уже никогда не восстановит. Она отняла у него долю его мужества.

Его прирожденная мягкость и вежливость не позво-

ляли ему бороться с нею, отстаивать свои права, и в этом отношении он, конечно же, был перед нею, наверное, самым незащитным человеком на земле.

«Родни!.. Мой Родни! – думала Джоанна. – Никогда я не смогу тебе вернуть то, что отняла! Никогда я не смогу восстановить урон, который нанесла тебе!»

«Но я люблю его! Ведь я же люблю его!»

«Я и Эверил люблю, и Тони, и Барбару...»

«Я всегда любила их...»

«Но этого, очевидно, недостаточно», – тут же возражала она самой себе.

«Родни! Неужели теперь уже ничего нельзя поделаться? – спрашивала себя Джоанна. – Неужели мне нечего сказать в свое оправдание?»

Цветущею весной я скрылась от тебя...

«Да, – подумала она. – Я скрылась надолго. С той самой весны. С той самой весны, когда мы сказали, что любим друг друга».

«Я осталась той же самой, какой и была еще в школе. Бланш права. Я. всего-навсего примерная ученица из «Святой Анны». Привыкшая к легкой жизни, не желающая утруждать себя мыслями, самодовольная, всеми силами избегающая всего, что может доставить мне неприятные впечатления».

«Лишенная внутреннего достоинства».

«Так что же мне делать? – думала она. – Что мне делать?»

«Я должна приехать к нему, – думала она, – Я должна сказать:

– Я виновата, Родни. Прости меня!»

– Да, я должна это сказать. Я должна. Я скажу ему:

– Прости меня, Родни. Я не знала. Я просто ни о чем не догадывалась.

Джоанна поднялась на ноги. Все суставы у нее ныли и болели. Ноги не слушались ее. Она чувствовала себя очень усталой.

Она медленно побрела к гостинице, с болью ощущая каждый шаг, словно глубокая старуха.

Шаг... Еще один... Одна нога... Затем другая...

«Родни! – думала она. – Родни!..»

Какой больной, какой слабой чувствовала она себя.

Путь до гостиницы показался ей необыкновенно длинным, очень длинным.

Индус вышел из гостиницы навстречу ей, Лицо его лучилось улыбкой.

– Хорошие новости, мэмсахиб! Хорошие новости! – прокричал он еще издали, отчаянно жестикулируя.

Джоанна пустым взглядом посмотрела на него.

– Вы поняли меня? Пришел поезд! Поезд пришел

на станцию! Сегодня вечером вы уедете отсюда!

«Поезд? – отстраненно подумала она. – Поезд, который отвезет меня к Родни...»

«Прости меня, Родни! Прости меня!» Она словно издалека услышала свой смех, глухой, ненатуральный. Индус в недоумении посмотрел на нее, потом повернулся и пошел к станции. Она поплелась следом за ним.

– Значит, поезд пришел, – повторила она, постепенно овладевая смыслом сказанных индусом слов. – Ну что ж, очень кстати...

Глава 11

Все это словно сон, думала Джоанна, да, все это словно сон.

Пройдя меж извивов колючей проволоки, мальчишка-араб принес ее чемоданы и что-то по-турецки пронзительно закричал: рослому, толстому, с подозрением смотревшему на них турку, начальнику станции.

У перрона стоял, поджидая ее, знакомый спальный вагон с кондукторами в униформе шоколадного цвета, которые выглаживали из окон.

На вагоне красовалась надпись «Алеппо – Стамбул».

Этот вагон был единственной ниточкой, которая связывала ужасную гостиницу в пустыне с цивилизованным миром!

Проводник, отменно вежливый и по-европейски услужливый, приветствовал ее по-французски и открыл перед нею дверь купе, в котором заправленная постель сверкала белизной подушки и простыней.

Джоанна почувствовала, что наконец возвращается в цивилизованный мир...

Внешне Джоанна выглядела как спокойный, бывалый путешественник, та же самая миссис Скудамор,

которая неделю назад оставила Багдад. Лишь она одна знала, какое удивительное преобразование, какая поразительная перемена скрывается за ее невозможным внешним обликом.

Поезд, как она уже отметила, пришел очень кстати. Он появился именно тогда, когда рухнули последние барьеры, которые она воздвигала всю жизнь, – рухнули, смытые лавиной страха и одиночества.

Для нее, как и для всякого человека, оказавшегося наедине с собой, наступило прозрение. Она поняла саму себя. И, хотя в данную минуту она выглядела как самая обыкновенная путешествующая англичанка, утомленная тяготами длительного странствия, тем не менее ее сердце и ум находились в состоянии самоуничтожения, которое охватило ее, когда она, одинокая и потерянная в пустыне, сидела на песке, подавленная тишиной и жгучим солнечным светом.

Она совершенно механически отвечала на замечания и вопросы индуса.

– Почему мэмсахиб не вернулась к ленчу? Ленч был готов и ждал вас. Очень хороший ленч. Скоро уже пять часов, для ленча уже поздно, но, может быть, выпьете чаю?

– Да, – отвечала она, – можно выпить и чаю.

– Где пропадала мэмсахиб? Я обошел всю гостиницу, но мэмсахиб нигде не было, Никто не видел, в ка-

кую сторону пошла мэмсахиб.

Джоанна ответила, что уходила в пустыню очень далеко, дальше чем обычно.

– Это не безопасно. Это совсем не безопасно. Мэмсахиб могла потеряться. Никто не видел, в какую сторону она пошла. Мэмсахиб могла заблудиться и не вернуться совсем.

Да, спокойно согласилась она, она в самом деле заблудилась, но, к счастью, выбрала правильное направление и смогла найти дорогу назад. Сейчас она хочет выпить чаю и немного отдохнуть. В котором часу отправляется поезд?

– Поезд отправляется в восемь тридцать вечера. Он немного подождет, не привезет ли автомобиль новых пассажиров. Но сегодня автомобиль не придет: слишком много воды, русла рек переполнены. Там все бурлит. – Индус взмахнул руками, сделал устрашающее лицо и грозно зашипел: – ф-ф-у-у-ш!

Джоанна кивнула в знак того, что понимает, о чем он говорит.

– У мэмсахиб очень усталый вид, – присмотревшись к ней, озабоченно произнес индус, – Мэмсахиб, наверное, очень расстроена?

Нет, сказала Джоанна, ничем она не расстроена.

– Мэмсахиб выглядит совершенно другой, – показал головой индус.

Да, равнодушно подумала Джоанна, мэмсахиб теперь другая. Возможно, на лице у нее проступает разница между той, прежней Джоанной и нынешней. Она поднялась в спальню чтобы переодеться, и остановилась перед засиженным мухами зеркалом.

В самом ли деле разница так заметна? Внимательно осмотрев себя в зеркале, Джоанна вынуждена была признать, что теперь она выглядела старше. Под глазами появились темные круги. Лицо покрывал слой желтой пыли и пота.

Умывшись, она причесала гребнем волосы, слегка припудрилась, коснулась губ помадой и посмотрела снова.

Разница все же была заметна. Теперь ее лицо выглядело по-иному, всеми чертами и выражением глаз излучая глубокую душевную искренность и спокойствие.

Каким же все-таки самодовольным существом она была! Ее охватило сильное отвращение к себе самой. Эта неприязнь к себе прежней, это недовольство собой, той, какой она была до этого дня, было для нее новым, еще непривычным чувством.

Родни, думала она, Родни.

Снова и снова она повторяла в мыслях это имя.

Это имя стало для нее символом ее цели. Рассказать ему все, абсолютно все, не щадя себя и ничего не

скрывая. Это, она чувствовала, было самое главное. Они должны начать новую жизнь, пока еще не поздно. Она скажет ему: «Я глупая, себялюбивая женщина. Ты мудрый, ты великодушный; научи меня, как жить!»

«Он должен простить меня», – думала Джоанна. Родни великодушный, он простит ее, думала она. Он очень хороший, чуткий и добрый человек, теперь она понимала это со всею отчетливостью. Он никогда не питал ненависти к ней. Вот потому его все любят, и дети без ума от него, а прислуга только и смотрит, как бы ему угодить. Даже Эверил, при всем своем упрямстве, никогда не переставала любить его. У Родни друзья – по всему городу. Родни, думала она, в жизни никого не обидел.

Джоанна вздохнула. Она чувствовала себя уставшей. Все тело ломило, словно она несколько дней работала, не разгибая спины.

Она выпила чаю и легла в постель, чтобы отдохнуть до обеда, после чего она сразу же должна была сесть в поезд.

Она уже не чувствовала ни нетерпения, ни страха, ни тоски по какому-нибудь занятию или развлечению. Мысли-ящерицы уже не показывались из своих норок, они больше не пугали ее.

Он наконец узнала и поняла себя, и это понимание даровало ей душевное спокойствие.

Теперь она хотела лишь одного – отдохнуть, лежать, ни о чем не думая, с пустыми, успокоившимися мыслями, различая в глубине сознания, как в тумане, милое лицо Родни...

И вот она уже сидит в поезде, в своем спальном вагоне, в своем купе, и слушает проводника, перечисляющего железнодорожные катастрофы, имевшие место на этой дороге за последние пятнадцать лет. Джоанна предъявила кондуктору свой билет, паспорт и с удовольствием приняла его заверения, что на первой же станции он отправит телеграмму в Стамбул и заново забронирует для мадам одно место в спальном вагоне Восточного экспресса. Джоанна заодно попросила его отправить из Алеппо еще одну телеграмму следующего содержания:

«Путешествие задерживается. Все в порядке. Люблю. Джоанна».

Родни должен получить эту телеграмму до ее приезда.

Словом, все было устроено, предусмотрено и оговорено, а ей самой ничего не оставалось делать и не о чем было заботиться. Теперь она могла совершенно расслабиться, что она и сделала с огромным удовольствием.

Впереди ее ожидали пять дней мира и спокойствия, пока экспрессы «Восточный» и «Тавры» будут с бе-

шеной скоростью нести ее на запад, с каждым днем все больше приближая ее к Родни и к прощению.

На следующий день, рано утром, они прибыли в Алеппо. До сих пор Джоанна оставалась единственным обитателем своего купе, поскольку сообщение с Ираком прервалось и пассажиров совсем не было. Но на этой станции скопилось очень много пассажиров, так что поезд оказался набит битком. Как обычно, было много сутолоки, недоразумений с вещами. С перрона доносились крики носильщиков, громкие разговоры, протесты, поздравления, споры, – и все это, произносимое на разных языках, смешивалось в единый гул вокзала.

Джоанна ехала в первом классе, в том самом единственном в экспрессе «Тавры» спальном вагоне со старомодными двухместными купе, предназначенным для таких, как она, пассажиров.

Но вот дверь отодвинулась в сторону, и в купе вошла высокая женщина в черном платье. За нею почтительно следовал проводник, который вел за собой целую толпу обремененных кладью носильщиков. Вскоре купе оказалось заполненным почти до отказа дорогими кожаными чемоданами с геральдическими коронами в уголках.

Высокая женщина по-французски отдавала распоряжения проводнику, как укладывать вещи. Наконец

все было уложено и проводник ушел. Женщина, обернувшись к Джоанне и улыбнулась с видом бывалой путешественницы.

– Вы из Англии, верно? – сказала она.

Она говорила почти без акцента. У нее было продолговатое бледное лицо с выразительными живыми чертами и светлые серые глаза, сиявшие странным блеском. На вид Джоанна дала бы ей не больше сорока пяти.

– Я приношу извинение за столь раннее вторжение. Совершенно неудобное время для отправления поезда. Наверное, я помешала вашему отдыху. Эти вагоны старого типа! В новых вагонах все купе одноместные. Но, я думаю, мы не мешаем друг другу, – улыбнулась она открытой детской улыбкой. – До Стамбула всего два дня пути, а я не из тех людей, с кем невозможно ужиться. Если я буду чересчур много курить, вы мне скажите. А сейчас я уйду и не буду мешать вашему отдыху. Пойду в вагон-ресторан, посмотрю, что у них сегодня на завтрак. Еще раз извините меня за столь раннее вторжение и суету.

– Не стоит беспокоиться, – улыбнулась Джоанна. – В путешествии без этого не обойтись.

– О, я вижу вы тоже уживчивый человек! – просияла женщина, увидев улыбку Джоанны. – Я думаю, мы отлично проведем время.

Она вышла из купе и аккуратно закрыла за собой дверь. Джоанна слышала, как она прощается на перроне с друзьями, которые называли ее Сашей и говорили на неизвестном Джоанне языке.

– Возбужденная разговором с новой пассажиркой, Джоанна больше не могла уснуть. До этого она проспала всю ночь и чувствовала себя отдохнувшей. Ей всегда хорошо спалось в поездах. Она встала и принялась одеваться. Поезд отошел от вокзала, когда она почти закончила свой туалет. Приведя себя в порядок, она вышла в коридор, но прежде бросила быстрый взгляд на геральдические короны на чемоданах своей попутчицы. Золотое тиснение на черной коже гласило: «Княгиня Гогенбах Салм».

Джоанна прошла в вагон-ресторан и увидела там свою новую знакомую, которая сидела за столиком, завтракала и оживленно разговаривала с маленьким плотным французом.

Княгиня посмотрела на Джоанну, улыбнулась и пригласила сесть рядом.

– Вы, как я вижу, энергичная женщина, – воскликнула она. – На вашем месте я бы еще спала и спала. Месье Бодью, продолжайте ваш рассказ. Он очень интересный.

Княгиня говорила с месье Бодью на французском языке, с Джоанной – на английском, отдавала распо-

ряжения официанту по-турецки и время от времени на беглом итальянском обменивалась замечаниями с меланхоличным офицером, который сидел через проход.

Наконец плотный француз кончил завтракать и удалился, учтиво поклонившись княгине.

– Вы настоящий полиглот, – сказала Джоанна.

Продолговатое бледное лицо княгини осветилось улыбкой, на этот раз немного грустной.

– Вы так считаете? Впрочем, почему бы и нет. Дело в том, что я родилась и выросла в России. Вышла замуж за немца и долго жила в Италии. Я говорю на восьми или девяти языках. На одних хорошо, на других похуже. Но ведь это же прекрасно – разговаривать. Как вы думаете? Каждый человек по-своему интересен, а наша жизнь такая короткая! Мы должны делиться своими мыслями, жизненным опытом. Но в мире очень мало любви, обычно говорю я. Мои друзья возражают мне: «Саша, но ведь есть люди, которых невозможно любить, – турки, армяне, левантийцы». А я с ними не согласна. Я люблю всех, Garson, L'addition.²

К ним тут же, поспешно и почтительно, подошел официант, и Джоанне стало понятно, что ее соседка по купе – в самом деле очень важная особа.

² Официант, счет. (фр.)

Все утро и весь день поезд мчался по плоским равнинам, а к вечеру стал медленно подниматься к предгорьям Тавра.

Саша сидела в своем углу, курила, читала книгу, время от времени делая остроумные замечания. Джоанна почувствовала, что очарована этой необыкновенной женщиной, которая была совершенно из другого мира и которая уже своим образом мышления абсолютно отличалась от всех, с кем Джоанне довелось встретиться в жизни.

Эта смесь обезличенности и интимности странно уживалась в этой женщине и совершенно очаровала Джоанну.

– Вы ничего не читаете. Почему? – вдруг сказала Саша. – Вы ничего не делаете руками, не вяжете. На англичанок это не похоже. И тем не менее вы выглядите как настоящая англичанка. Да, у вас абсолютно английский вид.

Джоанна улыбнулась.

– Все очень просто, – ответила она. – У меня с собой нет ничего почитать. Дело в том, что в Телль-Абу-Хамиде мне пришлось надолго прервать свое путешествие, и я перечитала все книги, какие брала с собой.

– На почему же в Алеппо вы не купили ни одной книги? Нет, я вижу, что вам нравится сидеть просто

так и смотреть в окно на горы. Хотя, должна сказать, вы их даже не замечаете. Вы смотрите на что-то такое, что видите только вы сами. Я права? Наверное, вы охвачены сильными переживаниями или уже перенесли их. Возможно, вы сильно тоскуете? Или, наоборот, очень счастливы?

Джоанна нахмурила брови и не торопилась с ответом.

Некоторое время Саша ожидала, глядя на нее, и наконец улыбнулась.

– О, вы настоящая англичанка! Мой вопрос показался вам крайне бестактным, да? Не отрицайте, я вижу. А ведь для русских это вполне естественно. Забавно, не правда ли? Вы не ощутили бы ни малейшей неловкости, если бы я спросила вас о том, где вы были, в каких отелях останавливались, что видели, есть ли у вас дети, чем они занимаются, давно ли вы путешествуете и знаете ли вы хорошего куафёра в Лондоне. Вы бы с удовольствием ответили на все эти вопросы. Но если я спрочу вас о чем-нибудь, что имеет отношение к душе, например, часто ли вы тоскуете, верен ли вам ваш муж, часто ли вы спите с мужчинами, какие у вас были самые сильные жизненные впечатления, любите ли вы Бога, – вас тут же охватит чувство неловкости, вы нахмуритесь и постараетесь уйти от ответа. А между прочим, эти вопросы – самые глав-

ные для человека и самые интересные, nicht wahr?³

– Вы, как я вижу, несмотря на свой космополитический вид и манеры, полностью сохранили в себе характер своей нации, – улыбнулась Джоанна.

– О, да! У вас, в Англии, даже представить нельзя, чтобы молодую, недавно вышедшую замуж женщину спросили, ждет ли она ребенка. Тем более такого вопроса у вас не услышишь за столом во время ленча. Такой вопрос у вас задают с глазу на глаз, понизив голос, а то и шепотом и на ухо. Хотя, если ребенок уже появился на свет, вы преспокойно спрашиваете во весь голос и где угодно, и за столом, и в театре: «Как себя чувствует ваша крошка?»

– Да, но ведь это в самом деле весьма интимный вопрос, не так ли? – возразила Джоанна.

– Нет, я так не думаю. Недавно в Венгрии я встретила свою подругу, с которой не виделась несколько лет. «Мицци, – сказала я ей, – ты замужем вот уже не один год, но у тебя до сих пор нет ребенка. Почему?» И, что вы думаете она мне ответила? Она сказала, что сама не знает! Она сказала, что вот уже пять лет как они с мужем усердно трудятся в постели, не жалея сил и времени. Они так устали, они просто истощили себя! Но ребенок так и не получается. «Что же мне делать?» – спросила она. И тогда – а мы сидели за сто-

³ разве нет? (нем.)

лом в окружении множества друзей и завтракали, – так вот, и тогда каждый стал делиться с нею советами. Да, представьте себе! И, должна заметить, многие из этих советов, на мой взгляд, оказались весьма практичными. Как бы то ни было, но Мицци сказала, что обязательно перепробует все, что ей насоветовали. Может быть, из этого что-нибудь и получится.

Заметив каменное выражение на лице у своей попутчицы, Саша расхохоталась.

И все-таки Джоанна почувствовала неожиданную симпатию, некое искреннее чувство к этой дружелюбной, хотя и забавной иностранке, жгучее желание открыть ей свое сердце. Джоанна поняла, что ей самой необходимо с кем-то пооткровенничать, кому-то высказать все, что наболело на душе за последние дни. Ей самой хотелось удостовериться в реальности того, что она ощущала в душе...

– Да, вы правы, – медленно проговорила она. – Мне в самом деле пришлось испытать очень сильные потрясения.

– Вот как! Я так и подумала. Что это было? Связь с мужчиной?

– Нет. Конечно же нет, – покачала головой Джоанна.

– Я очень рада. У многих женщин самые сильные переживания часто связаны с мужчинами и по сути весьма банальны, да и кончаются, как правило, пол-

ным забвением, не доставляя впоследствии ни малейших беспокойств.

– Нет, я там была одна, в гостинице в Телль-Абу-Хамиде. Ужасное место! Одни мухи, гора жестянок из-под консервов да колючая проволока. А внутри темно.

– Положим, окна там не делают из-за сильной жары, – возразила княгиня. – Но я очень хорошо представляю, что вы чувствовали.

– Мне даже не с кем было поговорить, – продолжала Джоанна. – Книг, что у меня были с собой, хватило всего на два дня. И вот, представляете, меня охватило очень странное состояние!

– Да, да, – кивнула княгиня. – Такое иногда бывает. Вы рассказываете очень интересные вещи. Продолжайте.

– Я стала искать причину этого состояния и размышлять, разумеется, о себе. И мне вдруг открылось такое, чего я за собой никогда не знала. Я вдруг поняла такие странные вещи, в которых в обычных условиях никогда бы не создалась. Я не могу описать это состояние словами...

– Но вы же описываете, – улыбнулась княгиня, – как видите, это не трудно, я вас очень хорошо понимаю.

Интерес у Саши к тому, что рассказывала Джоанна, был такой естественный, такой непосредственный, что Джоанна, сама удивляясь себе, вдруг при-

нялась рассказывать все, что наболело у нее на душе. Джоанне казалось совершенно естественным сообщать этой женщине о себе столь интимные вещи, потому что она видела: Саша и сама умеет быть очень искренней и правдивой.

Отбросив всякую стыдливость, Джоанна поведала ей обо всех свои мучениях, страхах и о том, как в конце концов ее охватила сильная паника.

– Может быть, это вам покажется глупым, но я почувствовала себя совершенно одинокой, словно сам Господь оставил меня.

– Да, такое иногда чувствует каждый человек. Я сама пережила такое. Это ужасно, когда тебя охватывает самая черная меланхолия. Ужасно! Вокруг тебя словно становится темно.

– Нет, там было совсем не темно, там было светло, там светило яркое солнце. Я сидела посреди пустыни и не знала, в какую сторону мне направиться. Солнце жгло, а рядом не было ни дерева, ни укрытия, ни клочка тени.

– Неважно, мы говорим об одном и том же. Для вас это был свет, но все равно он вам казался ужасным, потому что вы долгое время как бы находились в помещении, в темноте, А для меня это был мрак, в котором ничего не видно, и я ощущала себя потерянной, словно в ночи. Но отчаяние, ужас и чувство одиноче-

ства мы испытывали одинаково сильно. Словно любовь Господа оставила нас.

– Вот тогда-то все и произошло, – медленно произнесла Джоанна. – На меня будто нашло озарение. Я поняла все. Я поняла саму себя. Я поняла наконец, что я собой представляю. Все мои глупые претензии и надежды слетели с меня, как пустая шелуха. Я словно родилась заново, – Джоанна пристально посмотрела на свою собеседницу.

Саша вздохнула и с сочувствием покачала головой.

– И тогда я поняла, что должна делать, – продолжала Джоанна. – Я поняла, что мне надо вернуться домой и все начать сначала. Я должна построить новую жизнь, начать все сначала.

Наступило долгое молчание. Саша задумчиво смотрела на собеседницу с выражением, которое немного озадачило Джоанну.

– Ох, наверное, я кажусь вам совершенно сентиментальной и чувствительной дурой...

– Нет, нет, не надо так говорить! – остановила ее Саша. – Я очень хорошо понимаю ваши переживания. Со мною тоже случалось подобное. Такое происходило и со Святым Павлом, и с другими святыми, с обыкновенными смертными и с грешниками. Это называется раскаянием. Человека охватывает прозрение, и душа его начинает понимать саму себя. Да, подобное

бывало со многими людьми, и все это естественно. Не надо этого стыдиться, это вполне обычная вещь, как, например, то, что вы обедаете или чистите зубы. Да, это совершенно обычные вещи, но мне все равно интересно. Рассказывайте, я слушаю вас.

– Я вдруг поняла, что была такая недобрая, такая глупая и злая, – продолжала Джоанна. – Я поняла, что доставила много огорчений любимому человеку.

– Да, да, это и было ваше раскаяние! – с жаром воскликнула Саша.

– Мне так захотелось домой, что я едва нашла силы дождаться поезда. Мне так много надо сказать ему! Я хотела все объяснить ему!

– Кому? Вашему мужу?

– Да. Он всегда был такой добрый со мной, такой великодушный, но он был несчастлив. Я не смогла сделать его счастливым.

– А теперь вы думаете, что сможете сделать его счастливым?

– По крайней мере мы с ним должны объясниться. Пусть он узнает, как я глубоко сожалею о том, что было в прошлом. Он может мне помочь. Но что я скажу ему? – Джоанне на ум пришли слова христианской молитвы. – Я скажу ему: «Да будет новая жизнь отныне и навсегда».

– Это под силу только святым, – сурово произнесла

Саша.

Джоанна поникла.

– Нет, я совсем не святая.

– Да, именно это я и хотела сказать. – Саша помолчала, затем продолжала мирным приветливым голосом. – Простите меня за мои слова. Может быть, я и не права.

Джоанна выглядела немного смущенной.

Саша закурила еще одну сигарету и глубоко вдохнула дым, устремив взгляд в окно.

– Сама не знаю, почему я все это рассказала вам, – смущенно произнесла Джоанна.

– Что в этом странного? Это естественно. Вам просто надо было кому-то все рассказать. Вам нужно было выговориться. У вас столько накопилось на душе, вам надо было освободиться от этого груза. Все это совершенно естественно.

– Обычно я очень сдержана, – покачала головой Джоанна.

Саша с удивлением посмотрела на нее.

– И очень гордитесь этим, как и все англичане, да? Ох, англичане такая забавная нация, очень смешная. Такая стыдливая. Так озабочена своим целомудрием, всегда готова бороться и истреблять собственные пороки.

– Думаю, что вы преувеличиваете, – поджав губы,

сказала Джоанна.

Она вдруг почувствовала себя настоящей британкой, совершенно не схожей характером с этой экзотической бледнолицей женщиной, сидящей в противоположном углу, с женщиной, с которой минуту или две назад она делилась своими интимными переживаниями.

– Вы едете до самого Симплона? – спросила Джоанна обыденным тоном.

– Нет, я на сутки остановлюсь в Стамбуле, а затем направлюсь в Вену, – беззаботно ответила Саша. – Может быть, я там и умру, а может быть, и нет.

– Вы хотите сказать, что у вас есть такое предчувствие? – помедлив, тревожно спросила Джоанна.

– Нет, это не так! – Лицо Саши озарилось улыбкой. – Я направляюсь туда, чтобы сделать операцию. Операция будет очень серьезной. Такие операции нечасто кончаются благополучно. Но, в Вене есть очень хорошие хирурги, к одному из них я и еду. Это очень хороший врач. Он еврей. Я всегда говорила, что глупо изгонять всех евреев из Европы. Они хорошие врачи, хорошие хирурги. Среди евреев есть очень много артистов.

– Да – кивнула Джоанна, – совершенно с вами согласна. Мне очень жаль.

– Жаль кого? Меня, из-за того, что я могу умереть?

Но ведь все мы умрем рано или поздно. А может быть, я и не умру. Если останусь жива, то уйду в монастырь, я знаю один монастырь, там очень строгие порядки. Там даже не разговаривают, только молятся.

Джоанна: поймала себя на мысли, что никак не может представить себе Сашу принявшей обет молчания.

– А ведь скоро нам всем придется много молиться, – суровым тоном продолжала Саша. – Скоро придет война.

– Война? – Джоанна посмотрела на Сашу, широко раскрыв глаза.

Саша кивнула.

– Да, обязательно будет война. Она начнется в следующем году или через год.

– Не может быть! – выдохнула Джоанна. – Мне кажется, вы ошибаетесь.

– Нет, нет. У меня есть друзья, которые обладают самой достоверной информацией. Они обо всем мне рассказывают. Все уже решено.

– Но где будет война? Против кого?

– Война будет везде. Все нации будут воевать друг с другом. Мои друзья считают, что всех победит Германия, причем очень быстро. Но я думаю, что все будет не так. Может быть, немцы и сумеют развязать войну. Может быть. Но дело в том, что я знаю очень

многих англичан и американцев, я знаю, что это за люди.

– Как бы то ни было, – нахмурившись, сказала Джоанна, – никто не хочет войны.

Саша скептически усмехнулась.

– А для чего тогда существует движение гитлер-югенд?

– Но у меня есть друзья и в Германии. – честно призналась Джоанна. – Они много хорошего могут сказать о нацистском движении.

– О-ля-ля! – воскликнула Саша. – Послушать бы, что они скажут через три года!

Неожиданно она рывком подалась вперед, так как поезд резко затормозил и вскоре остановился.

– Смотрите, мы в Киликийских воротах! Прекрасный вид, не правда ли? Давайте выйдем из вагона.

Они вышли из купе и долго стояли вместе с другими пассажирами, глядя вниз – в огромный провал среди гор – на покрытую голубой дымкой зеленую долину, лежащую перед ними внизу.

Близился закат, и воздух на перевале был наполнен изысканной прохладой и спокойствием.

«Как прекрасно!» – подумала Джоанна.

Ей стало жаль, что Родни не стоит сейчас с нею рядом.

Глава 12

И вот наконец вокзал Виктория.

Сердце Джоанны возбужденно затрепетало.

Как хорошо быть дома!

На мгновение ей показалось, что она вовсе никуда не уезжала отсюда. Вокруг была Англия, ее родная страна, Вот перрон, на перроне чудесные английские носильщики... Впрочем, не такие уж чудесные, но все равно английские. Прекрасный английский денек! Впрочем, не такой уж прекрасный, скорее даже дождливый, но все равно английский. Типичная английская погода!

Не надо ни романтики дальних странствий, ни чужеземных красот, пусть лишь всегда остается вокруг нее прекрасная Англия, добрый старый вокзал Виктория, такой же как всегда, выглядевший как всегда и даже пахнущий как всегда!

«Ох, – подумала Джоанна, – как я счастлива, что вернулась домой!»

Она проделала такое далекое, такое утомительное путешествие! Она пересекла Турцию, Болгарию, Югославию, Италию и Францию! Таможенные офицеры, осмотр багажа, паспортный контроль... Ее личность опознавали службисты в самых различных мундирах,

говорившие на самых разных языках. Она очень устала, да, очень устала от всех этих иностранцев, даже от таких оригинальных, как та русская женщина, с которой она ехала в одном купе от Алеппо до Стамбула, даже Саша в конце концов ее очень утомила. Безусловно, Саша очень интересный человек, удивительный, хотя бы потому, что она не похожа ни на кого, с кем Джоанне доводилось встречаться. Но к тому времени, когда поезд мчался вдоль берега Мраморного моря к Хайдар-Паше, Джоанна уже мечтала поскорее расстаться со своей попутчицей. Джоанну смущало то, что она, совершенно забыв обо всех правилах приличия, посвятила чужестранку в собственные личные дела, разговаривать о которых избегала даже с соотечественницами. Но была и другая причина, по которой Джоанна хотела поскорее расстаться с Сашей. Она не могла выразить эту причину словами. Дело в том, что в Саше, в этой русской аристократке, было нечто такое, что заставляло Джоанну чувствовать себя глубокой провинциалкой. А это не очень приятное чувство. Джоанна даже не хотела признаться, что изо всех сил старается доказать себе, что она, Джоанна, не хуже других! Самолюбие Джоанны задевала мысль о том, что Саша, при всех своих дружелюбии и непосредственности, все-таки принадлежала к высшей аристократии, тогда как Джоанна относилась себя

к среднему классу и была обыкновенной женщиной, женой провинциального адвоката. Разумеется, глупо мучиться и терзаться по этому поводу, и тем не менее Джоанна никак не могла избавиться от чувства собственной неполноценности.

Но как бы то ни было, все наконец осталось позади. Она снова была дома и стояла на родной земле.

Джоанну никто не встречал, потому что она больше не посылала Родни телеграмм, чтобы известить о дате своего приезда.

Её очень хотелось встретиться с Родни в их собственном доме. Она хотела, увидев Родни, сразу же начать свою исповедь, не откладывая ни на минуту выполнения принятого решения. Надо сразу покончить со всеми объяснениями, думала она, так будет легче. Ну в самом деле, не стоять же перед ошарашенным мужем на коленях, умоляя о прощении, прямо на перроне среди толпы пассажиров!

Джоанна окинула взглядом вокзал, торопящихся людей и таможенные пакгаузы в конце перрона.

Нет, лучше она проведет спокойную ночь в отеле «Гросвенор», а на другой день отправится домой в Крайминстер.

Может быть, подумала она, сначала позвонить Эверил и увидеться с нею? Ей удобно позвонить прямо из отеля.

Да, решила она, так она и сделает.

С собою у нее был лишь ручной багаж, который уже проверили на таможне в Дувре, так что она могла спокойно отправиться прямо в гостиницу.

Там она приняла душ, переоделась и лишь после этого позвонила Эверил. К счастью, дочь, оказалась дома.

– Мама? Ты? Я понятия не имела, что ты уже вернулась.

– Я приехала сегодня после обеда.

– Папа с тобой, в Лондоне? Он встречал тебя?

– Нет. Я не стала сообщать ему, когда приеду. У него наверняка много работы, а я не хочу его отвлекать по пустякам.

– Да, я думаю, ты права. В последнее время он очень занят, – ответила Эверил.

И Джоанне показалось, что она услышала легкую ноту удивления в голосе Эверил.

– Ты часто с ним видишься? – спросила Джоанна.

– Нет, не часто. Последний раз он приезжал в Лондон три недели назад. Мы с ним вместе позавтракали. Мама, что ты делаешь сегодня вечером? Может быть, мы с тобой встретимся и где-нибудь вместе пообедаем?

– Я думаю, дорогая, будет лучше, если ты сама приедешь сюда, ко мне в отель. Если ты, конечно, не воз-

ражаешь. Я так устала путешествовать, что мне уже не хочется выходить из номера.

– Да, представляю себе! – засмеялась в трубку Эверил. – Хорошо, я скоро приеду.

– Может быть, и Эдвард придет с тобой? – осторожно поинтересовалась Джоанна.

– Нет. Сегодня вечером у него деловой ужин. Джоанна положила трубку. Сердце у нее билось немного быстрее обычного. «Эверил! Моя Эверил!» – с волнением думала она.

Какой спокойный, даже холодный был голос у Эверил, когда она разговаривала с матерью! Отстраненный, бесстрастный, безличный.

Через полчаса позвонил портье и сообщил, что внизу ее ждет миссис Гаррисон-Уилмотт. Джоанна закрыла номер и спустилась в холл.

Мать и дочь приветствовали друг друга с отменной английской чопорностью. Джоанна отметила про себя, что Эверил выглядит хорошо. Она не похудела и не потолстела. Джоанна даже почувствовала легкую гордость, когда вместе с дочерью входила в пустой и просторный в этот час зал ресторана. Эверил в самом деле выглядела очень привлекательно и даже изысканно.

Они сели за столик, и Джоанна почувствовала секундное замешательство, когда встретила глазами

со взглядом дочери.

Глаза Эверил оставались холодны, равнодушны и не выражали ни малейшего интереса к матери.

Эверил, как и вокзал Виктория, нисколько не изменилась, подумала Джоанна.

«А что в этом удивительного? – задала себе вопрос Джоанна. – Это я изменилась, но Эверил вовсе не знает об этом».

Эверил спрашивала мать о Барбаре, о Багдаде, Джоанна рассказала обо всех забавных приключениях, которые случились с нею во время путешествия домой. Так или иначе, их беседа протекала с трудом. Казалось, ничто не могло заставить разговор литься свободно и непринужденно. Расспросы Эверил о Барбаре выглядели совершенно поверхностными, незначительными и скорее в них отдавалась дань родственным чувствам, нежели выражался искренний интерес. Эверил, очевидно, старалась по мере возможности избегать неуместных вопросов и этим насторожила Джоанну. «Но откуда Эверил могла знать правду?» – спрашивала себя Джоанна. Скорее всего эта уклончивость дочери была продиктована обычной ее деликатностью и нелюбопытством.

«Правда! – вдруг подумала Джоанна, – А могу ли я сама знать правду?» Может быть, все ее догадки о Барбаре – только плод ее воображения? В конце

концов у нее ведь нет конкретных доказательств.

Она постаралась выбросить из головы все сомнения о Барбаре, но мысли не уходили, понемногу приводя ее в раздражение. Похоже на то, думала Джоанна, что она из тех людей, которые сами выдумывают факты.

– Эдвард вбил себе в голову, что он непременно должен пойти в армию, если начнется война с Германией, – говорила тем временем Эверил своим спокойным невозмутимым голосом.

– Вот как! – воскликнула Джоанна. – О войне мне говорила в поезде моя соседка по купе. Она сказала, что абсолютно в этом уверена. Соседка оказалась очень важной персоной и, кажется, знала, о чем говорит. Но я никак не могу в это поверить. Гитлер не осмелится развязать войну.

– Ох, я не знаю, – вздохнула Эверил и задумчиво посмотрела в окно.

– Дорогая, ведь никто в мире не хочет войны!

– Это так, но люди иногда бывают вынуждены делать именно то, чего они не хотят, – возразила Эверил.

– Я думаю, все эти разговоры о войне вредны и опасны, – решительно сказала Джоанна. – Они приучают людей к мысли о ее неизбежности.

Эверил улыбнулась.

Они еще некоторое время продолжали свой бес­связный разговор. Покончив с обедом, Джоанна зев­нула. Эверил заметила это и тут же сказала, что, на­верное, утомила мать своим присутствием и что ей надо вернуться домой.

Да, согласилась Джоанна, она сегодня очень уста­ла.

На следующий день Джоанна побывала в несколь­ких магазинах и сделала покупки, а в два тридцать се­ла на поезд, отправлявшийся до Крайминстера. Про­водник сказал, что они прибудут в Крайминстер сра­зу после четырех часов. Джоанна подумала, что это очень удачно: она встретит Родни, который как раз в это время должен вернуться домой из офиса.

Джоанна оценивающим взглядом окинула вид, от­крывающийся из окна. Впрочем, ничего необычного для этого времени года она не увидела: голые дере­вья, мелкий морозящий дождик, пустынный бульвар. Но какую милою показалась ей эта унылая картина осеннего города. Все здесь было ей давно знакомо и напоминало о доме. Теперь уже Багдад с его базара­ми, запруженными толпами народа, с его сверкающи­ми голубыми куполами и золотыми шпилями мечетей казался ей далеким и нереальным, словно не суще­ствовал вовсе. Она проделала долгое, фантастически долгое путешествие, в котором видела плоские рав­

нины Анатолии, заснеженные гордые пейзажи Тавра, высокие голые горные плато, спускающиеся длинными пологими ущельями к Босфору, Стамбул с минаретами, забавные бычьи повозки на Балканах, Италию с ее голубым Адриатическим морем, блиставшим на солнце, когда она покидала Триест, Швейцарию и Альпы в угасающем свете заходящего солнца, Она увидела так много, что все это смешалось в единую картину, словно в калейдоскопе. И вот в конце концов она оказалась дома, здесь, в этой по-зимнему дождливой провинции...

«Я словно никогда не уезжала отсюда, – подумала Джоанна. – Я словно никогда отсюда не уезжала.»

Неожиданно она почувствовала себя расстроенной, неспособной упорядочить свои мысли. Встреча с Эверил прошлым вечером разочаровала её. Она вспомнила взгляд дочери, спокойный, нелюбопытный, даже холодный. «Очевидно, – подумала она, – Эверил не заметила во мне происшедшей перемены». А почему, собственно, Эверил должна видеть в ней перемену?

Она ведь изменилась не внешне. Перемена произошла в ее душе.

– Родни... – негромко, почти шепотом, медленно проговорила Джоанна любимое имя.

И снова у нее к сердцу подступила тоска, страстная

жажда любви и прощения.

«Все правильно, – думала она. – Мне грустно потому, что я начинаю новую жизнь».

До своего дома она доехала на такси. Увидев хозяйку, открывшая дверь Агнесс всплеснула руками и изобразила удивление и крайнее удовольствие.

– Хозяин будет очень рад! – сказала Агнесс.

Джоанна прошла к себе в спальню, сняла шляпку, перчатки, сбросила туфли и, надев мягкие домашние тапочки, снова спустилась вниз. Дом выглядел немного пустоватым, но это просто потому, что из сада давно уже не приносили свежих цветов.

Надо будет завтра срезать несколько веток лавра и поставить в гостиной, подумала она, и еще купить побольше гвоздик в магазине на углу.

Чувствуя легкое нервное возбуждение, она обошла все комнаты.

Может быть, ей следует рассказать мужу о своих догадках относительно Барбары? Надо полагать, в конце концов...

А с чего она решила, что все это правда? Вполне возможно, это лишь игра ее воображения, она все придумала. Она дала волю фантазии лишь потому, что приняла всерьез пошлые намеки этой глупой женщины, Бланш Хаггард, то есть теперь Бланш Донован. В самом деле, Бланш выглядела так ужасно! Такая

старая и неопрятная!

Неожиданно Джоанна почувствовала, как у нее кружится голова, в мозгу у нее словно перевернулся калейдоскоп, образовав из цветных стеклышек совсем иную картину. Она прижала руки ко лбу, закрыла глаза. Картины виденного в путешествии перемешались с другими ее мысленными образами, и все это кружилось, переворачивалось, перемешивалось, пока наконец не застыло, образовав новую картину...

Что это с нею?

В ее воображении снова возникла ужасная гостиница посреди пустыни и то, уже начинающее забываться, странное переживание, охватившее ее тогда, среди песков, под палящим солнцем. Да, в те минуты она пережила весьма неприятное чувство. Ей почему-то показалось, что дети не любят ее и что Родни любит не ее, а Лесли Шерстон. Какая чепуха! Теперь, когда она у себя дома, все это походит на кошмарный сон! «Бедная Лесли!» – подумала Джоанна, вспомнив, что Лесли Шерстон давно уже покоится на кладбище. А она, Джоанна, еще собиралась просить, прощения у Родни за то, что предостерегла его от этой безумной идеи фермерства, которой он был когда-то так увлечен! Какая глупость! Нет, нет, подумала Джоанна, все-таки она очень умная и дальновидная женщина.

И как ей такое могло взбрести в голову? Откуда мог-

ли взяться у нее все эти неприятные мысли и переживания?

Была ли в них хоть капелька правды? Или все это сплошная фантазия? Как бы то ни было, ей не хотелось, чтобы все это оказалось правдой.

Ей непременно надо решить... Ей непременно надо решить...

Что ей надо решить?

Солнце, вспомнила Джоанна, солнце так безжалостно жгло ее. Это все были галлюцинации, вызванные солнцем...

Она бежала в пустыне... Она упала на песок ниц и молилась...

Неужели все это происходило на самом деле?

Или нет?

Нет, с нею просто-напросто случилось временное умопомешательство. Как приятно теперь сидеть у себя в комнате, в своем доме, в милой Англии и думать, что все это ей лишь приснилось и никогда больше не повторится.

Здесь все оставалось так, как было, и таким будет всегда.

Но в голове у нее все еще крутился калейдоскоп, мелькали цветные образы, обрывки мыслей, воспоминания о чувствах... На мгновение у нее в голове возникло ощущение совершаемой ошибки.

«Родни, прости меня, я не знала...» – со слезами на глазах.

«Это я, Родни! Я вернулась домой!» – с самодовольной улыбкой.

Какой образ, какая картина возникнет в остановившемся калейдоскопе? Она должна сделать выбор.

Неожиданно Джоанна услышала, как хлопнула внизу дверь. Этот звук хлопающей двери так был ей знаком!

Родни вернулся домой, Так что же ей сказать? Что выбрать? Быстрее!

Дверь отворилась, вошел Родни. Остановившись, он удивленно посмотрел на Джоанну.

Джоанна стремительно шагнула вперед. Она старалась не смотреть ему в глаза. «Дай ему хотя бы минуту, – думала она, – хотя бы секунду...»

Подойдя к нему, Джоанна, лучась беззаботной улыбкой, самодовольно воскликнула:

– Это я, Родни! Я вернулась домой!

Эпилог

Родни Скудамор сидел, откинувшись в глубоком уютном кресле, в то время как его жена разливала по чашкам чай, позванивая чайными ложечками о тонкий фарфор, и беспрестанно болтала о том, как чудесно вновь оказаться дома и как приятно убедиться, что здесь ничего не изменилось и все вещи лежат на своих местах. Родни даже не представляет, тараторила она, как прекрасно снова оказаться в Англии, в Крайминстере, в своем собственном доме.

По оконному стеклу, нудно жужжа, ползала туда-сюда большая зеленая муха, разбуженная от осенней спячки необычно теплым для ноября днем.

Д-з-з-з, д-з-з-з, д-з-з-з, звенела муха.

Дзинь-дзинь-дзинь, – звенел голос Джоанны Скудамор.

Родни сидел в кресле, прикрыв глаза, улыбаясь и кивая.

Шум, шум, шум, думал он, кругом один шум.

Для одних он значит очень много, а для других не означает ничего. Он ошибся. Он решил, увидев лицо Джоанны в первую минуту встречи, когда она шагнула к нему, что с нею произошло нечто важное. Нет, с Джоанной все было в порядке. Она была такой, как

всегда. И все вокруг было таким, как всегда.

Напившись чаю, Джоанна поднялась наверх разбирать свои вещи, а Родни отправился в свой кабинет, где намеревался немного посидеть с документами, которые принес с собой из офиса. Но прежде, чем сесть за работу, он открыл маленький верхний ящик своего письменного стола и вынул оттуда письмо Барбары. Письмо пришло авиапочтой и на несколько дней опередило Джоанну.

Это было длинное письмо, написанное мелким плотным почерком, но Родни запомнил его почти наизусть. И все-таки он принялся читать его снова, задержавшись подольше на последней странице.

«Дорогой папочка, я хочу все тебе рассказать. Думаю, что ты и сам уже обо всем догадался. Не беспокойся, пожалуйста, обо мне. Я прекрасно понимаю, какой мерзкой и злой, маленькой, глупой тварью я была. Но помни, мама ничего не знает. Мне было нелегко сохранить все в тайне от нее, но доктор Мак-Квин очень помог мне, а Уильям вел себя просто чудесно. Я даже не знаю, что мне для него теперь сделать и как его отблагодарить. Он всегда был рядом, он всегда был готов отвлечь маму, если разговор принимал не то направление. Я так перепугалась, когда получила телеграмму о том, что она едет к нам в гости. Я знаю, ты всеми сила-

ми пытался задержать ее, дорогой папочка, но ты же знаешь, какая она упрямая! Впрочем, это очень любезно с ее стороны – навестить больную дочь. Но только она не знает меры. И старается все переделать на свой лад, как всю жизнь старалась устроить нашу жизнь по своему представлению. Я себя так плохо чувствовала, когда она была у нас, я так болела и потому совсем не готовилась к встрече с нею. Я чувствовала лишь одно, что моя Мопси снова со мной! Она такая милая! Мне так хочется, чтобы ты увидел ее. Папочка, ты любил нас, когда мы были маленькими? Или полюбил нас потом, когда мы выросли? Дорогой папочка, я ужасно рада, что именно ты – мой отец. Не беспокойся обо мне. Со мной теперь все в порядке.

Любящая тебя Барби»

Родни на минуту задумался, держа в руках письмо. Он хотел бы сохранить его навсегда. Это письмо для него очень много значило. В некотором смысле оно представляло собой письменное доказательство того, что его дочь верит в него и надеется на него. Именно этого он и добивался всю жизнь. Но его профессиональный опыт, его рассудок адвоката убедительно доказывали ему, что в этом письме заключается немалая опасность и хранить его безрассудно. Ему часто доводилось убеждаться на печальном опы-

те своих клиентов, что хранить такие письма не следует ни в коем случае. Потому что, в случае его смерти, Джоанна, перебирая его бумаги, могла наткнуться на письмо, и это принесло бы ей ненужную боль. Незачем ее расстраивать и разочаровывать, подумал Родни. Пусть она остается в счастливом неведении и живет в спокойном мире, чистом и незамутненном, свободном от недомолвок и иносказаний, – в мире, который она сама создала для себя.

Он решительно пересек кабинет, подошел к камину и бросил письмо Барбары в огонь. Ну вот, подумал он, теперь все в порядке. Так будет лучше. Больше всего он опасался за Барбару, потому что очень хорошо знал, какой у нее неуравновешенный характер. Слава Богу, кризис у нее миновал, она избежала беды, хотя и не без душевной травмы, но осталась жива. И теперь она понимает, что Мопси и Билли – самое дорогое, что у нее есть в жизни. А между прочим, он очень хороший человек, Билли Врэй. Родни всей душой хотел, чтобы Билли не пришлось много страдать.

Да, теперь с Барбарой все будет в порядке. И у Тони дела идут успешно на его апельсиновых плантациях в Родезии. Хотя он и далеко от них, своих родителей, тем не менее у него все хорошо. Главное, чтобы он был счастлив. Его молодая жена, судя по его словам, очень хороший человек. Нет, за Тони он не пережива-

ет. У Тони тоже славный, легкий, веселый характер.

И с Эверил все обстоит благополучно. Как всегда, когда он думал об Эверил, его охватило легкое чувство гордости. Ему нравилось, что у дочери такой же, как у него, строгий логический ум, а ее стремление во всем доходить до сути просто умиляло его. Да, у нее острый язычок и непреклонный, просто каменный характер!

Родни вспомнил последний спор с дочерью, и это воспоминание заставило его нахмуриться. Да, тогда он победил ее. Он победил ее исключительно тем оружием, которое она признавала сама и которым он, взрослый мужчина и опытный адвокат, обычно не позволял себе пользоваться в своей адвокатской практике. Холодный расчет, безжалостная, бесчеловечная логика, беспощадная ясность доводов, отмечающая всякие движения сердца... Увы, ему пришлось опуститься до этого. Но что делать, на карту была поставлена личная судьба его дочери, ее счастье, а может быть, и сама ее жизнь. К сожалению, девочка признавала только такое оружие. Родни вздохнул.

Может быть, она уже простила его? Впрочем, вряд ли. Но это уже не имеет значения. Если в результате всего он и утратил ее любовь, то ее уважение он сохранил, а возможно, и упрочил. А это, в конце концов, подумал Родни, главное. Это тоже немало. Это очень

даже много, если учесть ее характер.

Накануне свадьбы Эверил, в разговоре по телефону, соединившему их через огромные пространства, он сказал:

– Я надеюсь, ты будешь счастлива.

– Я буду стараться изо всех сил, папочка, чтобы не огорчать тебя, – приветливо сказала она.

Такова была Эверил, не признававшая показного героизма, не оглядывавшаяся назад, не жалевавшая ни себя, ни других. Во всяком случае, Эверил оказалась более жизнеспособной, чем другие их дети. Она никогда не рассчитывала на чужую помощь, она всегда рассчитывала только на себя.

«Теперь они уже взрослые и живут своей жизнью... – с грустью подумал Родни. – Теперь они не нуждаются в родителях».

Родни взял бумаги со стола и сел в кресло у камина, с удовольствием ощущая живительное тепло огня. Из офиса он взял с собой договор об аренде Массингама, чтобы проштудировать его еще раз. Развернув лист плотной бумаги, он стал перечитывать хорошо знакомый текст.

«Арендодатель передает, а арендатор принимает во временное владение все жилые и хозяйственные строения на земле арендодателя и весь сопутствующий хозяйственный инвентарь... – читал он. –

И обязуется не собирать более двух урожаев зерна с любой части пахотной земли без летней вспашки под пар. Арендатор также обязуется...»

Неожиданно его руки дрогнули, глаза непроизвольно оставили четкие ровные строки документа и устремились на пустое кресло, стоящее напротив, с другой стороны камина.

В этом кресле обычно сидела Лесли, когда она приходила к нему консультироваться по делам своего мужа, находящегося под судом. Они спорили здесь, как быть с ее детьми, стоит ли им после вынесения приговора встречаться с отцом, навещать его в тюрьме. Она должна подумать о своих детях, говорил он.

Да, отвечала она, она подумала о детях. В конце концов, Чарльз— их отец.

— Отец, который сидел в тюрьме, — пояснил он как адвокат, — всегда будет бывшим заключенным, в отношении его всегда будет существовать определенное общественное предубеждение, некоторый общественный остракизм, который непременно скажется на детях, на их социальном положении и даже, может быть, укрепит в них мысль о коренной несправедливости жизни, а это попросту опасно для душевно незрелого, только начинающего взрослеть молодого человека...

— Да, все это так, — соглашалась она. — Но он их

отец. Не столько они принадлежат ему, сколько он принадлежит им. Конечно, я бы желала, чтобы у них был другой отец, но это невозможно.

Родни в ту минуту сделал вид, что не понял скрытого признания, потому что жизненные обстоятельства, сложившиеся у Лесли, делали неуместными такие признания.

– Неужели надо позволить им начать жизнь с гнусной науки избегать близких людей, попавших в беду? – сказала Лесли, – Лучше уж им уехать из Крайминстера куда-нибудь в пригород, где их никто не знает.

Конечно же, он понял ее доводы. Но дело в том, что они не согласовывались с его личными убеждениями. Что касается его, то он всегда хотел дать своим детям все самое лучшее. Собственно, они с Джоанной так и поступали всю жизнь. Их дети получили лучшие школы, лучших учителей, самые светлые комнаты в доме. Они с Джоанной сэкономили буквально на всем, чтобы сделать это возможным.

Но у них с Джоанной никогда не возникало моральных проблем того рода, какая сейчас стояла перед Лесли Шерстон. В семье у Скудаморов никогда не бывало недомолвок, неуважения, обмана, закулисных интриг. Никогда у них с Джоанной не вставал вопрос: «Что нам делать? Сохранить семью и оставить детей

при себе или разделить их, раздать в чужие руки, по семьям родственников?»

Лесли считала, что детей надо оградить. Разумеется, она любила своих сыновей, и потому не хотела, чтобы на их неокрепшие плечи легла часть того тяжкого бремени, которое обрушилось на нее как на жену преступника. Не эгоизм, не легкомыслие в отношении свалившейся на семью беды привели ее к этому решению. Просто она хотела избавить их даже от малейшей вины за то, что произошло.

И все-таки Родни считал, что она поступает неправильно. Но он полагал, что каждый человек волен выбирать решение по собственному усмотрению. Он уважал Лесли за ее отвагу и мужество. Но ее мужество не служило ей самой, оно служило тем, кого она любила.

Родни вспомнил слова Джоанны, сказанные тем памятным осенним днем, когда он уходил на службу.

– Достоинство? О, да, конечно. Но достоинство— это еще не все.

– Ты так считаешь? – произнес он и, не дождавись ответа, отправился в контору.

Родни вспомнил, как Лесли сидела здесь, у него в кабинете, в этом кресле напротив, с поднятой правой бровью и опущенной левой, с иронично изогнутыми уголками рта, откинув голову на высокую спинку крес-

ла, обитую голубой тканью. Волосы Лесли, озаряемые огнем, казались зелеными.

Он вспомнил, как произнес удивленным голосом:

– А у тебя совсем не каштановые волосы. Они у тебя зеленые.

Эта фраза была единственной интимной вольностью, которую он когда-либо позволил себе в отношении Лесли. Он никогда не задумывался над тем, как она выглядит. Усталой, да, он знал это, и больной, да, но при этом все-таки сильной, очень сильной физически. Однажды он совсем не к месту подумал, что, если потребуется, она сможет запросто подхватить мешок, полный картошки, и по-мужски взвалить себе на плечо...

Не совсем романтическая мысль, да и в других его воспоминаниях о Лесли было маловато романтики. Правое плечо у нее было заметно ниже левого, левая бровь была очень подвижная и то и дело взмывала вверх, к самому лбу, или опускалась вниз, почти накрывая глаз, а правая бровь в это время покоилась на своем месте, словно прибитая. Когда она улыбалась, то левый угол рта у нее иронично изгибался, делая ее похожей на Мефистофеля, каким его изображают на книжных иллюстрациях. А каштановые, на первый взгляд, волосы казались в бликах каминного огня по-русалочьи болотно-зелеными, когда она сиде-

ла в этом кресле напротив, откинув голову на его высокую спинку.

Словом, Лесли вовсе не обладала сногшибательной красотой, подумал он, и, на первый взгляд, ни что в ее облике не могло возбуждать любовь. Да и в самом деле, что такое любовь? Во имя всего святого, скажите, что такое любовь? Может быть, это благодостное чувство тепла и умиротворенности, которое он всегда ощущал, всегда видел ее сидящей напротив, с зелеными волосами на бледно-голубом фоне обивки кресла? Однажды она сказала ему:

– Знаешь, я почему-то подумала о Копернике...

О Копернике? Почему, ответьте ради всего святого, о Копернике? Об этом церковнике, которому втемяшилась в мозги безумная мысль, сумасшедшая идея, небывалое видение совершенно иного мироустройства, и который необыкновенно хитро и ловко сумел преподнести эту мысль сильным мира сего и не попасть на костер.

Почему, скажите на милость, Лесли, зная, что ее муж в тюрьме, что ее семья погрязла в нищете, что дома ее ждут дети, которым нужна ее забота, – почему она могла, запустив руку в свои пышные волосы, вдруг сказать: «Знаешь, я почему-то подумала о Копернике»?

И, как всегда, когда он вспоминал о Лесли, Родни

перевел взгляд на висевшую рядом с камином копию старинной гравюры, изображающей Коперника, который словно говорил ему: «Помни Лесли...»

«По крайней мере, – подумал Родни, – мне следовало бы сказать ей, что я люблю ее. Я бы мог сказать ей об этом. Хотя бы раз в жизни!»

Но была ли в этом какая-нибудь надобность? В тот день, когда они сидели вместе, но не рядом, на вершине Ашелдона, глядя на освещенную октябрьским солнцем долину, простирающуюся внизу перед ними, он мог бы сказать ей о своем чувстве. Они сидели вместе, но не рядом, ощущая неутоленную жажду любви и тоску по невозможному. Разделенные бесконечностью в четыре фута, они не рисковали сесть ближе друг к другу, чтобы потом не жалеть о непоправимом. Он знал, что Лесли тоже прекрасно понимает все это. Она должна была это понимать. «Это расстояние между нами, – еще тогда, смятенный и самоироничный, подумал он, – словно электрическое поле, заряженное страстью и желанием».

Они сидели молча, не глядя друг на друга. Они смотрели вниз, на зеленую долину, куда им никогда не сойти вместе, рука об руку. Они смотрели на зеленые поля и серые строения ферм, от которых доносилось слабое тарыхтение тракторов, а бледно-сиреневая дымка приближающейся ночи уже накрывала

землю.

Они были похожи на двух изгнанников, с тоской взирающих на землю обетованную, куда им уже никогда не попасть.

«Нет! Я обязательно должен был сказать ей тогда, что люблю ее!» – с грустной досадой подумал Родни.

Но когда они сидели на вершине Ашелдона, ни один из них не отважился сказать заветных слов. Разве что Лесли вполголоса пробормотала, словно только для себя, но Родни тоже услышал: «И пусть вовек не увядает лето...».

Только эти слова. Одна строка банальной цитаты. Он даже не знал, почему ей в голову пришли именно эти стихи.

Нет, он знал. Конечно, он знал. Бледно-голубая обивка кресла... Лицо Лесли... Он почему-то не мог отчетливо вспомнить ее лицо, единственное, что резко отпечталось в его памяти, это саркастический изгиб рта.

В течение последних шести недель, пока не было Джоанны, Лесли незримо присутствовала в этой комнате, сидела напротив него в этом кресле и безмолвно разговаривала с ним. Разумеется, все было лишь в его воображении. Он создал у себя в душе ее подобие, усадил ее образ в кресло напротив себя и заставил говорить своими словами. Правда, он заставил ее

говорить лишь то, что хотел слышать сам, и она покорно ему повиновалась, но все-таки ее рот все время кривился саркастической улыбкой, словно ей было смешно видеть, как он по-мальчишески забавляется с нею.

Это были самые счастливые недели, подумал он. У него появилась возможность повидаться с Уиткинсом и с Миллзом, они все вместе провели чудесный вечерок у Харгрейва Тейлора. Не так уж много друзей у него осталось. А в воскресенье он устроил для себя пикник, далеко уйдя по тропе за холмы. Кухарка приготовила ему отличный обед, слуга все разложил по судкам, завернул в салфетки и уложил в корзину. Он сидел на зеленом склоне холма и с наслаждением поедая вкусную снедь, не торопясь, как он любил, а потом дремал или читал книгу, время от времени подливая в стакан шипучей содовой воды из сифона, стоявшего рядом в траве. Придя домой, он немного отдохнул, потом закончил работу, которую брал с собой на воскресные дни, и наконец, покончив со всеми делами, закурил трубку и сел в кресло у пылающего камина, чувствуя себя одиноким и счастливым, наслаждаясь компанией лишь единственного гостя, сидевшего напротив, – образом Лесли, созданным его фантазией.

Да, это была воображаемая Лесли. Но, может быть,

где-то недалеко от него находилась и настоящая, реальная Лесли?

И пусть вовек не увядает лето...

Он взглянул на дрожавший в руках договор об аренде. «...а также обязан всеми способами улучшать вверенное ему хозяйство и соблюдать все правила землепользования».

«Да наверное, я и в самом деле настоящий законник. – подумал он. – Еще бы, ведь я процветаю.»

Он с грустной улыбкой посмотрел на бумаги, которые держал.

Да, фермерство в наши времена стало самым неблагоприятным делом, подумал он.

«Господи! Как я устал!» – подумал он.

Давно он так не уставал.

В эту минуту отворилась дверь, и вошла Джоанна.

– Родни! – строго сказала она. – Опять ты читаешь в темноте!

Она потянулась над ним, овеяв теплом своего тела, и включила торшер. Он с благодарной улыбкой посмотрел на жену.

– Дорогой, ты порой бываешь такой глупый! Сидишь в темноте и портишь глаза, когда стоило лишь протянуть руку и щелкнуть выключателем!

Джоанна обошла вокруг и села в кресло напротив. – Не знаю, что бы ты без меня делал!

– Наверняка погиб бы, раздавленный бременем дурных привычек, дорогая, – усмехнулся он.

Он посмотрел на нее и снова улыбнулся доброй, насмешливой улыбкой.

– Ты помнишь, – сказала Джоанна, – как тебе однажды взбрела в голову мысль отказаться от предложения твоего дяди Генри и вместо этого заняться фермерством?

– Да, я помню, – ответил он.

– Теперь ты видишь, как я была права? – с превосходством и самодовольством посмотрела на него Джоанна. – Ты, наверное, в душе благодарен мне за то, что я не позволила тебе совершить эту большую глупость?

Родни посмотрел на нее, восхищаясь ее самоуверенностью и неведением, любуясь по-молодому гибкой ее фигурой, ее гладким, милым лицом, ее выпуклым, не тронутым морщинами глубочайших раздумий лбом. Очаровательная, милая, впечатляющая...

«Все-таки Джоанна была мне очень хорошей женой!» – подумал он.

– Конечно, дорогая! Я очень рад этому, – ласково улыбнувшись, произнес он.

– Всех нас иногда осеняют сумасшедшие идеи! –

произнесла она.

– Даже тебя! – спросил Родни.

– Он спросил это в шутку, но тут же осекся, заметив, как сердито нахмурилось ее лицо. По лицу Джоанны пробежала тень, словно порыв ветра сморщил гладкую поверхность пруда.

– Иногда у каждого из нас сдают нервы, – сказала Джоанна.

Родни удивился.

– Ты знаешь, я так завидую тебе, что ты посмотрела Ближний Восток собственными глазами, – сказал он, чтобы сменить тему разговора.

– Да, мне было очень интересно. Но жить в таком местечке, как Багдад, я бы не хотела, дорогой! – возразила Джоанна.

– Интересно, на что похожа пустыня? – задумчиво произнес Родни. – Я не видел пустыни ни разу в жизни. Наверное, это удивительное зрелище? Один песок до самого горизонта... Пустота, безмолвие и яркий свет ясного солнца... У нас в Англии такого не увидишь. Мне особенно нравится представлять себе солнечный свет в пустыне. Образ солнца в пустыне просто восхищает. Должно быть, при таком свете все становится ясным и отчетливым, не так ли? Мне хочется собственными глазами увидеть эту ясность...

– Я ненавижу пустыню! – резко оборвала его Джо-

анна. – Я ненавижу ее! Там одна лишь пустота и нет ни капли воды!

Она оглянулась вокруг лихорадочным, нервным взглядом. «Словно перепуганное животное, которое ищет выход!» – подумал Родни.

Но тут же лоб Джоанны разгладился, она успокоилась..

– Эта обивка на кресле уже постарела и вся выцвела. Я обязательно закажу новую.

Родни непроизвольно поднял руку в протестующем жесте, но удержал себя.

В конце концов, почему бы нет? Обивка кресла действительно уже выцвела и из ярко-синей превратилась в бледно-голубую. А Лесли теперь уже никогда не сядет в это кресло. Лесли Аделина Шерстон навеки упокоена на церковном кладбище под тяжелой мраморной плитой. А адвокатская контора «Олдермак, Скудамор и Уитни» процветает. И фермер Ходдесдон пытается получить ссуду под вторую закладную.

Джоанна обошла гостиную, потрогала пальцем мебель, проверяя, нет ли где пыли, переставила книги в книжном шкафу, поправила безделушки на каминной полке. Да, подумала она, без нее тут некому было как следует распорядиться, и слуги, конечно же, совсем не убирали гостиную. Везде пыль, мусор, все разбросано...

– М-да, похоже, праздник окончился, – пробормотал себе под нос Родни.

– Что-что? – обернулась Джоанна. – Что ты сказал?

– Кто? Я? Ничего! – беззащитно посмотрел на нее Родни.

– Я же прекрасно слышала! – с раздражением сказала Джоанна. – Ты сказал, что праздник окончился! Ты, наверное, спишь на ходу. Тебе, наверное, приснилось, что у наших детей кончились каникулы им надо снова возвращаться в школу.

Джоанна строго посмотрела на него. Потом ее взгляд уперся в висевшую на стене литографию.

– Это еще что такое? Этого при мне не висело! – недовольно покачала она головой.

– Я купил эту картину в букинистической лавке Харли, – виноватым тоном, словно оправдываясь, произнес Родни.

– Вот как? – Джоанна с недоверием посмотрела на мужа. – Кто это?

– Коперник, дорогая, если ты помнишь астрономию...

– Какой он не похожий на себя! – удивилась Джоанна. – И дорого с тебя взяли?

– Сущие пустяки, – махнул рукой Родни. – Но главное не в этом...

А в чем, собственно говоря, главное? Может быть,

главное в воспоминаниях?

«Знаешь, я почему-то подумала о Копернике...»

Он подумал о Лесли, о преступнике-муже, о том, что его постигло: пьянство, нищета, болезни, смерть.

«Бедная миссис Шерстон. Она прожила такую грустную жизнь!»

«Но сама Лесли вовсе не грустила! – подумал он. – Она с достоинством переносила бедность и нужду, труды и болезни. Она шла по жизни словно первопроходец по новым землям, пересекая бесконечные равнины, бурные реки, высокие горы...»

Родни задумчиво посмотрел на жену. Все-таки Джоанне приходится очень нелегко, подумал он. Но как она держится! Подвижная, легкая, никогда не унывающая, вечно чем-нибудь занятая... Все ей удается, любое деле горит у нее в руках! А как она выглядит! Да ей трудно дать больше двадцати восьми лет.

Неожиданно теплая волна жалости к жене нахлынула на него.

– Бедная, маленькая моя Джоанна! – с грустной улыбкой произнес он.

Джоанна с удивлением посмотрела на мужа.

– Почему бедная? – спросила она. – И потом, я совсем не маленькая!

– «Это я, бедная маленькая Джоанна...» – с грустной насмешкой повторил Родни их давнюю шутку, ко-

торую они любили повторять в молодости. – Рядом никого нет, и я совсем одинока!»

Но вместо улыбки, которую Родни ожидал увидеть, на лице Джоанны вдруг мелькнул ужас. Она бросилась к нему, крепко обняла, сжала руками.

– Я не одинока, задыхаясь, забормотала она. – Я не одинока. У меня есть ты!

– Да, да, дорогая, – сказал Родни, словно маленькую, глядя ее по голове. – Ты не одинока. У тебя есть я.

Но Родни знал, что он говорит неправду. Он думал совсем другое.

«Ты одинока, и такую останешься навсегда, – думал он. – Но, Боже, пусть она об этом никогда не узнает!»